

М.А. Бурибаева

**ТЮРКИЗМЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**
ОТ ВАРИАНТОВ К НОРМЕ

ФЛИНТА•НАУКА

УДК 811.161.1'282

ББК 81.2Рус-67

Б91

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *В.П. Синячкин* (РУДН, г. Москва)

д-р филол. наук, проф. *С.К. Сатенова* (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана)

Бурибаева М.А.

Б91 Тюркизмы в русском языке : от вариантов к норме : монография / М.А. Бурибаева. — 4-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА : Наука 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-9765-1788-2 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-038514-6 (Наука)

Настоящая монография посвящена изучению тюркско-славянских языковых контактов на рубеже веков (с XI по XXI в.) и системному описанию тюркских заимствований в русском языке, процессов их адаптации на разных языковых уровнях. В книге впервые на большом диахроническом периоде (рубежа XI — начала XXI в.) тюркизмы описаны с точки зрения их деривационного потенциала, прагматической направленности, особенностей формирования семантической структуры, интра- и экстралингвистических факторов варьирования, а также лексикографической маркированности.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов вузов.

УДК 811.161.1'282

ББК 81.2Рус-67

ISBN 978-5-9765-1788-2 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-038514-6 (Наука)

© Бурибаева М.А., 2014

© Издательство «ФЛИНТА», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
----------------	---

Глава 1. ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМЫ И ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

1.1. Лингвистическое источниковедение в Казахстане	16
1.2. Норма и кодификация в современном русском языке	26
1.3. Этапы истории русского литературного языка и языковое строительство	39

Глава 2. ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ЭТАП В ИСТОРИИ СЛОВА

2.1. Метаязык теории вариативности	55
2.2. Вариативность и норма в истории русского языка	72
2.3. Формальная адаптация тюркизмов	90
2.4. Грамматическая адаптация тюркизмов	113
2.5. Формирование словообразовательных гнезд в XI—XVIII вв.	120
2.6. Словообразовательная адаптация тюркизмов в XIX—XXI вв.	132

Глава 3. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ТЮРКИЗМОВ НА РУБЕЖЕ XI—XXI вв.

3.1. Начальный этап заимствования: XI—XVIII вв.	148
3.2. Семантизация тюркизмов: формирование нового лексического значения	155
3.3. Семантика образов и трансформация тюркской культуры	165
3.4. Особенности семантической адаптации тюркизмов в современном русском языке в XIX—XXI вв.	205

Глава 4. TURCO-SLAVICA : ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

4.1. Тюркско-славянские языковые контакты на перекрестке времен и цивилизаций	226
4.2. Иноязычные слова в русском языке как свидетельство языковых контактов	239
4.3. Тюркизмы в русском языке: проблемы терминологического обозначения	251

4.4. Тюркизмы в лексикографических источниках: экспликация и маркированность	259
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	277
------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	285
--------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Алфавитный перечень тюркизмов	303
2. Сокращения названий древних источников	308

ВВЕДЕНИЕ

Предварительное замечание

В феврале 2013 г. Государственный секретарь Республики Казахстан М. Тажин на встрече с информационным активом страны призвал ученых и общественность обратить внимание на изучение национального исторического наследия. Он отметил, что для продолжения традиций и организованного углубленного изучения истории необходимо обратиться к первоисточникам, которые содержатся в ведущих мировых архивах¹.

На расширенном заседании Межведомственной рабочей группы по изучению национальной истории Республики Казахстан, которое проходило в столице Казахстана в июне 2013 г., М. Тажин подчеркнул важность инициативы Нурсултана Назарбаева о стратегическом видении национальной истории и отметил: «Будущее невозможно без опоры на историческое прошлое. В той незримой войне смыслов и ценностей, которая разыгрывается на планете каждый день, сохранение исторической памяти — это единственный способ самосохранения вообще <...>».

Сегодня, на этапе состоявшегося государства, мы должны осмыслить свою историю с высоты современной науки и создать целостную национальную историческую картину»².

Считаем, в этой связи вполне закономерна постановка вопросов, связанных с изучением тюркско-славянских языковых контактов, поскольку тюркские слова в функциональном и количественном отношении составляют заметный пласт в лексическом составе русского языка, чему способствовали исторические события и геополитические границы евразийского пространства.

* * *

Настоящая монография посвящена изучению тюркско-славянских языковых контактов в период с XI по начало XXI в., а имен-

¹ www.kzinform.com/ru/, 23 февраля, Астана.

² <http://kzinform.com/ru/news/20130223/23072.html>, 5 июня, Астана.

но — системному описанию тюркских заимствований в русском языке, процессов их адаптации на разных языковых уровнях.

Несмотря на обилие работ в этой области, все же интерес к таким исследованиям с каждым годом возрастает, с одной стороны, в связи с желанием по-новому взглянуть на историко-лингвистические процессы древнего периода, с другой, — в связи с интегративным характером современной науки о языке и желанием «окунуться» в прошлое и воссоздать дискурсивное поле языковых процессов древнего периода с целью выявления процессов формирования языковых норм.

Тезис о большом количестве тюркизмов, вошедших в русский язык в различные периоды его развития, стал уже хрестоматийным, а *Turco-Slavica*³ в лингвистических исследованиях в настоящее время оказалась динамично развивающейся областью. Тем не менее, комплексный анализ памятников письменности требует особого внимания, поскольку в архивах различных государств имеются интереснейшие источники, до сих пор не введенные в научный оборот и не имеющие полного описания, а также экстраполяции тюркизмов и их вариантов в процессе вхождения в русский язык.

В настоящей работе представлено описание тюркской лексики на анализе широкого фактического материала, который зачастую впервые вовлекается в научный оборот, — памятников русской письменности и, в частности, материалов Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН⁴. Также активно использовался Национальный корпус

³ Эта область исследования нашла отражение в деятельности Тюркской академии (г. Астана), созданной в 2010 г., и отдельные ее аспекты описаны в коллективной многографии ученых Казахстана «*Turco-Slavica: язык, этнос, культура в едином пространстве*»: коллективная монография / отв. ред. проф. Н.Ж. Шаймерденова. — Петропавл: Полиграфия, 2011.

⁴ Пользуясь случаем, хочу выразить свою любовь и особую признательность сотрудникам картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН: кандидату филологических наук ведущему научному сотруднику Л.Ю. Астахиной и кандидату филологических наук ведущему научному сотруднику Г.Я. Романовой, — за ценные консультации и предоставленную возможность работы с данным уникальным фондом.

русского языка, исторические и этимологические словари, фонды архивов Казахстана.

Академик О.Н. Трубачев в одной из своих известных работ заметил: «Долголетний уже опыт привел меня к убеждению, что надо стремиться преодолевать **монографизм** темы и, наоборот, всячески развивать то, что можно обозначить как **полигональность** исследования, то есть действовать примерно так, как советовал добрый советчик — создатель «науки о хорошей работе» — праксиологии — польский академик Тадеуш Котарбинский: не взирая на предмет все время из одного и того же окна, а вглядываться в него каждый раз из нового окна...»⁵. Именно это направило меня на изучение тюркизмов с различных сторон с учетом широкого хронологического и информационного разрезов.

Таким образом, в настоящей работе внимание сосредоточено на тюркизмах в русском языке, точнее — **на жизни тюркского слова в пространстве и времени**, т.е. на особенностях его функционирования в русском языке древнего, среднего и нового периодов, некоторых закономерностях их «существования» в памятниках русской письменности и тенденциях развития в современном русском языке. При этом, мы опираемся на определение Л.П. Крысина, который под *жизнью слова* понимает «не его историю, от древних истоков до современности, а иногда и до «смерти» (ведь многие слова уходят из языка, заменяясь другими), иначе говоря, не временной цикл, подобный циклу биологическому, — а главным образом поведение слова в языковом пространстве, его функционирование в речи, его взаимодействие с другими словами в процессе человеческого общения»⁶.

Интерес автора книги к исследованию языка памятников русской письменности и тюркизмов в русском языке обусловлен тем, что в условиях восстановления и укрепления независимой государственности Республики Казахстан и национального возрождения

⁵ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — М.: Наука, 2003. — С. 229.

⁶ Крысин Л.П. Жизнь слова. — М.: Русское слово, 2008. — С. 4—5.

дения особый интерес появился к проблеме изучения культурно-исторического наследия нации⁷. Как основной источник изучения языковой действительности различных эпох являются памятники письменности, сохранившиеся до настоящего времени в различных архивах (как государственных, так и в частных коллекциях). Обращение к данным источникам, комплексное их изучение важно для современной лингвистики, которая на перекрестке цивилизаций и эпох акцентирует внимание на языковых изменениях, межъязыковых контактах с целью воссоздания исторического прошлого и уточнения семантики языковых единиц, подвергающихся семантическим и лексическим трансформациям. В этой связи представляется наиболее важным изучение древних письменных памятников, отражающих не только историю развития какого-либо языка, но и актуализирующих культурно-историческую информацию о развитии различных этносов и о взаимоотношениях между государствами.

В памятниках письменности нашли отражение тюркско-славянские языковые контакты, история и культура тюркских и славянских народов на раннем этапе их существования. Согласно данным этимологических исследований и лексикографических источников, слова из тюркских языков вошли в разные исторические эпохи и в силу ряда историко-культурных, экономических причин активно функционируют в русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, чешском и др. языках. Таким образом, многоаспектное исследование тюркизмов дает ценный материал для тюркско-славянской контактологии и исторической лексикологии русского языка. И здесь мы опираемся на определение О.Н. Трубачева, который пишет: «...не лишне указать на различия между исторической лексикологией и историей, особенно реконструкцией культуры. Для исторической лексикологии характерна ориентация на культурные слова, термины, практически вообще всю лексику. Отсюда в идеале историческая лексикология языка — это прежде

⁷ На решение данного аспекта направлена Государственная программа Республики Казахстан «Культурное наследие» (www.madenimura.kz). Цели «Культурного наследия» — изучение, восстановление и сохранение историко-культурного наследия страны, возрождение историко-культурных традиций, пропаганда культурного наследия Казахстана за рубежом.

всего исчерпывающая инвентаризация и классификация его словарного состава»⁸.

Особый интерес как отечественных, так и зарубежных ученых вызывает функционирование тюркизмов в словарном фонде русского языка (труды В.И. Абаева, В.Д. Аракина, Н.А. Баскакова, И.Н. Березина, В.А. Гордлевского, Н.К. Дмитриева, И.Г. Добродомова, А.Н. Кононова, М.М. Копыленко, Ф.Е. Корша, Х.Х. Махмудова, К.Г. Менгеса, П.М. Мелиоранского, А.Д. Эфендиевой, Р.А. Юналеевой, Г.Х. Гилязетдиновой и мн. др.).

При этом казахстанские лингвисты в различных работах обращают внимание на тюркизмы в славянских языках и анализируют языковые особенности памятников русской письменности на синтаксическом, лексическом, фразеологическом и семантическом уровнях: Х.Х. Махмудов, М.М. Копыленко, А.С. Аманжолов, З.К. Ахметжанова, Н.И. Гайнуллина, А.К. Каиржанов, З.К. Сабитова, Н.Ж. Шаймерденова, А.Р. Бейсембаев, Л.Т. Килевая, Л.С. Байманова и др.

Данный аспект осмысливается в научных трудах известного казахстанского поэта О.О. Сулейменова, который еще в 1975 г. обратился к проблеме семантики тюркизмов в «Слове о полку Игореве» и до настоящего времени изучает этимологию тюркских слов и другие аспекты, связанные с проблематикой тюркско-славянских контактов⁹.

Однако в научных трудах не нашли должного освещения вопросы, касающиеся описания процессов адаптации заимствованной лексики в диахронии и в динамическом аспекте на широком материале текстовых и лексикографических источников XI—XVIII вв., а также с учетом национального корпуса русского языка современного периода.

Объектом настоящей монографии являются тюркские заимствования, обнаруженные в памятниках русской письменности XI—XVIII вв. (в частности, языковые единицы лексико-семантического уровня) и в текстах различных подкорпусов

⁸ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — М.: Наука, 2003. — С. 180.

⁹ Сулейменов О.О. Аз и Я. — Алма-Ата: Жазушы, 1975 и др. труды приводятся в гл. I.

современного русского языка, свидетельствующие о языковых и культурных связях между тюркскими и славянскими народами (с XIX по XXI вв.).

Основным источником для выявления вариантов тюркизмов послужила Картотека древнерусского словаря (КДРС) Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Словарь русского языка XI—XVII вв. (СлРЯ XI—XVII), письменные источники — оригинальные и переводные памятники русской письменности XI—XVIII вв., опубликованные в соответствии с правилами лингвистического издания памятников, а также различные словари русского языка (этимологические, историко-этимологические, толковые, современные и др.), из которых выбраны примеры употребления тюркизмов.

Так, к исследованию привлекались данные исторических словарей русского языка («Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, Словарь русского языка XVIII в.), которые позволяют определить хронологию проникновения тюркских слов в русский язык и их дальнейшее развитие.

При определении источника заимствования и установления времени появления слова и значения использовались также: этимологические словари русского языка М. Фасмера, П.Я. Черных, А.К. Шапошникова и др.; историко-этимологические исследования и сведения из этимологических этюдов Н.А. Баскакова, Н.К. Дмитриева, И.Г. Добродомова, А. Жаримбетова, Ф.Е. Корша, Б.А. Ларина, П. Мелиоранского, Д.С. Сетарова, Ф.П. Сороколетова, Р.А. Юналеевой и др.; двуязычные словари, материалы диссертационных исследований¹⁰.

Важным, на наш взгляд, источником для выборки тюркизмов в современном русском языке на протяжении XIX, XX, XXI вв. послужил Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ), который размещен на сайте www.ruscorpora.ru. Как отмечают разработчики данного сайта, «национальный корпус предназначен в

¹⁰ Названные авторы и их работы представлены в библиографии, в которой максимально отражены научные исследования по данному вопросу. Надеемся, что библиография станет своего рода путеводителем и историографическим справочником для тех, кто заинтересуется рассматриваемой проблематикой. При этом мы не претендуем на полноту отражения всех источников.

первую очередь для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов — от одного до двух столетий. Другая задача корпуса — предоставление всевозможных справок, относящихся к указанным областям (лексика, грамматика, акцентология, история языка)¹¹, поэтому представляется вполне обоснованным и достоверным фактом выбор материала исследования.

Материалом исследования послужили тюркизмы и их лексические варианты.

Важной составляющей нашей работы является Библиографическое описание памятников, которое дается в соответствии с «Указателем источников Словаря русского языка XI—XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений» (М., 1984. — 331 с.), составителями которого являются С.Ф. Геккер, С.П. Мордовина, Г.Я. Романова, а также с «Указателем источников рукописной древнерусской картотеки и Словаря русского языка XI—XVII вв.», помещенным в справочном выпуске Словаря русского языка XI—XVII вв. (М.: Наука, 2001. — 814 с.). Поэтому в Приложении предложен Список сокращений древних источников.

Цель монографического исследования — проследить исторический путь слова: описать функционирование тюркизмов в русском языке с его древнейшего периода до современности. При этом особое внимание уделить процессам вхождения тюркизмов и их «движения» от вариативности к норме.

Для достижения поставленной цели автору важно было решить *следующие задачи*:

- определить и охарактеризовать понятие нормы и вариативности в развитии языка;
- описать экстралингвистические причины появления тюркизмов в русском языке;
- выявить корпус тюркских заимствований в исследуемых текстах и лексикографических источниках;
- охарактеризовать семантику тюркизмов и их прагматическую направленность в лексической системе русского языка древ-

¹¹ На сайте НКРЯ: www.ruscorpora.ru

него периода с учетом динамики их функционирования в современном русском языке;

- установить особенности формирования семантической структуры тюркизмов в современном русском языке на основе формального (фонетического, орфографического, морфологического) освоения тюркизмов в памятниках русской письменности;

- установить и описать интра- и экстралингвистические факторы варьирования тюркизмов в древних текстах с учетом типологических особенностей контактируемых языков;

- описать особенности начального этапа вхождения тюркизмов в русский язык, зафиксированный в письменных источниках XI—XVIII вв.;

- рассмотреть словообразование тюркизмов как адаптирующий фактор при их функционировании в русском языке и представить активные и продуктивные словообразовательные типы и модели, по которым образовалось наибольшее количество тюркизмов;

- определить функции словообразовательных средств в истории русского литературного языка;

- рассмотреть проблемы лексикографирования тюркизмов древнерусского периода;

- проследить закономерности семантического развития тюркизмов.

Теоретическую основу исследования составили основные положения по проблемам взаимодействия языков, изложенные в классических и современных трудах отечественных и зарубежных ученых (Е.Э. Биржакова, У. Вайнрайх, И.Г. Добродомов, А.Е. Карлинский, Л.П. Крысин, Л.Л. Кутина, Х.Х. Махмудов, М.В. Орешкина, А.И. Соболевский, Ю.С. Сорокин, Э.Д. Сулейменова, З.К. Тарланов и др.); общетеоретические исследования категории нормы в соотношении с другими фундаментальными лингвистическими понятиями языкознания (О.С. Ахманова, С. Бизаков, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Н.И. Гайнуллина, К.С. Горбачевич, В. фон Гумбольдт, Л. Ельмслев, Е.С. Истрина, Э. Косериу, Л.П. Крысин, Б.А. Ларин, В.В. Лопатин, В. Матезиус, М.Л. Ремнева, Р. Сыздыкова, Л.В. Щерба и др.); достижения лингвистической науки в теории

словообразования и формообразования (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, М.Ш. Мусатаева, И.С. Улукханов, Н.М. Шанский, Л.А. Шеляховская и др.).

Для разработки проблематики исследования существенное значение имели:

— классические и современные работы по истории русского литературного языка (В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, В.В. Колесова, В.Б. Крысько, М.Л. Ремнева, Ф.П. Филина и др.);

— по историческому словообразованию, фонологии и морфологии (В.Г. Демьянков, Г.А. Николаев, В.В. Колесов, В.И. Постовалова и др.);

— по исторической лексикологии и семантике (В.В. Виноградов, Н.И. Гайнуллина, Ф.П. Филин, О.Н. Трубачев, Д.Н. Шмелев, О.С. Мжельская и др.);

В монографии учтены общие и частные положения по проблемам исторической лексикографии, разработанные Л.В. Щербой, Ю.С. Сорокиным, Г.А. Богатовой, Л.Ю. Астахиной, Г.Я. Романовой, М.И. Чернышевой, А.К. Шапошниковым и др.

Методы и приемы исследования использованы в русле лингвистического научного познания. В первую очередь, применялся прием сплошной выборки, позволяющий привлечь к исследованию максимальное количество тюркизмов, эксцерпированных из различных источников, которые являются надежной и важной базой для дальнейших исследований. Кроме того, в работе применяется сравнительно-исторический, дедуктивно-индуктивный методы. В качестве вспомогательных применяются методы компонентного анализа, сравнительно-типологический. При изучении исторической семантики слова интегрируются и общенаучные методы: наблюдение, описание, обобщение, сопоставление.

Комплексный подход к анализу языковых фактов позволяет впервые рассмотреть этапы формирования и стабилизации фонологического, морфологического, семантического статуса тюркизмов, определить деривационный потенциал заимствований, проследить особенности их освоения на фоне общих закономерностей развития русского языка с древнейшего периода до наших дней.

Историко-лексикологический анализ слов дополняется в работе этимологическим анализом, поскольку учет первичной семантики тюркского слова помогает объяснить особенности его дальнейшего употребления в качестве заимствования (иноязычного слова).

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки исследования, позволяющие рассмотреть динамику функционирования тюркизмов, охватывают, с одной стороны, период возникновения русской письменности, с другой, — современный этап функционирования всех видов текстов НКРЯ.

Вслед за Г.А. Богатовой, «за нижнюю границу был принят XI в., время, от которого дошли до нас первые памятники письменности»¹², за верхнюю — XXI в. как век осмысления того, что уже сделано в области изучения тюркско-славянского наследия и что предстоит еще изучать.

Обращение к теме тюркизмов, их вариативности и становления нормы — это те аспекты, к которым в течение длительного времени спорадически обращались различные ученые, но не ставили данную проблему в качестве специального исследования. Поэтому назрела необходимость постановки вопроса, всестороннее решение его потребует еще более детального исследования. Тем не менее, уже сейчас прослеживаются пути функционирования тюркизмов: от вариантов к норме. И в данной монографии акцент делается именно на этом аспекте.

Апробация работы. Основные положения монографии обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов при прохождении научной стажировки по Международной стипендии Президента РК «Болашак», а также в форме докладов были изложены на международных и республиканских (казахстанских) научно-практических конференциях.

¹² Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии / отв. ред. Д.Н. Шмелев. — 2-е изд., доп. — М.: ЛКИ, 2008. — С. 62.

Хотелось бы выразить свою благодарность тем, кто также обращался к проблеме тюркизмов и кто до сих пор вдохновляет меня на столь сложный и интересный путь в науке.

Искренне признательна своему Учителю — доктору филологических наук профессору **Нурсулу Жамалбековне Шаймерденовой**, которая своими идеями со студенческой скамьи породила в авторе книги неугасаемый интерес к тюркско-славянским контактам и вдохновила на защиту кандидатской диссертации «Лексическая вариативность тюркизмов в памятниках русской письменности XI—XVII вв.» (Алматы, 2005).

Сердечную благодарность выражаю заведующему кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов доктору филологических наук профессору **Владимиру Павловичу Синячкину** за научные консультации и поддержку в период прохождения стажировки по Международной стипендии Президента Республики Казахстан «Болашак».

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМЫ И ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

1.1. Лингвистическое источниковедение в Казахстане

Современный Казахстан, который за последние десятилетия претерпел кардинальные изменения как в социально-экономическом, геополитическом плане, так и в создании и развитии национальных школ и направлений в лингвистике, нуждается в историографическом описании лингвистической науки с учетом тех достижений, которые представлены в научных трудах. Одним из таких направлений, заслуживающих особого внимания, является лингвистическое источниковедение, особый интерес к которому возник в середине XX в. Данное направление, основоположником которого считается российский ученый С.И. Котков¹³, активно стало разрабатываться в казахстанской русистике.

Развитие этой отрасли в языкознании объясняется возросшим интересом к истории языка, к ряду нерешенных сложных проблем исторического изучения языка и жизни народов. Как новое направление в науке лингвистическое источниковедение возникло на стыке герменевтики и лингвистики и основывается на детальном и всестороннем анализе источников, начиная с факторов, сопровождавших появление текста. Как отмечают Н.Ж. Шаймерденова и З.Т. Сагитжанова, «задачи теоретического

¹³ Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М.: Наука, 1980; Котков С.И. Памятники русской письменности и историческая диалектология // ВЯ. — 1975. — № 2; Современные русские художественные тексты и история языка // Исследования источников по истории русского языка и письменности. — М., 1966 и мн. др.

осмысления языка, освещения определенных моментов его современного состояния, а также в известной степени и прогнозирования развития требовали обращения к древним источникам»¹⁴.

С момента опубликования указанной работы казахстанских исследователей прошло шестнадцать лет и, естественно, за этот период в Казахстане появилось множество новых научных исследований, которые, в свою очередь, требуют историографического описания. Поэтому мы посчитали важным моментом в работе систематизацию казахстанских научных исследований, осуществленных в рамках лингвистического источниковедения.

При этом мы опирались на труды выдающихся ученых, которые акцентировали внимание на принципах и традициях системологии. Эти принципы нашли свое развитие и подробное описание в работах Г.П. Мельникова: «Системология — наука о системах — включает в себя два ключевых понятия — понятия внешней и внутренней детерминанты и восходит к учениям В. Гумбольдта, И.И. Срезневского, А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртенэ. Важным постулатом Г.П. Мельникова является то, что каждая система, являясь целостным функциональным элементом определенной надсистемы и соотносясь с ней как часть с целым, имеет определенную внутреннюю детерминанту — свойство, определяющее своеобразие ее структуры и субстанции»¹⁵.

Исследование любого текста как лингвистического источника предполагает соотнесенность такого рода работ с лингвистическим источниковедением, которое, несмотря на комплексный характер разрабатываемых и охватываемых им проблем, выделяется в качестве отдельного направления лингвистики. Это дает возможность обратиться к историческому сознанию, которое порой бывает крайне сложно описать с позиций современного человека. Здесь необходимо погружение в древние тексты, а также понимание состояния и восприятия древних книжников,

¹⁴ Шаймерденова Н.Ж., Сагитжанова З.Т. Лингвистическое источниковедение. — Алматы, 1997. — С. 3.

¹⁵ Бахтикиреева У.М. Системная типология языков Г.П. Мельникова (в извлечениях) // Мат-лы междунар. конф. «Ахановские чтения»: Язык — Общество — Время. — Алматы: Казак университети, 2010. — С. 27.

переписчиков и писцов. Аутентичность анализа текстов возможна лишь при комплексном анализе исторического периода, геополитического пространства и результатов деятельности книжников.

В современной лингвистике постсоветского пространства изучение различных типов текста не теряет своей актуальности и осуществляется в рамках как теории языка и частных языкознаний, так и сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания. Лингвистическое источниковедение имеет большое научно-теоретическое и практическое значение. Благодаря исследованиям, осуществляемым в этом направлении, в научный оборот вводятся новые тексты древности и средневековья различных жанров, что позволяет глубже рассмотреть не только динамику развития того или иного языка на определенном этапе, но и получить в целом ценные сведения о состоянии науки; делопроизводства, письменной культуре и традициях, литературе того или иного народа, этнокультурных, языковых и других связях между народами.

В рамках лингвистического источниковедения казахстанские ученые обращаются к рукописным и опубликованным текстам. При этом изучаются тексты различных жанров, как созданные в более древние эпохи, так и в современную эпоху, начиная с конца XVIII в. Например, памятники деловой письменности литературные (прозаические и поэтические), фольклорные, научные, публицистические произведения, газетные тексты, лексикографические источники.

Важно отметить, что лингвоисточниковедение носит ярко выраженный междисциплинарный характер, так как опирается на данные смежных наук историко-филологического и гуманитарного циклов (палеография, метрология, сфрагистика, геральдика, нумизматика, историческая ономастика, генеалогия, текстология, литературоведение, герменевтика, экзегетика и др.).

Обращаясь к историографии, хотелось бы несколько остановиться на уже названных трудах и деятельности известного ученого — Сергея Ивановича Коткова, внесшего большой вклад в русскую лингвистическую науку и по инициативе которого в 1958 г. в Институте русского языка АН СССР (ныне Институт русского язы-

им. В.В. Виноградова РАН) был создан «Сектор библиографии, источниковедения и издания памятников».

Задачей Сектора было систематическое исследование древнерусского рукописного наследия с целью введения его в научный оборот в форме лингвистических изданий с комментарием и грамматическими указателями. Основные параметры будущих лингвистических изданий были определены в разработанных Сектором «Правилах лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (1961 г.)¹⁶. В результате кропотливой работы данного сектора выходят в свет более 20 томов памятников русского языка, в которых впервые представлены в полном виде лингвистически воспроизведенные и интерпретированные важнейшие древнерусские рукописи, имеющие и общеславянское значение.

В данный период впервые совместно с историками опубликованы документы старорусской деловой письменности — Акты русского государства 1505—1526 гг., вводятся в научный оборот материалы частной переписки XVII—XVIII вв., Московская деловая и бытовая письменность XVII в., Грамотки XVII — начала XVIII в., Памятники московской деловой письменности XVIII в. и мн. др. Уже одно перечисление изданий свидетельствует о большой работе в области лингвоисточниковедения, проделанной сектором библиографии, источниковедения и издания памятников, а сейчас переименованным в Отдел лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка, который долгое время возглавлял С.И. Котков. Важным лингвистическим открытием было формирование нового направления и установление объекта и предмета лингвистического источниковедения, предложенного С.И. Котковым:

«Объект лингвоисточниковедения — лингвистический источник — представляет собой единицу непосредственного (инструментально-физического) или опосредованного (графического) запечатления языка или его элементов. Предметом лингвоисточниковедения является исследование источников со сто-

¹⁶ Отдел лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН: <http://www.ruslang.ru>

роны их лингвистической содержательности и лингвистической информационности»¹⁷.

Заключительным этапом источниковедческой работы становится определение зависимости лингвистической содержательности текста от всех выявленных обстоятельств его создания и функционирования. Важность включения данного этапа в исследовательскую парадигму исторической лексикологии и лексикографии подтверждается временем и подчеркивается в исследованиях последователя разработанного С.И. Котковым направления — И.А. Малышевой, которая отмечает: «В лексической картине источника находят отражение характер и особенности делопроизводства, в сферу которого входит данный текст, жанр памятника, его вид и тип, место создания документа, отношение данного текста к другим документам этой же делопроизводственной сферы и их взаимозависимость и т.д.»¹⁸.

Однако важно отметить, что лингвоисторическое исследование осуществляется не только в России и на материале памятников русской письменности, но и на всем постсоветском пространстве, в частности, в Казахстане, где в качестве источников привлекаются архивы восточных стран и фонды казахстанских архивов. Таким образом, в казахстанской лингвистике активно изучаются памятники письменности и историко-лингвистические аспекты их исследования. Как отмечает президент КазПРЯЛ (Казахстанская ассоциация преподавателей русского языка и литературы) Э.Д. Сулейменова, большим достижением казахстанской русистики явились фундаментальные исследования в области лингвистической герменевтики, источниковедения и истории русского языка. Данные области охватили описание эволюции структуры и грамматических категорий простых предложений (Е.А. Седельников), лексики, лексической семантики, фразеологии раннего древнеславянского и разных периодов истории русского литературного язы-

¹⁷ Иванов В.В. Вопросы исследования истории русского языка и лингвистического источниковедения в трудах С.И. Коткова // История русского языка и лингвистическое источниковедение. — М.: Наука, 1987. — С. 7.

¹⁸ Малышева И.А. Материалы таможенного делопроизводства XVIII века как объект лингвистического источниковедения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1997. — С. 10.

ка (М.М. Копыленко, Н.Ж. Шаймерденова, А.К. Каиржанов и др.), изучение эпистолярного наследия Петра Великого (Н.И. Гайнуллина), комплексное исследование способов и средств экспликации семантики слова (от глосс до классических лексикографических дефиниций) в памятниках русской письменности (Н.Ж. Шаймерденова), изучение картины мира древних славян через становление категории наклонения (Л.Т. Килевая¹⁹), описание динамики средств выражения синтаксических отношений (Т.И. Благодичникова), системное сравнительно-историческое описание категории определенности / неопределенности предложения в памятниках древнерусской письменности различных жанров (З.К. Сабитова и др.), характеристика эгоцентрических языковых средств в летописном жанре (А.Р. Бейсембаев), лингвостилистический, семантико-функциональный и прагматический анализ старорусских текстов (О.А. Анищенко, А.И. Ахметжанова, Г.П. Байгарина и др.), лексическая вариативность тюркизмов в памятниках русской письменности XI—XVII вв. (М.А. Бурибаева), витальность русской лексики с XVIII по XX вв. (С.А. Емельянов²⁰) и мн. др.²¹

Огромный интерес представляют исследования восточных слов в памятниках письменности с позиций исторического, геополитического описания анализируемой эпохи и с позиций языковой ситуации и языкового строительства анализируемого государства. Так, современный казахстанский исследователь С.А. Тулеубаева в докторской диссертации «Стратификация языковой личности аль-Фараби в сравнительно-исторической парадигме» и многих публикациях представила анализ лингвистического наследия аль-Фараби с позиции описания языковой личности выдающегося ученого Востока. Она смогла не только представить семантико-прагматический

¹⁹ Килевая Л.Т. Становление категории наклонения славянского глагола: дис. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 2003.

²⁰ Емельянов С.А. Витальность русской лексики (по материалам исторических и толковых словарей XVIII—XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 2009.

²¹ Сулейменова Э.Д. Новые научные парадигмы в казахстанской науке о русском языке // Сб. мат-лов II междунар. конгресса «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии». — Астана: Сары-Арка, 2009.

анализ произведений аль-Фараби, но и воссоздать эпоху, в которой протекало развитие его личности в соответствии со сложившейся языковой ситуацией того периода. С.А. Тулеубаева отмечает, что «изучались сочинения, имеющие отношение к тюркоязычным народам, грузинские, арабские рукописи. В рамках востоковедения в России, зарождение которого исследователи связывают с Петровской эпохой, с момента возникновения проводилась огромная работа по изучению письменного наследия различных народов Востока. Особую роль сыграли тюркологические изыскания. Данный факт имеет историческое обоснование: «многовековое взаимодействие славян и тюрков оставило заметный след в языках, обычаях, культурах тех и других»²².

Следует подчеркнуть, что автору работы удалось отойти от весьма распространенного в науке европоцентристского подхода при анализе древних источников и обратить внимание на те достижения, которые были представлены в трудах ученых Востока, и, в частности, фундаментальные знания, предложенные восточным мыслителем аль-Фараби.

Изучение памятников тюркоязычных народов в России начинается со второй половины XIX — начала XX вв., опережая тем самым изучение памятников древнерусской письменности. Такие выдающиеся ученые, как В.В. Радлов, С.Е. Малов, П.М. Мелиоранский, А.Н. Самойлович, Н.И. Ильминский, П.И. Демезон, М.А. Казем-бек, И.Н. Березин, В.Д. Смирнов, Н.Ф. Катанов, Н.П. Остроумов, А.Г. Туманский, Н.Н. Мартинович, В.А. Гордлевский, Д.А. Хвольсон, П.К. Коковцов, Ф.Е. Корш осуществили глубокий анализ (изучение, описание, перевод) памятников рунической, уйгурской письменности, средневековых памятников арабского письма. Исследованием памятников письменности занимались и историки-востоковеды (Л.Н. Гумилев, А.Н. Бернштам, В.В. Бартольд, С.Г. Кляшторный), в трудах которых можно найти ценные сведения для работ лингвоисточниковедческого характера.

²² Тулеубаева С.А. Стратификация языковой личности аль-Фараби в сравнительно-исторической парадигме: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Астана, 2010. — С. 13.

Особое внимание в своих трудах С.А. Тулеубаева обращает на то, что «памятники письменности являются объектом изучения различных наук, в частности историко-филологического цикла — языкознания, литературоведения, истории, археографии и др., которые объединяет общая цель, а именно — введение в научный оборот письменных памятников путем их издания и описания (а при необходимости — и их перевода на тот или иной язык). Однако предмет и метод исследования текстов, а также правила их воспроизведения разнятся от науки к науке. При этом представляется весьма сложным проведение четкой грани между аспектами подобных исследований — языковым, литературным и историческим. Тем не менее, при изучении памятников письменности всегда имеет место языковая составляющая, так как при изучении того или иного сочинения непременно уделяется внимание его языку»²³.

Для воссоздания историографии лингвистического источниковедения в Казахстане следует обратиться к более раннему периоду — 1950—1960 гг., когда в Казахстане начинают появляться первые исследования по языку памятников тюркской письменности. При том, что лингвистическое источниковедение как направление еще не было обозначено, ученые все же использовали те механизмы сравнительно-исторического анализа памятников письменности, которые представляли собой истоки обозначенного в 1970-х годах направления.

Таким образом, первые работы по лингвоисторическому источниковедению в Казахстане появились в 50-х годах прошлого столетия, где объектом изучения оказались различные памятники древнерусской и древнетюркской письменности. Что касается дальнейшего хода лингвоисторического источниковедения в Казахстане, то оно отражает основные тенденции, которые имели место в советской науке и наблюдаются в современной лингвистике. Исследования представлены в форме статей, монографий, кандидатских и докторских диссертаций, разделов и глав в учебниках, учебных пособиях, книгах и т.д.

Итак, памятники письменности в Казахстане с лингвистической точки зрения имеют более, чем полувековую историю

²³ Там же. — С. 16.

изучения. Первые исследования в этом направлении проводились Х.Х. Махмудовым²⁴, Н.Т. Сауранбаевым²⁵, А.К. Курышжановым²⁶, Г. Айдаровым²⁷, К. Омиралиевым²⁸, А.С. Аманжоловым²⁹).

Изучение языковых фактов в этом аспекте осуществляется в рамках таких направлений, как языковая статистика, изучение языковой личности, лингвистический анализ художественного текста, изучение языка фольклорных произведений, сочинений того или иного поэта, писателя, общественного деятеля, ученого, языка газеты, синтаксис научной прозы и др., а также при рассмотрении отдельных разделов и явлений казахского и русского языков. Примечательно, что материал исследования весьма разнообразный, включает как классические памятники письменности древних эпох (среди них — памятники, касающиеся тюркских народов, памятники древнерусской эпохи, русские памятники XI—XVIII вв. и др.), так и современные источники. Рассматриваются различные уровни и явления языка.

Именно в филологическом ракурсе памятники письменности исследовались в рамках тюркологии, казахского языкознания, казахской литературы, русистики, сравнительно-исторического, ти-

²⁴ Махмудов Х.Х. Тюркизмы в языке русских памятников XI—XIV вв.: дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1943.

²⁵ Сауранбаев Н.Т. Русско-казахский словарь. — М., 1954; Система сложного предложения в казахском языке. — Алма-Ата, 1948. Семантика и функция дееспричастия в казахском языке. — Алма-Ата, 1944 и др.

²⁶ Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века «Тюркско-арабского словаря». — Алма-Ата, 1970; Курышжанов А.К. Язык старокыпчакских письменных памятников XII—XIV века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1973.

²⁷ Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. — Алма-Ата: Наука, 1971.

²⁸ Өміралиев Қ. Көне түркі әдеби ескерткіштері туралы зерттеулер. — Алматы: Арыс, 2010.

²⁹ Аманжолов А.С. Глагольное управление в языке памятников древнетюркской письменности: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1963; Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности: дис. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 1975; История и теория древнетюркского письма. — Алматы, 2002.

нологоического и сопоставительного языкознания, теории языка, языков и литератур стран Азии и Африки. Так, например, историографический обзор имеющихся в этом направлении работ показывает, что лингвистическое источниковедение в Казахстане масштабно развивается и охватывает такие аспекты лингвистического анализа, как:

- памятники славянской (чаще русской) письменности (Х.Х. Махмудов, Н.И. Гайнуллина, Н.Ж. Шаймерденова, Л.Т. Килея, З.К. Сабитова, Н.А. Сандыбаева, А.Р. Бейсембаев, М.А. Бурбаева, А.И. Ахметжанова и др.);
- классическая и современная русская литература (В.С. Михайлова, В.П. Барчунов, Р.М. Есбулатова, К.К. Ахмедьяров, Г.К. Абдрахман);
- исторические произведения (Р.О. Туксайтова, А.Б. Туманова, Б.С. Абдуова, Г.Ж. Байшукурова);
- научное наследие ученых и общественных деятелей, в том числе современных (О.А. Султаньяев, Н.И. Гайнуллина, А.Х. Мищенко, С. Хасанова, К.Ш. Хусайнов, Н.А. Садуакас, А.А. Жубанова, З.А. Муканова, А.А. Успанова).

Таким образом, исследования охватывают проблемы истории тюркских и славянских языков, изучения русского и казахского языков и их языковых единиц в познавательных и коммуникативных процессах, стилистики, языковой картины мира, языковой личности, семантики слова в синхронии и диахронии, заимствований и мн. др.

Обращение к истории изучения памятников письменности в Казахстане с лингвистической точки зрения, свидетельствует о том, что ученые с различных позиций обращаются к древним источникам, представляя свое видение, языковое чутье лингвистов (А.С. Аманжолова, Г. Айдарова, А.К. Курышжанова, М. Томанова, К. Омиралиева, А.А. Раджабова, Н.Г. Шаймердиновой, М.К. Ескеевой, М.А. Ахметова и др.)³⁰, а также об этом говорит и обращение к данному аспекту поэтов, которые тоже дают свои семантико-этимологические исследования по языковому состоянию древних

³⁰ Тулеубаева С.А. Стратификация языковой личности аль-Фараби в сравнительно-исторической парадигме: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Астана, 2010. — С. 17.

источников. Например, работы О.О. Сулейменова³¹, Б.Г. Каирбекова³². Их научные изыскания способствуют формированию новых подходов к истории тюркских и славянских культур. Причем важно подчеркнуть, что этот процесс лингвоисточниковедческого осмысления получил также свое начало и развитие в работах по тюркологии и истории письма, в том числе казахского.

1.2. Норма и кодификация в современном русском языке

Важнейшим вопросом истории развития языков является становление нормы, неразрывно связанной с описанием столь уникальных феноменов текста как глоссы и вариативность языковых единиц. Описание тюркизмов и их вариативности в памятниках русской письменности, представляет собой вопрос «жизненности» или «выбора» того или иного варианта слова, что, естественно, требует осмысления теоретических вопросов нормы языка и кодификации. Обратимся к теоретическим постулатам данной проблемы, которая в различные исторические периоды вызывала особую заинтересованность ученых. Это связано с тем, что понятие нормы в истории русского языка и в современный период носило различный характер и вместе с тем до сих пор не имеет полного описания, учитывающего как исторические процессы, так и современное состояние русского языка, при котором динамично меняется состояние языковых единиц.

³¹ Сулейменов О.О. Аз и я. — Алма-Ата: Жазушы, 1975; Язык письма. — Алматы-Рим, 1998; Сулейменов О.О. Пересекающиеся параллели (введение в тюркославику). — Алматы, 2001; Сулейменов О.О. Тюрки в доистории (о происхождении древнетюркских языков и письменностей). — Алматы: Атамұра, 2002.

³² Каирбеков Б.Г. Два могучих крыла Пегаса // 1 междунар. науч.-метод. конф. «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы»: сб. статей. — М.: РУДН, 2008. — С. 78—83; Каирбеков Б.Г. Мифоритуальный сценарий миропонимания кочевника // Каирбеков Б. Путь воды: Избранное. — М.: Тезаурус, 2010. — С. 348.

Понятие нормы является одним из фундаментальных, но осмысление явлений, связанных с нормой, в современной науке о языке характеризуется неопределенностью в связи с отсутствием понятийно-категориального статуса в системе лингвистических дисциплин. Специфика развития и современного состояния изучения нормы свидетельствуют о широчайшем спектре научных направлений ее разработки и обязательной ее включенности во все разделы языкознания, рассматривающие норму как совокупность языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых обществом, или как тенденции в отборе этих средств.

Норма характеризуется как интегративное свойство языка, позволяющее ей проявляться в разных сферах языковой системы. Как известно, в русском языкознании проблема нормы традиционно изучается в разделе культуры речи. Так, В.В. Виноградов как главную задачу русского языкознания в области культуры речи определяет изучение норм языка на всех уровнях языковой системы в их отстоявшихся формах, противоречиях и вновь развивающихся тенденциях³³.

Задача теоретической разработки проблем, относящихся к вопросам языковой нормализации с учетом функционального потенциала языковой системы и решения орфографического вопроса с позиций, прежде всего, теоретического обоснования нормализации и кодификации тех или иных явлений в языке продолжает стоять перед исследователями.

Сложная, структурно-аксиологическая природа языковой нормы определяла характер практической нормализаторской деятельности филологов античности, средневековья, ренессанса, эпохи Просвещения и стала предметом научной рефлексии в современных лингвистических исследованиях.

Понятие *нормы* связывается с разными концепциями и получает различное терминологическое обозначение. В XVII—XVIII вв. это были идеи нормативных грамматик и словарей. В языкознании XIX в. проблема нормы обсуждалась как соотношение общечелове-

³³ См.: Калауцкая Л.П. Русский литературный язык в конце второго тысячелетия // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). — М.: Наука, 1995. — С. 199.

ческого (логического), национального и индивидуального (психологического); младограмматики выдвинули понятие узуса, противопоставив его искусственности литературно-письменной нормы и индивидуальности речевого акта. Отправной точкой в понимании нормы можно считать труды ученых Пражского лингвистического кружка, где впервые актуализируется мысль о двуаспектной природе языковой нормы. В лингвистике XX в. проблема нормы разрабатывается, с одной стороны, в связи с проблемой реализации языковой системы, а с другой, — в связи с изучением литературных языков и культуры речи.

В XX в. разработка проблем ортологии — языковедческой дисциплины, объектом которой является норма, — осуществлялась в России, Чехии, Германии и в других лингвистических центрах.

В 60-е годы XX в. О.С. Ахмановой, Ю.А. Бельчиковым и В.В. Веселитским предлагалось создание особой лингвистической дисциплины под названием «ортология», основной категорией которой должна была стать категория вариантности. Отличие ортологии от фонетики, грамматики, лексикологии, фразеологии, по мнению авторов, прежде всего состоит «в том, что основной категорией ортологии является категория вариантности, для выявления и описания которой следует обратиться к изучению функционирования языка как важнейшего средства человеческого общения, а также к изучению характера и объема сознательного воздействия на развитие языка со стороны его носителей». В основе данной категории «лежит сосуществование параллельных способов выражения, имеющих общее лингвистическое (грамматическое, лексико-семантическое, фонологическое) значение, но различающихся оттенками и сферой распространения»³⁴.

По этому поводу на страницах журнала «Вопросы языкознания» развернулась обширная дискуссия. Ю.М. Скребнев высказал противоположное мнение о создании науки под названием «ортология» и, констатируя ряд сомнительных фактов, заключил: «Ши-

³⁴ Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В. К вопросу о «правильности» речи // ВЯ. — 1960. — № 2. — С. 35.

рота, неочерченность предмета ортологии лишней раз заставляет усомниться в правомерности ее создания»³⁵. Вслед за ним Н.Н. Семенюк в 1965 г., рассматривая морфологические, фонетические варианты слов в немецком языке, применяя при этом термин «диапазон варьирования», отмечала, что, хотя существует сам факт вариантности, виды и формы, пути преобразования вариантов изучались очень мало. Не сомневаясь в необходимости изучения нормы и вариантности как определенных лингвистических понятий, исследователь тоже ставит под сомнение возможность создания такой науки, как «ортология»³⁶.

Очень подробно об ортологии как лингвистической дисциплине представлено в диссертационном исследовании У.Е. Мусабековой «Теория и практика ортологии: грамматические основы отонимических наименований». Ссылаясь на данную работу, отметим, что российские ученые (О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, К.С. Горбачевич, Е.С. Истрина, Л.П. Крысин, Б.А. Ларин, В.В. Лопатин, С.И. Ожегов, А.М. Пешковский, Л.И. Скворцов, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский и др.), развивая идеи В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Э. Косериу, осмысливали категорию нормы в соотношении с другими фундаментальными лингвистическими понятиями, придавая, таким образом, ортологическим исследованиям общетеоретическую значимость. В центре внимания чешских лингвистов (Б. Гавранек, К. Гаузанблас, А. Едличка, В. Матезиус) оказалась проблема разграничения нормы, рассматриваемой как собственно языковое объективно-историческое образование, и кодификации, являющейся результатом нормализаторской деятельности специалистов. Немецкие исследователи Д. Нериус, В. Хартунг достигли существенных результатов в разработке вопроса о принципах дифференциации норм, указывая, в частности, на необходимость выделения языковых, или системных, норм (Sprachnormen, Sprachsystemnormen) и коммуникатив-

³⁵ Скребнев Ю.М. К вопросу об «ортологии» // ВЯ. — 1961. — № 1. — С. 140—142.

³⁶ Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности // ВЯ. — 1965. — № 1.

ных норм, или норм применения языка (*kommunikative Normen, Sprachverwendungsnormen*)³⁷.

В современной науке общепринятым является понимание нормы как динамического, социально обусловленного и исторически изменчивого явления. Регулярность отклонений от нормативных рекомендаций во многих случаях является показателем формирования новой нормы, отражением тенденций развития языковой системы.

В русистике широкое признание получила точка зрения С.И. Ожегова, согласно которой «норма — это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов»³⁸.

Изучение языковой нормы — одна из самых острых проблем языкознания. Рассмотрение нормы как центрального понятия культуры речи и кодификации языка приобрело в наши дни особенно серьезное научное и общественное значение. Несмотря на то, что вопросы исследования языковых норм не раз находились в поле зрения исследователей-лингвистов, многое в этой области остается весьма спорным.

В современном русском языке под «нормой» понимается «принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил, упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида»³⁹. Проблемы нормы освещаются в трудах Л.В. Щербы, В.И. Чернышева, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, С.И. Ожего-

³⁷ Мусабекова У.Е. Теория и практика ортологии: грамматические основы отонимических наименований: дис. ... д-ра филол. наук. — Кокшетау, 2010. — С. 18.

³⁸ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — С. 15.

³⁹ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1975. — С. 121.

ва, В.Г. Костомарова, В.Г. Гака, А.А. Леонтьева, Л.И. Скворцова, К.С. Горбачевича, Л.К. Граудиной и др.

В казахстанской лингвистике к освещению категории нормы в той или иной степени обращались Р.Г. Сыздык⁴⁰, Н.И. Гайнуллиной⁴¹, Н. Уали⁴², С. Бизаков⁴³ и др.

Одним из самых дискуссионных вопросов теории нормы представляется вопрос о критериях нормы. К критериям нормы относятся системность языкового явления, частота его воспроизводимости и положительное отношение к нему образованных слоев населения. Критерий регулярной воспроизводимости не всегда может стать решающим при определении нормативности языкового явления. В связи с этим справедливо было бы отметить мнение ученых, считающих, что для определения нормы литературного языка необходимо опираться на литературные источники — художественную литературу и язык писателя, так как сам литературный язык, по справедливым доводам Н.И. Гайнуллиной, — «это исторически сложившаяся система общеупотребительных языковых элементов, речевых средств, прошедших длительную культурную обработку в текстах авторитетных мастеров слова, в устном общении образованных носителей национального языка»⁴⁴. А Е.С. Истрина констатировала, что «норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников»⁴⁵.

Установление нормы при помощи какого-либо критерия — процесс сложный и часто невозможный. Так, К.С. Горбачевич отмечал, что норма литературного языка — сложное, диалектически про-

⁴⁰ Сыздыкова Р.Г. История казахского литературного языка (XV—XIX вв.). — Алма-Ата, 1984, 1993; Сыздыкова Р.Г. Произносительные нормы казахского языка. — Алма-Ата, 1983.

⁴¹ См. труды Н.И. Гайнуллиной в следующей главе и в библиографии.

⁴² Уали Н. Сөз мәдениеті (1984); Қазақ орфографиясындағы қиындықтар (1988); Фразеология және тілдік норма (1997); Қазақ тілінің орфографиялық сөздігі (1988, 2001, 2005, в соавторстве) и др.

⁴³ Бизаков С. Тілдік норма және варианттылық. — Алматы, 1997.

⁴⁴ Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху): дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1973. — С. 5.

⁴⁵ Истрина Е.С. Нормы русского литературного языка и культура речи. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — С. 19.

тиворечивое и динамическое явление. «Оно складывается из многих существенных признаков, ни один из которых не может быть признан решающим и самодовлеющим при всех обстоятельствах. Норма — это не только социально одобряемое правило, но и правило отражающее закономерности языковой системы и подтверждаемое словоупотреблением авторитетных писателей»⁴⁶.

Языковая норма складывается в реальной практике речевого общения, отрабатывается и закрепляется в общественном употреблении как узус (лат. *usus* — *пользование, употребление, обыкновение*); литературная норма, бесспорно, базируется на узусе, но она еще и специально опекается, кодифицируется, т.е. узаконивается специальными установлениями (словарями, сводами правил, учебниками).

Литературная норма — это принятые в общественно-языковой практике правила произношения, словоупотребления, использования грамматических и стилистических языковых средств. Норма исторически подвижна, но вместе с тем устойчива и традиционна, она обладает такими качествами, как привычность и общеобязательность. Стабильность и традиционность нормы объясняют некоторую степень ретроспективности нормы. Несмотря на свою принципиальную подвижность и изменчивость, норма предельно осторожно открывает свои границы для инноваций, оставляя их до поры до времени на периферии языка. Убедительно и просто сказал об этом А.М. Пешковский: «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет»⁴⁷.

Природа нормы двусторонняя: с одной стороны, в ней заключены объективные свойства эволюционирующего языка (норма — это реализованная возможность языка), а, с другой, — общественные вкусовые оценки (норма — закрепленный в лучших образцах литературы устойчивый способ выражения и предпочитаемый образованной частью общества). Именно это сочетание в норме объективного и субъективного создает в некоторой степени противоречивый характер нормы: например, очевидная распространенность

⁴⁶ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1975. — С. 31.

⁴⁷ Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 67.

и общеупотребительность языкового знака отнюдь не всегда (или, во всяком случае, не сразу) получает одобрение со стороны кодификаторов нормы. Так сталкиваются живые силы, направляющие естественный ход развития языка (и закрепления результатов этого развития в норме), и традиции языкового вкуса.

Объективная норма создается на базе конкуренции вариантов языковых знаков. Для недавнего прошлого наиболее авторитетным источником литературной нормы считалась классическая художественная литература. В настоящее время центр нормообразования переместился в средства массовой информации (телевидение, радио, периодическая печать). В соответствии с этим меняется и языковой вкус эпохи, благодаря чему меняется и сам статус литературного языка, норма демократизируется, становится более приемлемой для бывших нелитературных языковых средств.

Норма обладает некоторым набором признаков, которые должны присутствовать в ней в своей совокупности. Подробно о признаках нормы пишет К.С. Горбачевич в книге «Вариантность слова и языковая норма», где он выделяет три основных признака:

- 1) устойчивость нормы, консерватизм;
- 2) распространенность языкового явления;
- 3) авторитет источника.

Каждый из признаков по отдельности может присутствовать в том или ином языковом явлении, но этого недостаточно. Чтобы языковое средство было признано нормативным, необходимо сочетание признаков. Так, например, ошибки могут быть в высшей степени распространены, причем они могут сохранять свою устойчивость на протяжении длительного периода времени. Наконец, языковая практика достаточно авторитетного печатного органа может оказаться далеко не идеальной. Что же касается авторитетности художников слова, то тут возникают особые трудности в оценках, так как язык художественной литературы — явление особого плана и высокохудожественность часто достигается именно в результате свободного, не по строгим правилам, пользования языком⁴⁸.

⁴⁸ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1975. — С. 15.

Качество (признак) устойчивости нормы по-разному проявляется на разных языковых уровнях. Причем этот признак нормы непосредственно связан с системным характером языка в целом, поэтому на каждом языковом уровне соотношение «норма и система» проявляется в разной степени, например, в области произношения норма целиком зависит от системы (ср. законы чередования звуков, ассимиляции, произношения групп согласных и др.); в области грамматики система выдает схемы, модели, образцы, а норма — речевые реализации этих схем, моделей; в области лексики норма в меньшей степени зависит от системы — содержательный план господствует над планом выражения, более того, системные взаимоотношения лексем могут корректироваться под влиянием нового содержательного плана. В любом случае признак устойчивости нормы проецируется на языковую системность (внесистемное языковое средство не может быть стабильным, устойчивым).

Таким образом, норма, обладая перечисленными признаками, реализует следующие критерии ее оценки: 1) критерий системный (устойчивость), 2) критерий функциональный (распространенность), 3) критерий эстетический (авторитет источника).

Объективная языковая норма складывается стихийно путем выбора наиболее удобного, целесообразного варианта языкового средства, который и становится распространенным, широкоупотребительным. Жестко соблюдаемое правило в этом выборе — соответствие системе языка. Однако такая стихийно сложившаяся норма еще не обязательно будет официально признанной. Нужна кодификация нормы, ее узаконение путем официальных установлений (фиксация в нормативных словарях, сводах правил и т.д.). Как пишет У.Е. Мусабекова, «здесь-то и возникают некоторые затруднения в виде сопротивления новым нормам со стороны кодификаторов или общественности. Как правило, это выглядит как запреты на все новое, стремление из консервативных побуждений сохранить что-либо (например, в языке) в неизменном виде, оградить от новшеств»⁴⁹.

⁴⁹ Мусабекова У.Е. Теория и практика ортологии: грамматические основы топонимических наименований: дис. ... д-ра филол. наук. — Кокшетау, 2010. — С. 21.

Норма может быть императивной (всеобщей, обязательной) и диспозитивной (допускающей выбор, вариантной). Кроме того, норма бывает общезыковой (с вариантами или без них) и ситуативной (стилистической).

Как справедливо указывает Е.С. Истрина: «Норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников. То, что является вообще общеупотребительным, то и составляет норму языка»⁵⁰. В нем, таким образом, указано два момента: степень употребления и авторитетность источника. Что касается первого, то многие авторы считают признаком нормы распространенность языкового явления. При этом обычно оговаривается, что норма не статистическое, а типическое явление⁵¹. В этом смысле норма — это не только социально одобряемое правило, но и правило, объективированное реальной речевой практикой, правило, отражающее закономерности языковой системы и ее эволюции⁵².

Е.Ф. Петрищева считает, что «нормы «добываются» из языкового сознания лингвистов, а ссылка на классиков и т.п. служит лишь для придания их утверждениям веса, убедительности»⁵³. С другой стороны, большинство авторов до 90-х годов XX в. указывают на художественную литературу как на главный источник нормы. Вопрос об опоре в практике нормирования на нехудожественную литературу ставился уже Г.О. Винокуром, писавшим, что при нормализаторской практике «гораздо более заманчивым было бы найти такую языковую систему, которая по своей функции от практического языка не отличалась бы и вместе с тем осознавалась бы как система. Такая область есть. Это — нехудожественная литература в самом широком смысле этого слова, т.е. литература газет-

⁵⁰ Истрина Е.С. Нормы русского литературного языка и культура речи. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — С. 19.

⁵¹ Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — С. 43.

⁵² Исакова Л.Д. Вариативность грамматических единиц // Германистика: состояние и перспективы развития: мат-лы междунар. конф. — М.: МГЛУ, 2004. — С. 44.

⁵³ Там же. — С. 36.

ная, журнальная, научная, язык канцелярии, писем, наконец, язык рекламы»⁵⁴.

«Свойство вариативности нормы, находящееся в диалектической связи со свойствами единства и общеобязательности нормативных установок, можно интерпретировать как проявление своего рода толерантности. Толерантность языковой нормы имеет несколько измерений, из которых наиболее существенны следующие: структурное, коммуникативное, социальное»⁵⁵.

Структурная толерантность — это допущение нормой вариантов, различающихся своей структурой (фонетической, акцентной, морфологической, синтаксической) при тождестве содержательной стороны. Коммуникативная толерантность — это использование вариативных средств языка в зависимости от коммуникативных целей, которые преследует говорящий в тех или иных условиях общения. Социальная толерантность — это допущение языковой нормой вариантов, распределенных по разным социальным группам носителей данного языка⁵⁶.

«Понятие толерантности применительно к языковой норме позволяет рассматривать норму не только как лингвистический, но и как социальный конструкт, на формирование которого оказывают влияние общественные предпочтения и запреты»⁵⁷.

При доминирующем представлении о плюралистичности норм и ориентации на нежесткую их кодификацию, существует и представление о распытывании норм литературного языка, о тяжелом и даже опасном состоянии, переживаемом современным русским литературным языком. Отмечается утрата художественной литературой функции задания нормы и отравление этой функции средствами массовой информации, при этом вопрос о реальной возможности поддержания нормы этими средствами остается открытым. Изменение общественного и информационного контекста, в котором протекает процесс формирования нормы, требует

⁵⁴ Винокур Г.О. Культура языка (Задачи современного языкознания) // Печать и революция. — М., 1923. — Кн. 5. — С. 107.

⁵⁵ Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — С. 205.

⁵⁶ Там же. — С. 205—207.

⁵⁷ Там же. — С. 209.

принципиализации контекста исследования самой категории нормы. Так, сегодня нормативность связывается лишь с вариантностью, предлагающей выбор из наличествующих дискретных единиц, в то время как античное представление об аномалии, сыгравшее роль в становлении риторической нормы, опирается на иную парадигму.

Норма предстает перед носителем языка в кодификации, отражающей представление авторов грамматических пособий и словарей о языковой норме. При этом кодификация — это такое описание нормы, которое обращено к носителю языка и оказывает воздействие на речевую практику, более того, кодификация — это результат научного познания закономерностей проявления нормы на определенном этапе развития языка.

Л.П. Крысин обобщает важнейшие свойства литературной нормы, которые сегодня признаны в лингвистике универсальными.

- Языковая норма — одна из составляющих национальной культуры. Поэтому разработка литературной нормы, ее кодификация важны не только для сохранения целостности литературного языка, но и имеют большое социально-культурное значение.

- Литературная норма едина и общеобязательна для всех говорящих на данном языке: она консервативна и направлена на сохранение средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями.

- Норма не статична, она изменчива во времени; предусматривает динамическое взаимодействие разных способов языкового выражения в зависимости от условий общения (коммуникативная целесообразность).

- Единство и общеобязательность нормы проявляется в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях, и являются результатом кодификации.

- Норма выполняет селективную и одновременно охранительную функцию: она пропускает в литературное употребление все наиболее выразительное, коммуникативно необходимое, и задерживает, отсеивает все случайное.

- Изменяться может нормативный статус не только отдельных слов, форм и конструкций, но и образцов речи. Новое и старое могут длительное время сосуществовать в пределах литературной нормы.

- Источником изменения литературной нормы могут служить жаргоны, городское просторечие, заимствования.

- В обновлении нормы важна и социальная среда, в которой то или иное новшество получает распространение. Чем выше «общественный вес» социальной группы, ее престиж в обществе, тем легче иницилируемые ею языковые изменения получают распространение в других группах носителей языка.

- Сосуществование в рамках единой нормы вариативных единиц обычно сопровождается процессом смыслового, стилистического и функционального размежевания, что дает возможность гибко использовать допускаемые нормой языковые средства в зависимости от целей и условий коммуникации⁵⁸.

Нормы формируются под влиянием литературного творчества и речевой практики нации и являются неперемennым условием единства языка и нормального функционирования языковой системы. Они кодифицируются, т.е. описываются, закрепляются как образцы в словарях, справочниках, учебниках. Кодифицированным нормам литературного языка должны следовать все носители языка, причем понятие нормативности включает сферу использования языка. Закрепленность вариантов за различными сферами и формами использования языка определяется принципом коммуникативной целесообразности. То, что нормативно для письменной речи, ненормативно для устной речи.

Нередко норма выступает в качестве двойного стандарта — обязательного и допустимого вариантов. Вариативность нормы является причиной ее изменения, причем темпы изменений нормы различны для разных уровней языка. Самыми консервативными считаются грамматические нормы (грамматический строй русского литературного языка практически не изменился с

⁵⁸ Крысин Л.П. Социолингвистический аспект изучения языковых неправомерностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. — С. 29—40.

и древнерусских времен), фонетические нормы, напротив, очень подвижны.

Вопрос о норме языка и языковых средств в историческом контексте требует детального и отдельного описания. Поэтому мы считали, что будет целесообразно рассмотреть данный аспект в логической последовательности параграфов последующих разделов.

1.3. Этапы истории русского литературного языка и языковое строительство

В развитии русского языка выделяются эпохальные события, которые оказали огромное влияние на состояние и развитие русского языка.

История русского литературного языка как научная дисциплина была разработана В.В. Виноградовым и принята современным русским языкознанием. «Она сменила ранее существовавший в науке подход, представлявший собой комментарий к русскому литературному языку XVIII—XIX вв. с коллекцией разнородных фонетикоморфологических и словообразовательных фактов на фоне понимания языка как орудия русской культуры (работы Е.Ф. Будде)»⁵⁹.

По мнению В.П. Гудкова: «Русский литературный язык представляет соединение, сплав двух языковых стихий: диалектной речи в том ее виде, как она реализовалась в говоре Москвы и окрестностей, и многочисленных лексических и грамматических единиц церковнославянского языка, что дает в распоряжение пишущих богатейшие стилистические средства»⁶⁰.

Как известно, в 988 г. при князе Владимире христианство принято в качестве государственной религии. Принятие христианства сыграло большую роль в развитии русской культуры, которая на себе испытала влияние византийской и античной культур. По мне-

⁵⁹ Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — С. 163.

⁶⁰ Словарная статья Гудкова В.П. «Славянские языки» // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — С. 491.

нию академика Д.С. Лихачева, распространение христианства на Руси проходило мирно, хотя некоторыми историками высказывались противоположные мнения. Однако именно с его принятием началось распространение письменности, грамотности, формирование литературного языка, появление школ, а в монастырях — развитие традиций летописания.

Создание новой азбуки вызвало культурную революцию в жизни тогдашнего христианского света. «Создателями древнеславянской письменности и первого литературного славянского языка, называемого старославянским языком, явились во 2-й половине IX в. византийские просветители-миссионеры братья Кирил и Мефодий. Этот язык, имевший южнославянскую (болгаромакедонскую) речевую основу, был представлен в переводах христианских богослужебных книг, первоначально использовавшихся в Моравии, а затем распространившихся у южных славян и на Руси»⁶¹.

Распространяясь на большой славянской территории, старославянский язык впитывал в себя местные языковые особенности. И в XI—XII вв. образовалось несколько редакций старославянского языка (восточнославянская, южнославянская, западнославянская), а совокупность этих редакций называлась церковнославянским языком. Он был общим литературным языком славян, а тексты на этом языке в основном были связаны с церковной тематикой («Остромирово евангелие», «Слово о законе и благодати митрополита Илариона», «Житие Феодосия Печерского», «Чтение о Борисе и Глебе» и мн. др.).

Значительными периодами в развитии русского языка послужил распад восточнославянского языка и возникновение языка великорусской народности; второе южнославянское влияние (под первым южнославянским влиянием при этом подразумевается само создание русской письменности и формирование русской книжной традиции в кирилло-мефодиевский период).

В статье «Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв.» А.И. Соболевским впервые был введен термин «второе южнославянское влияние», которым он обозначал совокуп-

⁶¹ Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — С. 491

ность изменений, произошедших в русской культуре, и в первую очередь в письменности в конце XIV—XV вв. Основные инновации рассматриваемого периода состоят в следующем:

- увеличение корпуса текстов за счет новых переводов (и новых редакций), выполненных южнославянскими книжниками на протяжении второй половины XIII — первой половины XV в.;

- изменения в составе употребляющихся в древнерусских рукописях графем, в орфографии и языке, состоящие в появлении и распространении в древнерусской письменности ряда южнославянских графико-орфографических и языковых особенностей;

- распространение младшего полуустава, возникшего под влиянием южнославянских по происхождению полууставных почерков;

- изменения в оформлении восточнославянских рукописей: замена тератологического орнамента балканским, неовизантийским, распространение вязи в заголовках, фигурное завершение текстов;

- стилистические новации в оригинальных древнерусских сочинениях XV—XVI вв. — стиль «плетения словес».

Целью книжной реформы, которая велась южными славянами в XIV в. в афонских монастырях, было стремление восстановить древние, восходящие к кирилло-мефодиевской традиции нормы единого общеславянского литературного языка, в XII—XIII вв. все более обособлявшегося по национальным изводам, упорядочить графико-орфографическую систему, приблизить ее к греческому правописанию.

Влияние именно южнославянской традиции обусловлено тем, что она воспринимается как архаичная, а тем самым и как наиболее авторитетная. Поскольку церковнославянский язык пришел на Русь от южных славян, специфические южнославянские черты воспринимаются на Руси как архаичные. Другим фактором, определяющим престиж южнославянской редакции церковнославянского языка, является представление о более тесной связи южнославянской и греческой культурных традиций⁶².

⁶² См.: сайт филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: <http://www.philol.msu.ru>

До 60—70-х годов XX в. вопрос о втором южнославянском влиянии остаётся дискуссионным. Отдельные исследователи вообще отрицают такое влияние южнославянских традиций на русский язык. Например, известный исследователь языка памятников русской письменности текстолог Л.П. Жуковская, основываясь на материалах псковских рукописей XIV—XVII вв., характеризует изменения книжной традиции этого периода как собственно русское явление — как сознательную попытку архаизировать письменность. Похожего мнения придерживается Б.А. Успенский: в его интерпретации второе южнославянское влияние выступает как результат пурификаторской деятельности русских книжников — очищения старославянского языка от накопившихся разговорных элементов.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов появляются работы М.Г. Гальченко, опровергающие эту точку зрения. Он связывает второе южнославянское влияние с культурными условиями эпохи и реконструирует распространение этого явления, возводя характерные для него особенности к болгарским источникам.

По мнению Г.Х. Гилязетдиновой, «немаловажен тот факт, что XV—XVII вв. в истории социальных связей русского народа с восточными выделяются как особый период. В конце XV в. русские земли освободились от Золотоордынской вассальной зависимости. Происходит распад Золотой Орды, на бывшей территории которой в течение XV в. формируется Сибирское ханство (конец XV в.), Ногайская Орда (конец XIV — начало XV вв.), Казанское ханство (40-е годы XV в.), Крымское ханство (1443 г.), Астраханское ханство (1459 г.) и др. Усиление Московского государства сопровождалось территориальной экспансией на восток.

Наличие разного рода связей — политических, экономических, культурных — не могло не сказаться на языковом облике эпохи Московского государства. В свете современных лингвокультурологических исследований понимание языка как зеркала культуры и жизни страны не ново, оно имеет непосредственное отношение и к рассматриваемому периоду, когда язык, реагируя на внешние изменения, активно включал в лексический фонд новообразования, связанные с указанными изменениями. Ориентальные заимствования, являющиеся результатом контактов с восточными народами,

оставляют существенную часть словаря русского языка исследуемого периода. Совершенно справедливо в этой связи замечание Ф.П. Филина о заметном воздействии на великорусский язык лекрики из языков Востока (прежде всего тюркских или иных, главным образом, через тюркское посредство), что вполне понятно, если учитывать интенсивные связи Московской Руси с восточными странами»⁶³.

С XVII в. начал формироваться русский национальный язык на основе говора Москвы. Употребление церковнославянского языка постепенно стало ограничиваться (став языком религиозного культа), а реформы петровского времени открыли путь для вхождения в русский литературный язык западно-европейских слов и русских народно-разговорных элементов: «В 1-й четверти XVIII в. по инициативе и при участии Петра I кириллица была модернизирована, в результате чего появилась т.н. гражданская азбука, или гражданский шрифт»⁶⁴.

Как отмечает Е.А. Бабаева: «Петровская эпоха является важным этапом в истории русского литературного языка. Именно в это время происходит становление литературного языка нового типа, приходящего на смену книжному языку предшествующей эпохи — церковно-славянскому /цсл./. Языковая политика Петра I была самым тесным образом связана с его общей культурологической установкой. Размежевание двух типов культур — секулярной и традиционной /сакральной/ должно было пролечить формальное выражение в противопоставлении двух типов языков — нового, «простого», и цсл. Первым шагом к созданию нового книжного языка, соотносимого с секулярным началом, явилась реформа алфавита 1710 г. Установке Петра I на упрощение языкового кода противостояла широкая практика традиционной книжности»⁶⁵.

⁶³ Гилазетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011. — С. 14—16.

⁶⁴ Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — С. 491.

⁶⁵ Бабаева Е.Э. История русской лингвистической мысли в начале XVIII века и языковая практика петровской эпохи (лингвистическая и редакторская деятельность Ф.П. Поликарпова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1989. — С. 1.

Личность Петра I в русской истории уникальна, неповторима, это выдающаяся личность, и уже многие столетия она привлекает внимание историков, политологов, психологов, философов. Однако комплексные лингвистические труды, посвященные этой неповторимой личности, в исторической русистике в том числе, практически отсутствуют, при активном описании его деятельности в отдельных статьях, очерках и главах. Весомый вклад в детальное филологическое изучение личности Петра I, его эпистолярного наследия, в исследование заимствованной лексики в Петровскую эпоху внесла Н.И. Гайнуллина⁶⁶, труды которой завоевали авторитет не только в Казахстане, но и далеко за его пределами. Актуальность и значимость обращения к знаковым памятникам прошлого, связанным с именем Петра I, Н.И. Гайнуллина определяет следующим образом: «... способность через язык раскрыть роль отдельной личности в его истории, ее вклад в эволюционные внутриязыковые процессы и ее влияние на судьбы русского языка, которые в наши дни приобретают все большее значение в новых культурно-исторических условиях как для национальной самоидентификации, так и для уяснения роли языка в истории народа. Именно в таком ракурсе интересна роль не просто отдельной личности, а личности значимой, колоритной, крупной и потому оставившей свой неизгладимый и неповторимый след не только в памяти народа, но и в его языке»⁶⁷.

С XV в. наблюдаются интенсивные торговые связи с восточными государствами. Так, в XV—XVI вв. основными контрагентами России, с которыми происходил товарообмен, были Иран, Турция, Крым, Ногайская Орда, Азербайджан, позднее, в XVII в. — Восточная Сибирь и Китай. При этом, наблюдается ориентация на Запад в развитии культурно-политической России. Как отмечает Ю.М. Лотман, «XVIII век в русской культуре был эпохой наи-

⁶⁶ Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII в. (историко-лингвистический аспект). — Алматы, 1995; Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (опыт диалектно-хронического описания). — Алматы, 2003; Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: процессы адаптации. — Алматы, 2008.

⁶⁷ Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: процессы адаптации. — Алматы: Қазақ университеті, 2008. — С. 4.

большого приближения к западным нормам. Окно в Европу сделалось как бы обобщенным знаком этой эпохи. Учитывая именно такую специфику этого периода, внешние наблюдатели оценивали Россию Петра и Екатерины то восторженно-положительно, то безусловно отрицательно. Одна из отличительных особенностей русского XVIII в. — то, что он не вызывал нейтральных оценок. Между тем, сопоставляя русский XVIII в. с западно-европейским, при всем параллелизме мы не можем не заметить коренного отличия между ними. Эпоха XVIII в. на Западе — четко отграниченный период, имеющий свое историческое начало и отчетливо выраженный исторический конец. Эпоха XVIII в. в России имеет настолько размытые границы, что порою отделить ее от органических черт русской культуры ни в хронологическом, ни в типологическом отношениях почти невозможно. То, что на Западе этап, в России почти превращается в сущность. К этому следует добавить и географическую, и историческую, и типологическую соотнесенность русской культуры с культурой Востока. Эта граница также размыта и выделяется только с высокой степенью условности. Между тем диаметр исторического оборота в культурах Востока настолько велик, что для западного наблюдателя они представляются неподвижными. Эти созданные внешним наблюдением структуры усваиваются, однако, самой внутренней культурой Востока, как бы возводя в степень ее внутреннюю противоречивость»⁶⁸.

Постепенную ориентацию на Европу также отмечает Г.Х. Гилетдинова, которая пишет, что в конце XVII — начале XVIII в. происходит смена ведущих языковых тенденций в связи с политической и экономической ориентацией России на Запад. «При этом процесс адаптации и функционирования восточных заимствований этого периода оказали влияние: 1) перестройка принимающей лексико-семантической базы; 2) столкновение с волной иноязычных заимствований с Запада (XVII в.). Следовательно, можно говорить о своеобразной демаркационной линии между языком XVIII в. и предшествующими этапами, где прямые контакты с вос-

⁶⁸ Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII — нач. XIX в. // История русской культуры. Т. IV (XVIII — нач. XIX века). — М.: Школа лингвистики русской культуры», 1996. — С. 24—25.

точными народами (прежде всего тюркоязычными) занимали ведущее место»⁶⁹.

Наиболее важные реформы русского литературного языка были сделаны М.В. Ломоносовым, который в 1739 г. написал «Письмо о правилах российского стихотворства», где сформулировал принципы нового стихосложения на русском языке.

Имя М.В. Ломоносова особенно значимо для истории филологической науки в России. Известно, что он внес огромный вклад во все основные области русской национальной культуры XVIII в. По разнообразию начинаний и необъятности знаний Ломоносова можно сопоставить с титанами европейского Возрождения или с французскими энциклопедистами. Один из самых замечательных умов своего времени, он неустанно заботился о развитии всех областей русской культуры. Все его стремления были направлены не на то, чтобы вести вперед какую-либо одну из специальных отраслей знаний, а на то, чтобы сделать все их доступными русскому языку и в деле их изложения, и в деле научной терминологии⁷⁰.

М.В. Ломоносову принадлежат наибольшие заслуги в разработке теории трех стилей («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1757). Сущность ее заключается в систематизации «речений» и языковых средств по их стилистической окраске (связанной с их происхождением и употреблением) и обязательности их использования в произведениях определенных стилей, жанров и тематики. Так, «прозаические речи о важных материях» предписывалось писать высоким штилем, к нему относились оды, героические поэмы, трагедии; средний стиль представляли эклоги, элегии, дружеские стихотворные письма; низким стилем писались комедии, эпиграммы, дружеские письма в прозе, описания обыкновенных дел. Ценность теории М.В. Ломоносова состоит в упорядочении употребления в русском литературном языке двух стихий: книжно-славянской и собственно русской (с учетом их взаимодействия). Систематизация стилистических средств была весьма актуальна в середине XVIII в. (при учете так называемого смешения

⁶⁹ Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011. — С. 14—16.

⁷⁰ См.: сайт филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: www.philol.msu.ru

стилей предшествующего времени, особенно в петровскую эпоху). Кроме того, значение теории состояло в обосновании демократизации языка и ее реализации в произведениях поэта-ученого: использование устаревших церковнославянских элементов в русском литературном языке Ломоносов считал ненужным, допускаются лишь общепонятные славянизмы; при употреблении лексических и грамматических средств делается установка на «речения, больше в российском языке употребительные», допускаются просторечные элементы.

Сыграв свою положительную роль, теория трех стилей, однако, уже в конце XVIII в. утратила свое значение и преодолевалась в творчестве Державина, Фонвизина, Новикова и др. писателей. Окончательно преодолена была (как система, как норма словоупотребления) в пушкинскую и послепушкинскую эпохи⁷¹.

Наиболее полное описание лексического состава русского языка XVIII в. можно увидеть в работе З.М. Петровой. Исследователь отмечает: «Словарный состав языка в любой период его истории находится в состоянии непрерывного изменения, которое состоит в его обогащении новыми словами и в утрате старых, появлении у слов новых значений. XVIII в. в русской истории в этом отношении не имел себе равных по сравнению с предшествующими периодами. Это был период формирования национального русского литературного языка, а в такие периоды процесс развития и совершенствования лексического состава обычно проходит быстрее, чем в донациональные периоды. Во время формирования национального языка он испытывает особенно глубокое взаимодействие внутриязыковых и экстралингвистических факторов.

С начала XVIII в. Россия претерпевает существенные изменения в социально-экономической и культурной жизни. Это время было связано с интенсивным развитием производства, торговли, созданием регулярной армии и флота, с развитием науки и искусства. Это было время глубоких преобразований в области государственного устройства, светского образования, быта. Укреплялись связи с Западной Европой. Чрезвычайно расширились как комму-

⁷¹ http://lingvistics_dictionary.academic.ru/

никативные функции языка, которые он стал выполнять в разных и новых сферах общественной и частной жизни, так и эстетические в связи с развитием художественной литературы — поэзии и прозы. Более высокая ступень развития русского общества по сравнению с предшествующим периодом была связана с усложнением мышления, восприятия “картины мира”»⁷².

Создателем современного литературного языка считается А.С. Пушкин, данный тезис сохраняется в качестве доминирующего, несмотря на существенные изменения, произошедшие в языке за почти двести лет, и явные стилистические различия между языком Пушкина и современных писателей. Тем не менее, начало нового периода в истории русского литературного языка связано с деятельностью А.С. Пушкина.

Ю.С. Сорокин о реформах в истории русского языка, связанных с творчеством А.С. Пушкина, пишет: «Деятельность Пушкина составляет важный исторический этап в совершенствовании национального языка, неразрывно связанном с развитием всей национальной культуры, поскольку национальный язык является формой национальной культуры <...>».

Пушкин потому явился основоположником современного литературного языка, близкого и доступного всему народу, что был писателем истинно-народным, чье творчество обогатило нашу национальную культуру, писателем, горячо боровшимся со всеми, кто стремился придать ей характер антинародный, выгодный и удобный лишь для господствующего эксплуататорского класса. Деятельность Пушкина как основоположника русского литературного языка неразрывно связана с его общей величайшей ролью в развитии русской национальной культуры, нашей литературы, передовой общественной мысли.

Совершенствуя русский литературный язык и преобразуя различные стили выражения в литературной речи, Пушкин развивал определившиеся ранее живые традиции русского литературного языка, внимательно изучал, воспринимал и совершенствовал луч-

⁷² Петрова З.М. Развитие лексического состава русского языка XVIII в. (имена прилагательные): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1983. — С. 7.

шее в языковом опыте предшествующей ему литературы. Достаточно указать на чуткое и любовное отношение Пушкина к языку древнейших памятников русской литературы, особенно к языку "Слова о полку Игореве" и летописей, а также к языку лучших писателей XVIII и XIX веков — Ломоносова, Державина, Фонвизина, Радищева, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Крылова, Грибоедова. Пушкин также принимал живое участие во всех спорах и обсуждениях вопросов литературного языка его времени. Известны его многочисленные отклики на споры карамзинистов и шишкови-стов, на высказывания декабристов о русском литературном языке, на языковую и стилистическую полемику в журналистике 30-х годов XIX в. <...>.

Дело Пушкина продолжили величайшие корифеи русской литературы — Лермонтов, Гоголь, Герцен, Тургенев, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, Чехов, М. Горький. При всем расширяющемся стилистическом многообразии русской литературной речи неизменной оставалась для них преданность основным нормам общенародного языка, окончательно утвержденным в литературе Пушкиным.

Не случайно все лучшие представители русской литературы и общественной мысли последующего времени с глубокой признательностью и любовью отмечали величие Пушкина как родоначальника классической русской литературы и основоположника современного русского литературного языка <...>⁷³.

Немаловажную роль в развитии русского литературного языка, русской художественной литературы сыграло введение всеобщего обязательного обучения в России с середины XIX в.

К концу XIX в. охват населения системой образования был очень низкий, развитие системы школьного образования затруднялось отсутствием закона о всеобщем обязательном обучении, поскольку в это время в европейских странах уже была преодолена массовая неграмотность населения с введением всеобщего обязательного обучения.

⁷³ Сорокин Ю.С. Значение Пушкина в развитии русского литературного языка // История русской литературы: в 10 т. — М.; Л., 1953. — Т. 6. — С. 311—368.

В России после обсуждений в Государственной думе в 1908—1912 гг. реформу планировалось завершить примерно в половине губерний России (в европейской части) до 1918 г., а в полном объеме, по всей империи — к концу 1920-х годов. Фактически к 1917 г. практически полный охват начальным образованием был обеспечен в европейской части среди мальчиков, а среди девочек — только на 50%.

С начала царствования Николая II ускоренными темпами начало развиваться и женское образование.

После революции 1905—1906 гг., Русско-Японской войны и реформ 1906—1907 гг. в думе поднимается вопрос о принятии закона о введении всеобщего начального образования. В 1906 г. на рассмотрение выносятся законопроект министра народного просвещения П. фон Кауфмана, в котором было установлено бесплатное (но не всеобщее) начальное образование. Это сыграло очень большую роль в развитии системы образования в России. Однако раздел о всеобщем обязательном начальном образовании принят не был. Позже, в 1910 г. было провозглашено 4-летнее обучение для всех начальных школ.

Обсуждение законопроекта о всеобщем начальном образовании, тем временем откладывалось несколько раз, и затянулось вплоть до 1912 года. 6 июня 1912 г. Государственный совет окончательно отклонил законопроект о всеобщем обучении. К 1915 г. лишь в нескольких отдельных уездах и городах было введено обязательное всеобщее и бесплатное начальное обучение (в 15 земствах из более чем 440; то есть в 3%)⁷⁴.

После Октябрьской революции 1917 г. началось активное разрушение существовавшей школьной системы. Частные учебные заведения были запрещены, религиозные элементы обучения исключены, во всех школах было введено совместное обучение мальчиков и девочек, подчинение всех учебных заведений государственной власти.

Большевики считали роль воспитания определяющей в формировании политических взглядов подрастающего поколения, поэтому свои идеи внедряли посредством школ. Российская Ком-

⁷⁴ <http://ru.wikipedia.org/wiki>

мунистическая Партия (РКП) организовала деятельность по перестройке школ, которую возглавили Н.К. Крупская, А.В. Луначарский и М.Н. Покровский. Они занимались в первую очередь внедрением коммунистических идей и осуществлением большевистских реформ в системе образования. В октябре 1918 г. вышли документы, определяющие основные пункты реформирования школ: единая система совместного и бесплатного общего образования в два этапа: 5-ти и 4-х летнего обучения, право на образование независимо от расовой, национальной и социальной принадлежности, обучение на родном языке, абсолютная светскость обучения, присутствие производительного труда в программе обучения.

1917 г. характеризуется массовой безграмотностью населения страны, особенно в регионах и сельской местности. После гражданской войны производится попытка восстановления образовательной системы и ликвидации безграмотности.

В 1920 г. создается Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности во главе с Н.К. Крупской. Однако восстановление школ двигалось крайне медленно из-за постигшего страну голода. Послевоенный период оказался крайне тяжелым в экономическом плане. Система образования рушилась из-за нехватки средств. В результате стали возникать «договорные школы», ставшие платными учебными заведениями. Лишь во второй половине 1920-х годов школьная система начала понемногу восстанавливаться. Росло число учебных заведений и число учащихся. В 1930 г. было введено обязательное начальное обучение с 4-х летним сроком.

Переход на всеобщее семилетнее обучение произошел только к началу 1950-х годов, в это время постепенно налаживается и нормализуется жизнь страны после Великой отечественной войны. Стремительный рост числа учеников вызывает острую нехватку в школьных зданиях и средствах обучения.

Окончательное введение восьмилетнего образования произошло в 1961/62 учебном году. К 1970 г. было повсеместно организовано обязательное восьмилетнее обучение.

Следующим этапом преобразования образовательной системы было введение всеобщего десятилетнего образования.

По мнению Н.И. Гайнуллиной, «...принцип историзма, прекрасно разработанный в русском языкознании XIX в., явился той благодатной и важной методологической базой для восприятия и объяснения языка в ретроспективе, который позволил современным историкам русского языка применить понятие “языковая ситуация” для объяснения особенностей его развития в наиболее значимые, “пиковые” моменты его истории.

В связи со сказанным впервые употребленное Ф.П. Филиным в историческом исследовании о русском языке <...> данное социолингвистическое понятие получило своеобразную вторую жизнь и как нельзя лучше позволило объективно, более глубоко и доказательно взглянуть на состояние русского языка на стыке отдельных синхронных срезов, значимых для его истории, которые мы в своих работах называем *переходными* <...> с учетом действия закона диахронии в синхронии языка, связанного с такой особенностью внутриязыкового характера, как динамические процессы, происходящие в структуре языка в разных его подсистемах. Последние, как известно, первоначально проявляются в единичных фактах отступления от действующих в синхронии норм употребления языковых единиц, а затем, путем накопления, превращаются в количественные изменения, количественные же изменения, согласно общеизвестному закону диалектики, имеют способность превращаться в качественные. Именно таким, эволюционным по своей сути свойством обладает любой язык, на диахронической оси которого рано или поздно происходят революционные взрывы, когда количество переходит в качество, а в языке отмечаются так называемые ретроспективно-синхронные наслоения в виде остатков старого и нарождающегося нового»⁷⁵.

«В совокупности столкнувшись в определенной точке, такое соединение внутренних и внешних факторов приводит к революционному взрыву и смене одного синхронного среза другим, что, как правило, меняет и языковую ситуацию на диахронической оси истории конкретного, в данном случае русского языка (сравним

⁷⁵ Гайнуллина Н.И. Синхронно-диахроническая природа языковой ситуации // Мат-лы междунар. конгресса «Русский язык и литература в XXI веке: теоретические проблемы и прикладные аспекты» / отв. ред. Н.Ж. Шаймерденова. — Астана, 2007. — С. 49.

стык XIV—XV вв., Петровскую эпоху, первую четверть XIX в., первые десятилетия советской власти). Последним таким периодом, на наш взгляд, следует признать время с середины 80-х годов XX столетия до настоящего времени, которое существенно изменило характер и состояние русского языка под влиянием изменившихся культурно-исторических условий, связанных, во-первых, с перестроечными процессами указанного времени, а во-вторых, с последовавшим распадом единого государства на ряд независимых государств, на территории которых русский язык продолжает использоваться как важное коммуникативное средство»⁷⁶.

После распада СССР в начале 1990-х годов с развитием мировой науки и техники результаты обучения все меньше соответствуют требуемому уровню. Интерес к обучению резко снижается, увеличивается не посещаемость и прогрессирует асоциальное поведение среди учеников, особенно подростков.

Эпоха глобализации со свойственной ей динамичностью, трансформацией, компьютеризацией и языковыми инновациями прочно входит в жизнь и сознание современников. В системе современных наук и, в частности, в лингвистике и педагогике, важное место в конце XX столетия стала занимать коммуникация. И в лидеры нового XXI столетия выходят те страны, которые производят информацию в качестве главного продукта, и где такие дисциплины, как риторика, ораторское искусство вводятся в учебно-образовательную систему. Человечество все больше смещает свои акценты в информационную сторону, коммуникацию, которые представлены прикладными областями: IT-технологиями, паблик рилейшнз, рекламой и т.д.⁷⁷

На этом рубеже веков в результате глобальных общественно-политических изменений особенно востребованными становятся

⁷⁶ Гайнуллина Н.И. Синхронно-диахроническая природа языковой ситуации // Мат-лы междунар. конгресса «Русский язык и литература в XXI веке: теоретические проблемы и прикладные аспекты» / отв. ред. Н.Ж. Шаймерденова. — Астана, 2007. — С. 49.

⁷⁷ Бурибаева М.А., Шаймерденова Н.Ж. Общение детей дома и в школе в эпоху IT-технологий // Полилингвальное общество в эпоху глобализации: дети, подростки, взрослые: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Ж. Шаймерденова. — Астана, 2011. — С. 13—26.

ся люди с креативным мышлением, владеющие инновационными технологиями, что складывается в результате обучения в школе и в вузе. Появляются уникальные авторские методики преподавания русского языка и литературы для россиян⁷⁸, создаются коллективные учебники для овладения русским языком и литературой для соотечественников, проживающих за рубежом, и мн. др.

Таким образом, определенные политические решения и социально-культурные события сыграли немаловажную роль в развитии русского языка и в языковом строительстве. Лексический состав русского языка в течение нескольких веков активно пополняется за счет производных слов, создаваемых по собственным словообразовательным моделям, а другим источником его пополнения являются лексические заимствования (славянизмы, тюркизмы, западноевропейизмы, англицизмы, интернационализмы и др.), вошедшие в русский язык в разные исторические эпохи.

⁷⁸ В частности, наибольшей популярностью в Казахстане и за рубежом пользуются учебники по русскому языку В.П. Синячкина и М.А. Брагиной, выдержавшие несколько изданий — «Русский язык. Базовый курс: учебник и рабочая тетрадь» (М.: Изд-во РУДН, 2007; 2008, 2010), «Сборник упражнений по русскому языку» (М.: Изд-во РУДН, 2007; 2008), а также учебное пособие «Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка» (Брагина М.А., Дронов В.В., Красс Н.А., Тарасов Е.Ф. М.: Изд-во РУДН, 2008).

ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ЭТАП В ИСТОРИИ СЛОВА

2.1. Метаязык теории вариативности

Само понятие «история слова» неоднократно звучало в трудах ученых, которые с различных позиций и в разные исторические периоды предпринимали попытки дать анализ языковых единиц. Так, академик В.В. Виноградов представил достаточно полное описание истории значений отдельных слов с XVII по XIX в. и описал сложности изучения слова и значения в историко-лексикологических исследованиях. Все это представлено в фундаментальной работе «История слова», где собраны его статьи по истории слов⁷⁹.

Г.А. Богатова в монографии «История слова как объект русской исторической лексикографии» анализирует лексикографические аспекты описания истории слова⁸⁰. При этом ученые вполне закономерно обращаются к проблеме вариативности, поскольку история слова начинается именно с этого аспекта, далее выравниваясь в соответствии с нормами русского языка, они включаются в нормативные словари и продолжают свое самостоятельное существование в одной из форм (одном из вариантов), которая была более устойчива в своем употреблении:

Поэтому в данном параграфе мы обратимся к вариативности как одному из важнейших этапов в истории слова, как к этапу, который обязательно проходит языковая единица в процессе своего вхождения в русский язык и в другие языки.

⁷⁹ Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Толк, 1994.

⁸⁰ Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии / отв. ред. Д.Н. Шмелев. — 2-е изд., доп. — М.: ЛКИ, 2008.

Вариативность является одним из закономерных процессов, отражающих динамику языка. Она вызывает особый интерес как у современников, так и у историков языка. В лингвистике при изучении вариантов и понимании сущности вариативности наблюдаются различные подходы в их интерпретации, так как данная проблема очень многогранна и, начиная с середины XX в. по настоящее время, является объектом исследования отечественных и зарубежных ученых, как различных отраслей лингвистики, так и ряда смежных наук.

«Вариативность как универсальное свойство языка и его единиц представляет неизменный интерес для лингвистики, проявление которого обнаруживается уже в трудах Аристотеля, затем отмечается на всех этапах развития общего и частного отечественного (О.И. Блинова, З.М. Богословская, А.В. Бондарко, Л.А. Глинкина, К.С. Горбачевич, Л.П. Крысин, А.М. Пешковский, Т.А. Расторгуева, В.М. Солнцев, Ю.С. Степанов, Ф.И. Филин, Е.Н. Флауэр, В.С. Храковский, Н.В. Хруцкая, Н.Ю. Шведова, Р. Якобсон, В.Н. Ярцева и др.) и зарубежного (Э. Косериу, Дж. Лакофф, Р.В. Лангаккер, W.I. Ballard, F. Buffa, K.I. Mattheier и др.) языкознания.

Традиционно вариативность исследуется, во-первых, в направлении от языковой системы к речевому материалу, как проявление на речевом уровне системных свойств языка (Л.А. Вербицкая, Э.В. Головина, Л.Г. Зубкова, Г.П. Торсуев и др.); во-вторых, как модификация формы языковой единицы, коррелирующей с одной и той же смысловой сущностью (Р.И. Аванесов, З.М. Богословская, Е.Н. Ремчукова, В.В. Морковкин и др.), и, напротив, модификация смысла, коррелирующего с одной звуковой формой (Е.М. Вольф, А.А. Зализняк, С.Е. Никитина, Р.П. Рогожникова, В.Д. Черняк, А.П. Чудинов и др.). Эти направления исследования вариативности на материале разных языков и диалектов одного языка представлены, например, в работах Г.Г. Ивлевой, Х.Ф. Исхаковой, М.А. Пауленка, О.Н. Селиверстовой, Г.В. Степанова и др.

При рассмотрении понятия вариативности ключевым является положение о соотношении инварианта как абстрактного обозначения одной и той же сущности и варианта как ее конкретной модификации (Ю.Д. Апресян, А. Вежицкая, М.Я. Гловинская,

Н.В. Перцов, В.А. Плунгян, В.М. Солнцев, И.Б. Шатуновский, Р.О. Якобсон и др.). Актуализированными в лингвистике и получившими дальнейшее развитие являются идеи о некоем образце, эталоне, или норме, и варианте как модификации этой нормы или отклонении от нее (Л.А. Вербицкая, К.С. Горбачевич, Э. Косериу, Н.В. Хруцкая и др.).

С этими идеями перекликаются основные положения теории прототипов, согласно которой прототип — это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью, способностью к воздействию на производные варианты и наиболее высокой степенью регулярности функционирования (А. Вежбицкая, Дж. Лакофф, Р.В. Лангаккер, Е. Rosch и др.).

Вариативность как свойство языка проявляется на всех его уровнях, охватывая все языковые единицы, и является предметом изучения отдельных лингвистических дисциплин, описывающих соответствующие вариантные единицы как элементы системы в плане их языкового взаимодействия и вариантов их речевой репрезентации. При этом наиболее изученными являются процессы формально-смыслового варьирования единиц лексической (О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий и др.), морфемно-словообразовательной (А.Г. Антипов, Л.А. Араева, П.А. Катышев, М.Н. Яценецкая, и др.), морфологической (А.И. Соколов, А.Н. Тихонов, В.Н. Ярцева и др.) системы, менее изученными — процессы варьирования единиц синтаксической системы (М.В. Всеволодова, Т.С. Моница, А.М. Мухин, А.И. Соколов, С.А. Шубик и др.)»⁸¹.

«Словарь по языкознанию» представляет следующую дефиницию понятия «вариантность»: «фундаментальное и универсальное свойство языка и языковых единиц, обеспечивающее его функционирование и сохранение. Каждая единица языка, оставаясь неизменной, существует в то же время в виде множества вариантов,

⁸¹ Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2010. — С. 3—4.

сам язык существует в виде территориальных, социальных, стилистических, функциональных и пр. вариантов»⁸².

О вариативности Н.Ю. Шведова говорила: «Вряд ли найдутся два исследователя, которые ее понимают одинаково»⁸³, поэтому в исследовании предпринята попытка отразить собственное понимание вариативности, сформулированная в результате критического осмысления имеющейся в нашем распоряжении литературы. При этом важно определить критерии литературной нормы и лексической вариативности, обратиться к проблеме определения терминов *вариант* и *вариативность*. Необходимость упорядочения терминологического аппарата той науки, объектом изучения которой являются *варианты*, назрела давно, а научная лингвистическая парадигма рубежа веков имеет надежную методологическую и теоретическую базу для подобного описания.

Обзор специальной литературы позволяет установить различные толкования терминов «вариант» и «вариативность». При этом, по мнению одних ученых, варианты — это языковые единицы, тождественные по значению, причем различие или сходство звуковой материальной формы слова — признак несущественный, а вариативность — множественность средств выражения одного значения (Л. Ельмслев, Л.П. Крысин, Н.Г. Михайловская и др.). По мнению других лингвистов, варианты — разновидности одного и того же слова, характеризующиеся тождеством значения и частичным различием звукового состава слова, а вариативность — результат некоторого видоизменения материальной оболочки слова (К.С. Горбачевич, Л.К. Граудина, Р.П. Рогожникова и др.).

Обзор лексикографических изданий по определению терминов «вариант» (от лат. *variāns* (*variantis*) *изменяющийся*)⁸⁴ и «вариативность» позволяет делать выводы, что в различных источниках они

⁸² Словарь по языкознанию. Тіл білімі сөздігі. — Алматы: Ғылым, 1998. — С. 61.

⁸³ Шведова Н.Ю. К понятию вариативности в языке (на материале лексического множества) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — М., 1983. — Т. 42. — № 3. — С. 239.

⁸⁴ Словарь иностранных слов в русском языке. — М.: ЮНВЕС, 1996. — С. 129.

нефинируются по-разному, а один из этих терминов в некоторых словарях вообще отсутствует. Так, в результате лингвистического курса по наиболее общепризнанным лексикографическим изданиям выявлено следующее.

С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» «вариант» понимает как «видоизменение, разновидность» и «разнотечение в тексте»⁸⁵.

В «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева встречается лишь толкование слову «вариабельный», происходящему из французского языка *variable* — изменчивый. Согласно данному словарю слово «вариабельный» имеет значение «поддающийся варьированию, способный иметь варианты; изменчивый, неустойчивый»⁸⁶.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой значение термина «вариантность» представлено как «... разнообразие, разнотипность речи, определяемое различными условиями ее употребления, а также различиями в социальной и территориальной принадлежности говорящих лиц»⁸⁷.

По мнению Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, «варианты слова» — это видоизменения слова, отличающиеся друг от друга в каком-либо отношении при сохранении тождественного морфемного состава». В словаре-справочнике выделяются несколько типов вариантов-слов, к которым относятся акцентологические варианты слова — «видоизменения, различающиеся только ударением»; морфологические (грамматические) варианты слова — «видоизменения слова, различающиеся системой окончаний, что часто связано с формой рода»; орфоэпические варианты слова — «различное произношение слов, не получающее отражения на письме»; семантические варианты слова — «различные значения многозначного слова»; словообразовательные варианты слова — «видоизменения, связанные с заменой морфем»; наконец, фонетические (фонематические) варианты слова — «видоизменения звуковой стороны сло-

⁸⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1986. — С. 60.

⁸⁶ Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. — М: Эксмо-Пресс, 2000. — С. 4.

⁸⁷ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энциклопедия, 1966.

ва, различия в составе фонем, не связанные с морфологическими чередованиями и парадигматическими изменениями слова»⁸⁸.

Необходимо четко различать последний тип вариантов. Так, к фонетическим (звуковым) вариантам слова относятся варианты при различном произношении звуков и их сочетаний в словах и формах слов, а к фонематическим — варианты орфографические, часто поддерживающиеся словарями, фиксирующие двоякое написание.

Как отмечается в энциклопедии «Русский язык», языковые варианты — это категория историческая, поэтому время сосуществования языковых вариантов, «т.е. характер и продолжительность фазы вариантности, особенно важно рассматривать в нормативно-историческом аспекте. Орфоэпические и акцентные варианты существуют только в устных формах речи (однако иногда проявляются и в стихотворных произведениях). Некоторые грамматические варианты имеют вековую историю, тогда как для ряда фонематических вариантов характерно однолетнее существование, закрепленное на письме в вариантах написания <...>; однако все это осмысливается как неизбежная языковая закономерность»⁸⁹.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» представлено два значения термина «вариантность (вариативность)», из которых согласно теме исследования мы выбрали первое — это «представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы (напр., разночтения в разных списках одного и того же памятника)»⁹⁰.

В «Толковом переводоведческом словаре» Л.Л. Нелюбина термин «вариант» имеет четыре значения. Так, здесь «вариант» — это «формальное видоизменение языковой единицы как один из допустимых способов ее выражения»; «одна из нескольких редакций

⁸⁸ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1985. — С. 32—33.

⁸⁹ Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. — С. 62.

⁹⁰ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 80.

произведения (языка, речи); видоизменение отдельной его части»; «разновидность, видоизменение»; «разнотечение в тексте»⁹¹.

Повышенным вниманием к явлению вариативности характеризуется социалингвистика. Огромный вклад в разработку языковой вариативности в социалингвистическом аспекте внесли А.И. Домашнев, Н.Б. Мечковская, Г.В. Степанов, Н.М. Фирсова и др. Однако, как уточняет Н.М. Фирсова, социалингвистика обращается «к проблемам внешней вариативности языка в территориальном и социальном пространствах, особенно к изучению процессов, происходящих в языке на национальном уровне»⁹².

В последнее время в теоретическом языкознании активизировались исследования в области национальных вариантов многих языков (прежде всего, мировых). В силу сложившихся обстоятельств центральное место среди этих исследований пока что принадлежит работам, направленным на изучение и описание национальных вариантов английского языка. Особенно широко представлено в лингвистике сопоставление британского и американского вариантов английского языка.

Обобщая мысли лингвистов о сущности взаимоотношения понятий единого языка и его национальных вариантов, казахстанский исследователь национального варианта русского языка (в Казахстане) Е.А. Журавлева отмечает, что вследствие использования одного языка в собственно территориальном, историческом и социальном пространствах в нем неизбежно развиваются характерные черты, в соответствии с которыми язык данной социальной (национальной) общности дифференцируется от данного языка другой национальной общности. Проблема вариантности языковых систем в условиях существования полинациональных языков в современный период требуют дополнительного комплексного и детального исследования как на уровне конкретных языков, так и в целом. По ее мнению, «русский язык в его состоянии на рубеже веков можно исследовать с четырех позиций: язык метрополии (России), язык стран содружества, язык эмигран-

⁹¹ Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 27.

⁹² Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. — М.: Изд-во РУДН, 2000.

тов и иностранный язык. Как показывают исследования русского языка лингвистами стран СНГ и Казахстана, когда речь идет о русском языке за пределами России, обслуживающем ряд функциональных сфер, то речь идет об особом национальном варианте русского языка, внутри которого возникают свойственные данному варианту языковые состояния»⁹³.

З.М. Богословская, изучая варьирование слова в системе говора, выделяет термин *вариантоиды*, под которыми понимаются единицы, занимающие промежуточное положение между формами одного слова и разными словами. «Термин “варианты слова” принят в качестве родового, т.е. включает в себя и собственно варианты слова и вариантоиды»⁹⁴. По ее мнению, «основными различиями вариантных образований являются внешние, материальные различия. По этой причине главное положение в их типологии занимает структурная классификация. Вариантоиды в основном обнаруживаются в сфере «словообразовательного» варьирования слова и лишь отчасти — в сфере корневого варьирования слова. «Словообразовательные» модификации слов по ряду свойств (значительные материальные различия, различия в лексико-семантической структуре, стилевые различия, функция уточнения в речевом потоке) — вид вариантных образований, наиболее приближенный к разным словам»⁹⁵.

В отечественном языкознании наиболее точное и развернутое определение термину «вариативность» дают авторы «Словаря социолингвистических терминов» Э.Д. Сулейменова и Н.Ж. Шаймерденова. Согласно данному справочнику, «вариативность» — это «фундаментальное и универсальное свойство языка и языковых единиц, обеспечивающее его функционирование и коммуникативную пригодность». Каждая единица языка, оставаясь неизменной по своему значению, может существовать в виде множества вариантов, а сам язык также существует в виде территориальных, социальных, стилистических, функциональных, национальных

⁹³ Журавлева Е.А. Концептосфера русского языка в полиэтничном обществе Казахстана. — Кокшетау, 2009. — С. 47.

⁹⁴ Богословская З.М. Явление варьирования слова в системе говора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1984. — С. 6.

⁹⁵ Там же. — С. 16.

и прочих вариантов языка и форм существования языка. В науке различают стратификационную, или социальную вариативность, обозначающую «языковые и речевые различия, которые обнаруживаются между представителями различных социальных слоев и социальных групп», а также ситуативную вариативность — «использование тех или иных языковых средств в зависимости от социальной ситуации и контекста»⁹⁶.

В лингвистике хорошо известны классические труды В.М. Солнцева, К.С. Горбачевича, В.Н. Ярцевой, И.Н. Истриной, посвященные проблеме вариативности языковых средств. В.М. Солнцев отмечает, что сама идея вариативности предполагает изменчивость, модификацию чего-либо при сохранении некоторых существенных свойств этого «чего-либо», остающегося «самим собой». По мнению В.М. Солнцева, «вариативность — это не просто изменчивость, но такая изменчивость, или модификация, которая не ведет к появлению новой сущности». Таким образом, по его рассуждению, «вариативность ... предполагает и изменчивость, и постоянство, выступает как единство изменчивого и постоянного»⁹⁷.

Немаловажное значение при описании процесса вариативности имеет определение подхода в ее изучении. Так, в теории вариантности выделяются синхронический и диахронический подходы при рассмотрении вариантов и варьирования как языкового явления. Необходимо заметить, что проблеме существования вариантов и вариативности как общему свойству языка в различные периоды не раз уделяли внимание ученые таких лингвистических направлений, как функционализм, структурализм, постструктурализм, прагма- и социолингвистика. Первоначально вариативность языка сформулирована лингвистами Пражской школы.

Наиболее общим принципом классификации языковых вариантов в лингвистике следует признать их подразделение на системно обусловленные и прагматически обусловленные. Прагматически обусловленные как один из типов вариантов чрезвычайно многообразны, поскольку, в конечном счете, отражают разнообразие обу-

⁹⁶ Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Словарь социолингвистических терминов. — Алматы: Казак университеті, 2002. — С. 20—21.

⁹⁷ Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // ВЯ. — 1984. — № 2. — С. 32.

словливающих их экстралингвистических факторов. К таким вариантам принято относить социальные, возрастные, гендерные, территориальные, хронологические, стилистические, коммуникативно-ситуативные варианты.

Попытка классифицировать варианты по признакам и типам чаще всего носит стихийный и частный характер. Например, К. Маттайером предложена классификация, построенная на разграничении вариантов по следующим признакам: «по уровням языка, по языковым рангам, т.е. по типам ситуаций и контекстов», по коммуникативной функции, по происхождению»⁹⁸.

Распространение вариантов на другие уровни языка привело к возникновению огромного числа вопросов, на которые в своих трудах пытались ответить многие ученые: О.С. Ахманова, В.С. Гак, К.С. Горбачевич, Л.П. Жуковская, В.Н. Ярцева, Н.Н. Семенюк и другие, однако, по мнению современных исследователей, «понятие варианта до сих пор не уточнено ни для разных видов варьирования (формального, семантического, структурного, функционального, прагматически обусловленного и т.п.), ни для разных уровней и аспектов языка....»⁹⁹.

В языкознании противопоставляются два типа варьирования — *лексический и грамматический* (или морфологический), — разграничивающиеся по таким признакам, как обязательность / необязательность системной модификации единицы, регламентированность / нерегламентированность числа вариантов, предсказуемость / непредсказуемость числа и характера конкретных модификаций, жесткость / нежесткость границ варьирования и т.п. «Особо выделяется межуровневый тип варьирования, объединяющий единицы лексики, словообразования и синтаксиса (варьирование разноструктурных единиц, служащих для обозначения одного и того же денотата)»¹⁰⁰.

⁹⁸ Бабенко Н.С., Володарская Э.Ф., Кириленко Е.И. и др. К теории вариантности: современное состояние и некоторые перспективы изучения // Вопросы филологии. — 2000. — № 2(5). — С. 12.

⁹⁹ Там же. — С. 9.

¹⁰⁰ Проблемы языковой вариативности // Сборник обзоров. — М., 1990. — С. 13.

Варианты бывают полными и неполными. Первый тип вариантов различается формальными показателями, такими как произношение, ударение, а второй тип различается функционально, т.е. варианты слова могут существовать как общеупотребительные, специально-профессиональные и внелитературные¹⁰¹.

Современное состояние и дальнейшие перспективы изучения вариантов представлены в коллективной статье под названием «К теории вариантности: современное состояние и некоторые перспективы изучения», авторами которой являются Н.С. Бабенко, Э.Ф. Володарская, Е.И. Кириленко, Т.Б. Крючкова, О.Н. Селиверстова, Н.Н. Семенюк. Исследователи дают тщательный анализ истории появления, изучения вариантов как одного из ведущих понятий в языкознании на материале современного русского языка. Авторы работы отмечают стихийность изучения явления вариативности при том, что исследование языкового варьирования сыграло важную роль в различных направлениях лингвистики XX в., но «...вместе с тем в ней, как о том свидетельствуют некоторые итоги рассмотрения данной проблематики, представлено множество разнообразных, стихийно сложившихся направлений при отсутствии единства в подходах как к конкретному материалу, так и к его обобщению...»¹⁰².

Отметим имена казахстанских лингвистов, внесших значимый вклад в изучение вариативности языковых единиц и нормы в современном казахском языке, как С. Бизаков, А. Болганбаев, А.И. Искаков, С.К. Кенесбаев, Г.Г. Мусабаев, Ш. Сарыбаев, Р. Сыздык, И.К. Уюкбаев, К.Ш. Хусаин.

Аналитический обзор литературы показывает, что *вариант* и *вариативность* в лингвистике могут рассматриваться с различных позиций и с очень широким диапазоном исследования. Одни источники трактуют вариативность как явление речи, другие — как присущие языку социолингвистические факторы (различные варианты языков). Следующие же понимали вариативность как разночтение

¹⁰¹ Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003. — С. 33.

¹⁰² Бабенко Н.С., Володарская Э.Ф., Кириленко Е.И. и др. К теории вариантности: современное состояние и некоторые перспективы изучения // Вопросы филологии. — 2000. — № 2(5). — С. 9.

в тексте, т.е. в письменных источниках. Различные подходы имеют положительные и отрицательные стороны, а их выбор зависит от конкретного материала анализа, который выбирает исследователь.

Необходимо также обратить внимание на определение направления, изучающего варианты и явление вариативности, поскольку существует несколько терминов для обозначения данной сферы лингвистики, категорией изучения которой являются варианты и само явление вариативности. Например, встречаются такие термины, как ортология, теория вариантности (вариативности), вариалогия, вариантология.

В противоположность этому сравним русские термины *вариалогия* и *вариантология* с введенным немецкими лингвистами понятием *variationslinguistik*, которое «обозначает всю область изучения вариантных явлений в языке»¹⁰³. При этом основополагающими являются социолингвистические моменты в языке, где под влиянием разнообразных экстралингвистических факторов — территориальных, социальных, ситуативных, контактных, образуются варианты; вариативность соприкасается с уровнем языковой компетенции, а также с процессами пиджинизации и креолизации.

Как отмечает Ю.В. Дорофеев, «широкое обсуждение проблем, связанных с языковой вариативностью, привело к формированию в современном языкознании нового направления в лингвистике, получившего название вариантология. Развитие концепции этого направления, как следует из названия, связано с таким фундаментальным свойством языка, как вариантность. Еще до недавнего времени вариантность рассматривалась в узком смысле только как свойство отдельных единиц языка, под которым понималась «способность языка в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях под воздействием внутренних закономерностей развития языка или внешних причин»¹⁰⁴. Однако сегодня преобладает

¹⁰³ Бабенко Н.С., Володарская Э.Ф., Кириленко Е.И. и др. К теории вариантности: современное состояние и некоторые перспективы изучения // Вопросы филологии. — 2000. — № 2(5). — С. 14.

¹⁰⁴ Дорофеев Ю.В. Вариантные формы русского языка в современном мире // Язык и общество в современной России и других странах: мат-лы междунар. конф. (Москва, 21—24 июня 2010 г.) / отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко. — М., 2010. — С. 33—36.

подход, при котором вариантность рассматривается как свойство, обуславливающее адаптационные возможности языковой системы. Отсутствие или невозможность вариативности в языке привело бы к тому, что язык был бы замкнутой, неразвивающейся системой»¹⁰⁵.

В область изучения *вариалогии* «входит определение ценностных свойств вариантных образований и их описание как фактов, связанных с языковыми контактами, языковой нормой, культурой речи, а также с овладением языками»¹⁰⁶. В.Г. Гак также предлагал называть науку, изучающую вариативность языковых средств «вариалогией», а А.И. Домашнев — «вариантологией».

Тем не менее, есть все основания признать вариалогию как самостоятельную науку, несмотря на то, что в лексикографических источниках этот термин еще звучит необычно в отличие от привычной *теории вариантности*. Мы полагаем, что данное направление еще находится в стадии апробации, поэтому отдаем предпочтение термину *теория вариантности*, так как сама теория уже существует как направление, объектом изучения которой являются варианты.

Таким образом, аналитический обзор литературы показывает, что *вариант* и *вариативность* в лингвистике могут рассматриваться с различных позиций и с очень широким диапазоном исследования. Одни источники трактуют вариативность как явление речи, другие — как присущие языку социолингвистические факторы (различные варианты языков). И поэтому Л.П. Крысин справедливо пишет, что исследование вариантов интересно и важно «не только как иллюстрация тезиса о зависимости функционирования языка от социальных факторов, но и само по себе: оно обнаруживает, что вариативность, присущая большинству литературных языков, и в частности русскому, — не помеха на пути их развития, а нормальное явление, истоки которого коренятся в существенных свой-

¹⁰⁵ Дорофеев Ю.В. Вариантные формы русского языка в современном мире // Язык и общество в современной России и других странах: материалы междунар. конф. (Москва, 21—24 июня 2010 г.) / отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко. — М., 2010. — С. 80—81.

¹⁰⁶ Бабенко Н.С., Володарская Э.Ф., Кириленко Е.И. и др. К теории вариантности: современное состояние и некоторые перспективы изучения // Вопросы филологии. — 2000. — № 2(5). — С. 14.

ствах системы языка и в характере его использования как средства общения. Язык гетерогенен в разных своих «ипостасях»: и как система, и как норма, и как речь»¹⁰⁷. Следующие же понимали вариативность как различие в тексте, т.е. в письменных источниках. Различные подходы имеют положительные и отрицательные стороны, а их выбор зависит от конкретного материала анализа, который выбирает исследователь.

Итак, в современном широком понимании вариативность охватывает значительный спектр разных по характеру явлений, к которым относятся варьирования, обусловленные:

- интралингвистическими причинами, например, как эволюционное развитие языковых единиц в системе одного языка;
- экстралингвистическими причинами, как языковые контакты и двуязычие;
- отдельными формами существования языка: сосуществование литературного языка с различными вариантами языка;
- национально-территориальными разновидностями языка: литературный язык и диалекты.

Следует также обратить внимание на определение направления, изучающего варианты и явление вариативности, поскольку существует несколько терминов для обозначения данной сферы лингвистики, категорией изучения которой являются варианты и само явление вариативности. Например, встречаются такие термины, как ортология, теория вариантности (вариативности), вариалогия, вариантология.

При описании варьирования языковых единиц неизбежно их разграничение на формальную и семантическую вариативность, в связи с этим в области самого варьирования различают *варьирование формальное* и *варьирование семантическое*. Эти типы варьирования детально описаны в книге «Языки мира: Проблемы языковой вариативности». Так, результат анализа данной книги показывает, что формальное варьирование включает синонимические группы на любом уровне языковой системы — фонетическом, лексическом, грамматическом. «Единственным условием является включение данной группы в структуру только одного уровня языка... Таким образом, при формальном варьировании для говорящего остается

¹⁰⁷ Крысия Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М., 1968. — С. 4.

возможность выбора одного из двух (или нескольких) лексических синонимов. Из них он выбирает то слово, которое более подходит для данной ситуации общения, или (если языковая ситуация это допускает) использует лексему наиболее для него привычную, т.е. входящую в его индивидуальный стиль речи»¹⁰⁸.

По формальному признаку в современном русском языке различают четыре вида вариативности: акцентную, фонетическую, фонематическую и морфологическую. Эти типы вариативности освещены в начале данного подраздела. При столь широком понимании формальной вариативности вводятся и определенные ограничения, состоящие в том, что вариантными следует считать синонимические формы только в пределах одного уровня языка.

Под *семантическим варьированием* следует подразумевать «случаи, когда одна структурная единица языка (от слова до предложения) включает несколько значений, правильная интерпретация которых для изолированной единицы невозможна. Для выбора одного из семантических вариантов, заключенных в одной форме, необходим языковой или ситуативный контекст»¹⁰⁹. Здесь следует отметить, что в связи с пополнением словарного состава языка в лексике постоянно меняются формы и границы варьирования.

Заметим, что на материале современного русского языка в лингвистике формальное варьирование как явление внутриязыковое и наиболее отчетливо выраженное описано намного полнее по сравнению с семантическим варьированием, изучение которого не носило последовательного характера и проводилось избирательно по отношению к отдельным явлениям языковой системы.

Вариативность — предмет специального изучения терминологии. Так, крайне широкую вариативность в терминологии, приводящей к сложным проблемам при выборе того или иного термина, отмечают ряд российских (К.Я. Авербух, С.В. Гринев, С.Ю. Бабанова, В.М. Лейчик, С. Шелов, В.А. Татаринев и др.) и казахстанских ученых (Ш. Курманбайулы, Е.К. Абдрасилов и др.). В терминоведении также существует несколько классификаций терминологических

¹⁰⁸ Языки мира: Проблемы языковой вариативности. — М.: Наука, 1990. — С. 6.

¹⁰⁹ Там же. — С. 16.

вариантов, например, классификация В.М. Лейчика, дополненная Л.С. Фроловой, классификации С.В. Гринева и В.А. Татарина.

Во внимание следует принять суждения и выводы известного русского лингвиста Н.Г. Михайловской, труды которой посвящены норме и вариативности в древнерусских памятниках письменности. Так, она отмечает связь языковых ярусов, выражающуюся, в частности, в том, что единицы одного уровня языка являются носителями изменений, характерных для другого уровня. В работе «Лексическая вариантность в списках древнерусских памятников» она пишет, что вопрос о вариантах слов, с одной стороны, исследуется в плане фонетических и морфологических модификаций, а с другой — в плане соотношения их со словами-омонимами. Причем при первом подходе становится актуальным вопрос об уровнях системы языка, а при втором наблюдается выход в семантику и в употребление. Однако «такое разграничение в лингвистических трудах не является последовательным, что порождает различные толкования понятия «варианты слова»¹¹⁰.

Во избежание различных определений и неточной трактовки терминов «вариант» и «вариативность», в исследовании под словом «вариант» понимается *единица языка, существующая в виде множества вариантов*, а под «вариативностью» — *способность единицы языка к различным видоизменениям*. При данном понимании вариативность противопоставлена полисемии и синонимии, которые остаются за пределами термина «вариативность».

Анализ лингвистических источников показывает, что изучение явления вариативности осуществляется в различных аспектах. Например, с позиций общего языкознания рассматриваются понятия «вариант» и «инвариант», «типы и виды варьирования», «диапазон варьирования», «границы вариативности», «формальное и семантическое варьирование» и т.д.; с позиций культуры речи — «нормативность / ненормативность единиц» и т.д.; истории языка — «эволюция развития единиц языка» и т.д.; социолингвистики — «стратификационная и территориальная реализация вари-

¹¹⁰ Михайловская Н.Г. Лексическая вариантность в списках древнерусских памятников // Литературная норма и вариантность. — М.: Наука, 1981. — С. 7—8.

иштов» и т.д.; с позиций терминологии — «выбор вариантов терминов» и т.д.

Существование вариантов в языке, способность языковых единиц варьироваться — естественное свойство языка, а появление в нем вариантов — результат и показатель эволюции языка. Все виды варьирования существуют не автономно, а в тесном взаимодействии, обеспечивая непрерывность происходящих в языке процессов, как на уровне отдельных языковых единиц, так и на уровне целостных языковых систем.

А.Г. Шереметьева отмечает: «Вариантность впервые квалифицируется как одна из абсолютных лингвистических универсалий, всеобщее свойство языков функционировать в синхронии и развиваться в диахронии; характер диахронического варьирования определяется как импульсный, синхронного — как инерционный»¹¹¹.

Что касается изучения варьирования лексических единиц в русском языке древне- и среднерусского периодов, то до настоящего времени данный аспект в лингвистике остается до конца не исследованным, а проблемы адаптации заимствованных слов и причины их варьирования в памятниках письменности — не решенными. Известный казахстанский историк русского языка Н.И. Гайнуллина в фундаментальной монографии, посвященной вопросам адаптации заимствованной лексики в Петровскую эпоху, отмечает: «Действительно, специальных работ по проблеме варьирования заимствованных слов конца XVII — начала XVIII вв. в науке до последнего времени не было. Известные диссертационные работы и статьи середины 50-х — начала 70-х гг. XX в. <...>, в большей или меньшей степени касающиеся иноязычной по происхождению лексики исследуемого нами периода, как правило, констатируют наличие тех или иных вариантов, не углубляясь в объяснение причин такого варьирования»¹¹².

Научное освещение формальной адаптации заимствованных слов с привлечением конкретных, письменно зафиксированных их

¹¹¹ Шереметьева А.Г. Лексико-грамматическая вариантность в русском языке (синхронно-диахронический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ташкент, 2001.

¹¹² Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: Процесс адаптации. — Алматы: Казак университеті, 2008. — С. 57.

вариантов, впервые в масштабном плане представлено в «Очерках по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования» (Е.А. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.А. Кутина).

Вариативность — явление, присущее любому уровню языка, однако в каждом из них, возможно, наблюдается своя специфика. В работе уделяется внимание анализу варьирования языковых средств на лексическом уровне, что особенно интересно на материале тюркизмов, так как лексическое варьирование в памятниках русской письменности выражено очень широко, а лексические варианты тюркизмов, обнаруженные в них являются, к сожалению, наименее изученной областью в теории вариантности и в *Turco-Slavica*.

2.2. Вариативность и норма в истории русского языка

Вариативность неразрывно связана с нормой языка, поскольку именно наличие в языке вариантов свидетельствует о неустойчивости нормы. Проблема выбора одного из лексических вариантов обусловила проблему нормы. В этом отношении совершенно справедливо утверждение Ф.П. Филина, который отмечал: «...там, где выбора нет, нет и проблемы нормы»¹¹³.

«Процесс развития любого литературного языка приводит к появлению вариантов на всех его уровнях, при этом качество и количество их не остается постоянным, так как вариативность такое свойство языка, которому присуща динамичность, т.е. языковая эволюция. При этом колебание продолжается более или менее длительный период, после чего варианты либо расходятся в значениях, приобретая статус самостоятельных слов, либо продуктивный вариант полностью вытесняет своего конкурента»¹¹⁴.

Во всех случаях, когда язык располагает множеством вариантов, выбор пишущим или говорящим одного из вариантов дикту-

¹¹³ Филин Ф.П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Филин Ф.П. Очерки теории языкознания. — М., 1982. — С. 181.

¹¹⁴ Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. — М.: Просвещение, 1989. — С. 26.

ется существующей во времени нормой, которая определяет, какой из вариантов может быть предпочтительнее для сообщества данного отрезка времени и носителей соответствующего языка. В то же время избыток вариантов в языке свидетельствует о неустойчивости нормы, что подтверждается словами К.С. Горбачевича: «вариантность — это не только проявление неустойчивости норм (скорее, наоборот, неустойчивость нормы — следствие варьирования), а и естественное состояние языка как конкретно-исторического явления»¹¹⁵.

Норма, хотя и призвана поддерживать устойчивость, находится в постоянном движении, она постоянно совершенствуется, взаимодействует с вариантами, продолжающими функционировать в различных видах и сферах.

Активное взаимодействие славянских и тюркских языков вызвало необходимость более углубленного рассмотрения нормы в древне- и среднерусский периоды развития русского языка. При этом диахронный подход позволяет выявить особенности функционирования тех или иных лексических единиц, жизненность их вариантов в одних случаях и временность — в других, а также определить роль вариантов в усовершенствовании и упорядочении литературных норм.

В трудах ученых-славистов можно заметить, что понятие нормы литературного языка древнего периода является наиболее дискуссионным аспектом в лингвистике. Вспомним слова немецкого ученого Г. Пауля, который справедливо писал следующее: «Картина какого-нибудь определенного состояния языка может быть затемнена, если исследователь исходит из какого-либо родственного языка или же из более ранних или поздних стадий развития того же самого языка. <...> Много прегрешений совершило в этом направлении именно историческое языкознание, так как категории, выведенные при изучении более раннего состояния языка, оно механически переносило на более позднее его состояние. Так, например, значение какого-либо слова определяется его этимологией, в

¹¹⁵ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1975. — С. 6.

то время как всякое осознание этой этимологии давно исчезло и слово осуществило дальнейшее самостоятельное развитие своего значения»¹¹⁶.

Обращение к проблеме вариативности в древнейший период русского языка и выяснение причин появления вариантов требуют знания всех этапов истории русского литературного языка. Как отмечает М.Л. Ремнева, история литературного языка — это «история изменения и становления норм в зависимости от представлений авторов о престижности текстов, о допустимости или недопустимости использования иносистемных явлений, о соотношении в сознании автора (и эпохи) представлений о каноне и отступлениях от канона»¹¹⁷.

Кодифицированность русского языка XI—XVII вв. определяется существованием произведений оригинального и переводного происхождения. Исследователи отмечают, что среди памятников оригинальной литературы в настоящее время наиболее полно изучены произведения русской письменности XI—XIV вв., остаются менее изученными памятники письменности XV—XVII вв., созданные в центральных русских княжествах и Русском государстве. Во всех жанрах письменности этого периода (особенно в деловых письмах и бумагах) обнаружено смешение различных типов слов: литературных, диалектных, просторечных и т.д. В связи с этим отметим наблюдения исследователя особенностей языка деловой письменности Т.В. Кортavy, которая о кодификации языка того периода пишет, что «язык деловой письменности (для XVI—XVII вв. — “приказный”) не знал кодификации, поэтому изучение его грамматических норм в большей степени связано с научной гипотезой, предположением, которое не сверяется с кодификационным источником, а выверяется на материале образцовых текстов — формуляров,

¹¹⁶ Пауль Г. Принципы истории языка // Звегинцев В.А. История языкознания 19—20 веков в очерках и извлечениях. — М.: Просвещение, 1964. — С. 213.

¹¹⁷ Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI—XVII вв.: учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка». — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — С. 4.

укрепившихся в результате административной и юридической практики»¹¹⁸.

По мнению В.Г. Демьянова, отношение вариантов к узальной норме своего времени определяется «на основе исчисления этих вариантов и установления количественных соотношений между ними. При этом, чем больше объем привлекаемых текстов, тем приближеннее к истине результаты. Кроме того, важны отражения правки в тексте, указывающие на колебания в норме и оцениваемые с точки зрения движения к ней в направлении «от исправляемого к исправленному», которое (направление) определяется по палеографическим показаниям самих рукописей (самоисправление или исправление другой рукой, другими чернилами). Важно также соотношение чернового и белого варианта текста»¹¹⁹.

Следует заметить, что вариативность, появившаяся в языке оригинальной русской письменности, взяла начало с возникновения памятников переводной письменности — с XI в., когда усилилось влияние византийской культуры на русский язык и вследствие этого в языке начали появляться новые слова и обозначения, в результате слова стали чаще замещаться иноязычными. По этому поводу уместно привести цитату из сочинения Н. Карамзина, который пишет: «...авторы или переводчики наших духовных книг образовали язык их совершенно по Греческому, наставили везде предлогов, растянули, соединили многия слова, и сею химическою операциею изменили первобытную чистоту древнего Славянского. Слово о полку Игореве, драгоценный остаток его, доказывает, что он был весьма отличен от языка наших церковных книг»¹²⁰.

Первостепенного внимания заслуживает определение Е.М. Верещагина, который под термином «вариант» понимает «лексему или речение, в процессе бытования текста замесившие (предпола-

¹¹⁸ Кортава Т.В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. — М.: МГУ, 1998. — С. 81.

¹¹⁹ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. — М.: Наука, 2001. — С. 154.

¹²⁰ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 434.

гаемое) первоначальное чтение»¹²¹. Лексическое варьирование, по его мнению, в древнерусский период «возникло... одновременно с созданием первоначального перевода»¹²². При описании переводческой техники Кирилла и Мефодия он высказывает мнение о том, что лексическое варьирование — «это свойство переводческой техники первоучителей славян».

По обоснованным выводам М.И. Чернышевой, Кирилл и Мефодий в своей переводческой деятельности исходили из идеи «неподобного подобия», когда все слова — и языка оригинала, и языка перевода — в равной мере приблизительно выражали одну сущность¹²³.

Точно и тонко замечает Н.Г. Михайловская, что в каждом периоде исторического развития языка лексическая вариативность может приобретать такие формы проявления, которые специфичны именно для данной эпохи¹²⁴.

В 1964 г. специалистом в области изучения письменных памятников Л.П. Жуковской при исследовании лексической вариативности в древних славянских рукописях была предложена классификация лексических вариантов, где она разделила их на три группы, каждая из которых делится на типы. Во-первых, по мнению исследовательницы, вариантами можно считать явления, когда определенное понятие в разных языках и диалектах выражается словами, отличающимися по своей материальной оболочке. Во-вторых, появление лексических вариантов ею объясняется как следствие семантических различий между лексикой древних славянских диалектов. И, наконец, к третьей группе относятся такие слова, которые не имеют аналогов в языке, на который производится перевод. Л.П. Жуковская отмечает, что «в каждой среде одни лексические варианты употреблялись в живой речи

¹²¹ Верецагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. — М.: Индрик, 2001. — С. 596.

¹²² Верецагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. — М., 1971. — С. 61.

¹²³ Камчатнов А.М. Воплощенный логос. Ч. 2. Нозматически-эйдетическая интерпретация слова // <http://www.textology.ru>

¹²⁴ Языки мира: Проблемы языковой вариативности. — М.: Наука, 1990. — С. 9.

или были известны в том же значении, что и в соответствующей группе рукописей, другие лексические варианты отличались по значению и употреблению, третьи — вообще отсутствовали. Эти расхождения вели к тому, что каждое слово начинало жить своей особой жизнью»¹²⁵.

Н.Г. Михайловской заменяемость слов в списках древнерусских текстов объясняется как «стремление к «простоте» и «понятности». В то же время данная тенденция в языковом отношении многопланова: она может идти в направлении замены слова абстрактного значения на вариант с более конкретной семантикой и наоборот; может опираться на замену слов, имеющих узкую локальную прикрепленность, на слова общеупотребительные с большим или меньшим несовпадением в семантике; может отражать известные изменения реалии и ее назначения»¹²⁶.

А.М. Камчатнов, изучая язык Изборника Святослава 1073 г. и 16 его списков, указывает на широкую вариативность языковых средств, что, по его мнению, обусловлено неодинаковыми представлениями писцов о литературно-письменном узусе и проникновением в их язык новообразований и диалектных черт. Для анализа А.М. Камчатновым были отобраны лишь такие варианты, которые представляли большой интерес для исторической лексикографии, т.е. для словаря древнерусского языка. В результате выборки все вариации автор разделяет на две группы, куда входят новые слова (сюда же относятся случаи ранее не известной омонимии) и новые значения у ранее известных слов, лексикографическими точками отсчета относительно которых определяется «известность — неизвестность слов и значений»¹²⁷.

Исследуя явление вариативности в языке московской деловой письменности XVII в., Н.И. Тарабасова связывает термин «вари-

¹²⁵ Жуковская Л.П. Лексические варианты в древних славянских рукописях // Исслед. по истор. лексикол. древнерус. языка. — М.: Наука, 1964. — С. 16.

¹²⁶ Михайловская Н.Г. Лексическая вариантность в списках древнерусских памятников // Литературная норма и вариантность. — М.: Наука, 1981. — С. 12.

¹²⁷ Камчатнов А.М. Лексическая вариативность и лексические значения // ВЯ. — 1983. — № 4. — С. 121.

ант» с синхронной и абсолютной взаимозаменяемостью разно выраженных языковых единиц, когда для пишущего был реальным момент «выбора» одного из равнозначных языковых фактов. Ею анализируются фонетические и морфологические варианты, при этом исследователь утверждает: «Принимаем во внимание, что эту взаимозаменяемость могут ограничивать особенности стилистического порядка, вследствие чего вариант приобретает дополнительную смысловую нагрузку и, переставая быть вариантом, переходит в разряд синонимов»¹²⁸.

Согласно Л.П. Жуковской, лексические варианты для древних славянских рукописей — это «два и более слов, тождественных или близких по значению и потому взаимно заменявшихся в разных славянских списках одного и того же памятника в параллельных местах текста»¹²⁹, т.е. это множественность способов передачи одного слова в памятниках. Однако здесь имеется в виду лексическая вариативность, которая четко прослеживается в разночтениях списков того или иного памятника.

В работе, посвященной исследованию фонетических вариантов в памятниках письменности, И.И. Макеева пишет, что «одним из основных условий признания встречающихся лексических единиц вариантами одного слова при различии внешней формы является тождественность их семантики»¹³⁰.

Лексическому варьированию посвящены многочисленные труды В.Я. Дерягина, по мнению которого, «варьирование лексических средств прежде всего вызывалось различием текстов по содержанию, могло оно также вызываться и различной степенью детализации содержания»¹³¹.

¹²⁸ Тарабасова Н.И. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. — М.: Наука, 1986. — С. 22.

¹²⁹ Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. — М.: Наука, 1976. — С. 89.

¹³⁰ Макеева И.И. К вопросу о слове и варианте в древнерусском языке // Межвуз. темат. сб. науч. тр.: Русская историческая лексикография и лексикология. — Красноярск, 1989. — С. 54.

¹³¹ Дерягин В.Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важские денежные отписи XVI—XVII вв. // Источники по истории русского языка. — М.: Наука, 1976. — С. 3.

Присутствие в памятниках языковых черт — явление закономерное, ведь любое произведение письменности, рассчитанное на большой круг читателей, в первую очередь получает распространение на той территории, где оно было создано, и соответственно, лексика этого произведения должна быть доступной и понятной. Поэтому, изучая язык памятников, «необходимо, — как писал В.Я. Дерягин, — учитывать в исследовании временные, географические, ситуативные и иные моменты: принадлежность документа определенному центру письменности, а также определенному лицу — заказчику или писцу, отражение в тексте диалектных явлений, общерусских и местных традиций делового письма, влияние иных конкретных условий, в которых создавался документ»¹³². В дальнейшем лексемы находят свое применение — многие из таких слов в современном русском языке входят в сферу специальной или профессиональной терминологии.

Таким образом, лексические варианты возникают с появлением первых переводных памятников письменности. По данной причине М.И. Чернышева пишет, что не случайно исследователи переводных славяно-русских памятников так или иначе сравнивают между собой заимствования и кальки, поскольку между ними существует некое родство и взаимосвязь во внутренней природе. При этом, как она отмечает, «важно понять картину взаимоотношений заимствований и калек, с одной стороны, между собой и их контакты с эквивалентами, с другой. Тогда только можно обратиться к вопросу об их поведении в переводном тексте и, в частности, к проблеме лексического варьирования. Речь идет о следующей разновидности лексического варьирования: о функционировании в переводе на равных правах заимствований (по другой терминологии, грецизмов) и славянских слов, сходных с ними по семантике»¹³³.

А.М. Молдован указывает на то, что при изучении вариантов в памятниках главная проблема заключается в умении работать с вариантами, где необходимыми условиями являются выяснение отношения выявляемых в списках вариантов к исходному тексту (ар-

¹³² Там же. — С. 7.

¹³³ Чернышева М.И. Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка // ВЯ. — № 2. — 1984. — С. 123.

хетипу) или этапам его редактирования и определение их хронологических и территориальных параметров. Он отмечает, что данные задачи взаимосвязаны и решаются в рамках источниковедческого анализа текста, целью которого является выяснение его происхождения и истории, а также текстологического исследования его списков, предполагающего анализ лексических разночтений. «Собственно лингвистический анализ лексических вариантов включает определение лингвистической мотивации лексических замен и реконструкцию механизмов, их вызывавших»¹³⁴.

Как отмечает Т.В. Кортава: «Норма представляет собой объективное свойство языкового развития. Для того, чтобы выполнять основную свою функцию — коммуникативную, язык должен обладать определенным набором грамматических норм. Когда исследователь говорит о норме применительно к определенному периоду, всем ясно, что это условность, заданная необходимостью сделать конечные выводы. <...> Кодификация, таким образом, есть в некотором смысле условность, противопоставленная норме как объективной языковой реальности»¹³⁵.

Относительно нормы русского литературного языка в древний период существуют разные мнения, их исследование — колоссальная задача, требующая пересмотра и переосмысления всех точек зрения на данную проблему. Историк языка А.А. Алексеев пишет, что, когда речь идет об историческом прошлом, полное описание нормы литературного языка на всех лингвистических уровнях может представляться на первый взгляд как задача исключительно большого объема. Причем за противоречащими друг другу показаниями трудно увидеть норму такой, какой она была в действительности, «а между тем понимание механизма стабилизации нормы — если оно достигнуто — позволит выработать методику первичной относительной оценки лингвистических фактов»¹³⁶.

¹³⁴ Молдован А.М. Лексические замены как отражение эволюции в церковнославянском языке // Мат-лы междунар. науч. конф. Русистика на пороге 21 века: проблемы и перспективы. — М.: ИРЯ РАН, 2003. — С. 20.

¹³⁵ Кортава Т.В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. — С. 33.

¹³⁶ Алексеев А.А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI—XVI вв. // ВЯ. — 1987. — № 2. — С. 34.

С XI в. до настоящего времени русский язык пережил очень много периодов развития и в каждом из периодов существующая норма опиралась, в первую очередь, на язык известных текстов и их авторов, а затем, — на общепринятые «устоявшиеся» каноны в самом языке. В древний период такими образцами общенормативного значения могли служить Евангелие, Псалтырь, литургические тексты, где в каждом случае в качестве образца использовался и мог использоваться наиболее близкий по жанру текст, «освященный авторитетом автора, содержания, древности происхождения и т.д.», поэтому гомилист брал за образец гомилию, агиограф — житие и т.п. При такой широкой распространенности компиляций не только создавались подражания хорошим образцам, но и сами образцы входили составными частями в новые тексты¹³⁷.

Б.А. Успенский, говоря о видах языковых норм, выделяет норму первичную и вторичную. Первичная норма, по мнению исследователя, естественная, «усваиваемая в процессе овладения естественной (разговорной) речью», а вторичная — «дополнительная по отношению к первичной норме, искусственная», куда относится и «книжная норма, т.е. норма литературного языка»¹³⁸.

Определению нормы в древний период и истории развития русского литературного языка посвящены многочисленные исследования М.Л. Ремневой. Так, в монографии «Пути развития русского литературного языка XI—XVII вв.» она пишет: «Своеобразие языковой ситуации в Древней Руси и в России XV—XVII вв. состояло в том, что памятники книжно-славянской письменности, тексты юридического содержания и деловые восточнославянские документы могли создаваться как на церковнославянском языке, так и на языке восточно-славянской народности. Таким образом, на Руси и позже — в России — сосуществовали два письменных языка. Найти место каждого из них в системе книжно-письменной культуры — вот задача историка литературного языка. Нужно определить, как на протяжении истории — с XI до XVII в. — взаимодействуют эти языки; если взаимодействуют, в каких отношениях друг

¹³⁷ Алексеев А.А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI—XVI вв. // ВЯ. — 1987. — № 2. — С. 35.

¹³⁸ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2002. — С. 11.

с другом находятся, как влияют — и влияют ли друг на друга и каким образом проявляется это взаимовлияние или влияние одного языка на другой в разные периоды существования на Руси письменных языков»¹³⁹.

Рассматривая языковую ситуацию конца XVII — первой четверти XVIII в., Н.И. Гайнуллина утверждает: «...в последние три десятилетия наблюдается сдвиг в решении данной проблемы, что выражается в четко установленных критериях различного понимания нормы применительно к донациональному и национальному периодам истории русского литературного языка»¹⁴⁰. Она приводит следующий аргумент: «одним из существенных отличий в этой области является введение понятия «скрытой кодификации» в языке донационального периода. Суть ее ученые видят в том, что в этот период функции нормы выполняют образцовые, авторитетные произведения, в которых и была реализована современная им литературная норма»¹⁴¹. В дополнение к этим справедливым соображениям добавим лишь, что А.И. Горшков дополнил схему В. Барнета понятием «образец»: «система — узус — норма — кодификация — образец»¹⁴².

Б.А. Успенский отмечает, что в течение нескольких веков в России сосуществовали два языка — церковнославянский и русский: «Эти ситуации могут быть определены либо как ситуации двуязычия, либо как ситуации диглоссии. Под двуязычием понимаются те языковые ситуации, когда два языка обладают рядом общих функций, т.е. когда они функционируют более или менее параллельно. <...> В случае диглоссии функции двух сосуществующих языков находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в одноязычном языковом

¹³⁹ Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI—XVII вв.: учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка». — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — С. 3.

¹⁴⁰ Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 1996. — С. 33.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка: учеб. пособие. — М., 1984. — С. 44.

коллективе»¹⁴³. В дальнейшем же демократизация русской речи, увеличение числа переводных книг во второй половине XVII в. значительно расширили словарный запас языка. Усилился приток иноязычных слов и теперь уже не из греческого языка, а преимущественно из западных — латинского, французского, немецкого, польского языков. Таким образом, церковнославянский язык теряет свою былую чистоту, а его каноны постепенно расшатываются.

В своем исследовании Б.А. Успенский использует наиболее общее сочетание «древнерусский литературный язык», под которым, вслед за Н.А. Мещерским, понимается «письменно-литературный язык, который отражается в памятниках, написанных в Древней Руси, независимо от их целевого назначения и стиля»¹⁴⁴.

Согласно М.Л. Ремневой, «литературный язык донационального периода — это обработанный с точки зрения нормы язык, стилистически дифференцированный, кодифицированный, обслуживающий потребности культа и культуры, противопоставленный повседневной речи и языку деловой восточнославянской письменности»¹⁴⁵.

Е.Н. Полякова утверждает, что многочисленные исследования деловых текстов XVII в. свидетельствуют о существовании грамматических норм в деловых текстах, а обработка черновых текстов при составлении беловых документов, правка подъячих говорили о том, что к нормам стремились¹⁴⁶. В свою очередь М.Л. Ремнева, описывая место и роль деловой письменности на Руси, пишет, что «деловой язык письменности нормирован и его норма (в противо-

¹⁴³ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2002. — С. 24.

¹⁴⁴ Мещерский Н.А. О лингвистическом разграничении памятников древнеславянского языка русского извода и древнерусского литературного языка XI—XIV вв. К постановке проблемы // Мещерский Н.А. Избранные статьи. — СПб., 1995. — С. 34.

¹⁴⁵ Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI—XVII вв.: учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка». — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — С. 5.

¹⁴⁶ История русского языка и лингвистическое источниковедение. — М.: Наука, 1987. — С. 131.

положность нормам книжно-славянского языка) ориентирована на нормы живой восточнославянской речи»¹⁴⁷.

Язык деловой письменности определенным образом организован, имеет свои традиции, устойчивые формулы, поэтому он не совпадает с языком восточнославянской (великорусской) народности. Из сказанного можно сделать определенный вывод, что уже к XVI в. существовали кодифицированные тексты, в том числе грамоты, акты и т.д. Выделяя императивность литературной нормы М.Л. Ремнева отмечает, что «императивность нормы предполагает ее стабильность. Однако устойчивость, стабильность нормативных реализаций допускает набор вариантных средств, предполагающих известный выбор. Категория вариантности является, таким образом, существенной для характеристики литературной нормы (разрядка наша. — М.Б.), а диапазон вариантности в значительной мере характеризует специфику норм разных литературных языков и служит основанием для выделения отдельных исторических периодов в их развитии»¹⁴⁸.

Вслед за М.Л. Ремневой, под нормой мы понимаем «совокупность соответствующим образом реализованных языковых средств, принятых в данном языковом обществе как обязательные, и те закономерности, которыми определяется употребление языковых средств»¹⁴⁹.

Ранним этапом формирования национального русского литературного языка, как известно, является XVII в., в котором живая разговорная речь его носителей не была нормированной, так как, по мнению В.В. Виноградова, «нормы — еще очень зыбкие в период существования народности — замыкаются в то время в узких пределах письменно-литературного языка и не оказывают заметного влияния на общенародный язык и его диалектные ответвления»¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI—XVII вв.: учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка». — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — С. 5.

¹⁴⁸ Там же. — С. 29.

¹⁴⁹ Там же. — С. 33.

¹⁵⁰ Виноградов В.В. Вопросы образования русского национального литературного языка // ВЯ. — 1956. — № 1. — С. 5.

В данный период, как отмечает В.М. Живов, лексический уровень, как и целый ряд морфологических элементов, допускал широкую вариативность, не связанную с противопоставлением книжного и некнижного языков. Так, употребление тех или иных вариантов не было дифференцированным, в частности, они не носили фиксированного стилистического задания¹⁵¹.

Ученые отмечают, что процесс нормализации почти не затронул разговорную речь и в XVIII в., а в развитии книжной традиции, как указывает В.М. Живов, «на Руси происходит переосмысление генетически разнородных элементов. В составе восточнославянского извода церковнославянского языка эти элементы образуют своеобразный сплав, составляющие которого не противопоставляются как «свое» и «чужое», а создают множественность языкового употребления, из которых затем формируются различные письменные традиции. В одних случаях восточнославянские элементы вытесняют инославянские из нормы книжного языка, в других — они оказываются соотнесены с ними и формируют оппозицию книжного и некнижного, в третьих — восточнославянские и инославянские элементы становятся допустимыми вариантами»¹⁵².

Как указано в работе В.М. Живова, широкая вариативность представлена в письменных источниках XVIII в.: «Действительно, в текстах петровского времени наблюдается беспорядочное смешение генетически церковнославянских, русских и новозаимствованных элементов, свободно сочетающихся друг с другом. Для этих текстов характерна «вариативность слов и форм при отсутствии четких принципов стилистического распределения вариантов» (Левин, 1972, 216). <...> В этих условиях практически отсутствуют формальные критерии, которые позволяли бы противопоставить литературные тексты нелитературным»¹⁵³.

В диссертационном исследовании казахстанского русиста Е.В. Тюкачевой один из подразделов посвящен фонетическим вариантам общепотребительных слов русского языка. Здесь указыва-

¹⁵¹ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 185.

¹⁵² Там же. — С. 29.

¹⁵³ Там же. — С. 156.

ется на то, что «письма Петра I демонстрируют полное отсутствие орфографических норм, которые в то время еще не были выработаны. Поэтому в эпистолярной русской императорской и его корреспондентов наблюдается орфографическое варьирование...»¹⁵⁴. Формирование новых принципов нормализации литературного языка, отличных от тех, которые складывались в практике типографской справы, по мнению В.М. Живова, приходится на 1730-е годы¹⁵⁵.

В XVIII в. вариативность приобретает колоссальный размах, о чем свидетельствуют в своих трудах многие ученые, например, В.В. Веселитский, В.М. Хитрова, Н.И. Гайнуллиной, а также В.М. Живов, который писал, что «простому» языку Петровской эпохи присуща вариативность и эта вариативность требует нормализации»¹⁵⁶.

В связи с затронутой проблемой большой научный интерес представляет кандидатская и докторская диссертации Н.И. Гайнуллиной, посвященные заимствованной лексике в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» и проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху. Исследователем описываются факты варьирования фоновоморфологического характера новых для русского языка заимствований и особенности их ввода в русскую языковую среду. Так, в работе она указывает на то, что «варьирование, как правило, наблюдается в сфере заимствований именно Петровской эпохи»¹⁵⁷, с чем трудно согласиться, поскольку вариативность хронологически возникла гораздо раньше, что обнаружено многими учеными-славистами, а также нами на примере тюркских заимствований. Под «вариантом» Н.И. Гайнуллина понимает «семантически взаимомотивированную фо-

¹⁵⁴ Тюкачева Е.В. Русское просторечие первой четверти XVIII века (функционально-стилистический аспект): дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 2001.

¹⁵⁵ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 162.

¹⁵⁶ Там же. — С. 158.

¹⁵⁷ Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху): дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1973. — С. 12.

истическую и морфологическую модификацию одного и того же слова»¹⁵⁸.

Важно отметить работы В.В. Веселитского, объектом исследования которого являются особенности развития отвлеченной лексики XVIII века. В.В. Веселитский выделяет ярко выраженную вариативность номинативных единиц в XVIII в. Он пишет, что проблема вариантных (шире — аналогических и синонимических) отношений слов ближайшим образом связана с вопросом о системности лексики. Под *вариативностью* ученый понимает «вообще множественность способов передачи одного и того же или близкого содержания»¹⁵⁹.

А.М. Камчатнов убедительно доказывает, что выделяются, как правило, две причины вариативности, иногда противоречивые. Например, такие исследователи, как А.В. Горский, К.И. Невоструев, И.В. Ягич, А.И. Соболевский, Г.А. Воскресенский, В.А. Погорелов, В. Вондрак, А.С. Львов, Л.П. Жуковская считали вариативность следствием бытования и переписки первоначального текста в различной диалектной среде, а также редактирования текста по разным греческим спискам. Следующие же, как Е.М. Верещагин, Ф. Томсон, М.И. Чернышева, — считали вариативность изначально присущей самому кирилло-мефодиевскому тексту. А.М. Камчатнов отмечает, что более компромиссной и убедительной позиции придерживался Н.А. Мещерский, который все вышеотмеченные объяснения причин вариативности считал неуместным, поскольку все три способа объяснения относятся, по его мнению, к разным случаям лексических замен, «а в совокупности направлены на то, чтобы охватить весь материал лексической вариантности»¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху): дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1973. — С. 48.

¹⁵⁹ Веселитский В.В. Из истории отвлеченной лексики XVIII в. (лексическая вариантность и некоторые пути ее сокращения в связи с нормализацией русского национального литературного языка) // Русская историческая лексикология. — М.: Наука, 1968. — С. 44.

¹⁶⁰ Камчатнов А.М. Воплощенный логос. Ч. 2. Нозматически-эйдетическая интерпретация слова // <http://www.textology.ru>

Понятие вариативности, касающееся памятников письменности, — относительное, и на вопрос, какие слова являются вариантами, можно отвечать по-разному, поскольку сложность изучения лексических вариантов в древних рукописях состоит не только в том, что в применении к древним периодам, отделенным веками от современного языкового сознания, трудно правильно квалифицировать значение в прошлом каждого лексического варианта, но прежде всего в том, что лексические варианты не есть явление одной языковой системы. Например, Е.М. Верецагин считает, что те или иные слова являются вариантами относительно исходного греческого слова, однако труды лингвистов убеждают, что и в самом греческом тексте существовало множество вариантов.

Вполне закономерно возникновение лексических вариантов с XI в. в различных списках памятников письменности, с эпохи, когда начали появляться первоначальные переводы, т.к. лексическая вариативность первоначально появилась в самом греческом языке, где одно слово имело несколько значений и слова порой были «омонимичными антонимами» (Л.П. Жуковская), поэтому при переводе возникали расхождения в семантике в некоторых местах того или иного произведения. Все же при всей широкой вариативности языковых элементов, как пишет В.В. Виноградов, «славянский язык до XVIII в. считался органом образованности, духовной культуры всего восточного и южного славянства, подобно латинскому языку в странах Западной Европы»¹⁶¹.

Теоретически следует признать, что для древне- и среднерусского периодов русского языка литературными являются те нормы, которые проявляются в письменных памятниках, то есть в «образцовых текстах». Доказательством тому служит утверждение Ф.П. Филина о «скрытой кодификации» древнерусских текстов¹⁶². Однако наличие вариантов и изучение конкуренции вариантов в языке этих периодов позволяют говорить о *становлении* нормы русского литературного языка в диахронии.

¹⁶¹ Виноградов В.В. Великий русский язык. М.: ОГИЗ: Гос. изд. худ. лит., 1945. — С. 50.

¹⁶² Филин Ф.П. Что такое литературный язык // ВЯ. — 1979. — № 3. — С. 19.

Как известно, литературная норма базируется на узусе, но, кроме этого, она кодифицируется лексикографическими источниками, справочниками, сводами правил и учебниками. В отношении языка памятников русской письменности норма должна быть обозначена условно, поскольку в плане синхронии вариативность может быть нормой существования языка, где для говорящих и пишущих создается возможность выбора языковых единиц, соответствующих обстоятельствам коммуникации и обеспечивающих гибкость языкового выражения информации, а в плане диахронии вариативность — показатель становления литературной нормы, в результате формирования которой можно наблюдать отмирающие и зарождающиеся элементы: в диахронии в каждый момент существования языка в нем существуют «элементы нарождающиеся и элементы отмирающие, параллелизм которых зачастую приводит к вариативности грамматических и лексических явлений, то в известной мере вариативность служит для связи синхронии и диахронии, способствуя преемственности в развитии системы языка»¹⁶³.

Под *вариативностью* тюркизмов в следующих главах нами подразумевается вариативность тюркских слов в памятниках русской письменности XI—XVIII вв.

Традиционное распространение письменных памятников в нескольких списках становится причиной возникновения лексических вариантов. Можно предположить, что слово в различных памятниках письменности существует в нескольких вариантах, из которых в связи с большей употребительностью (частотностью) в языке «выживает» какой-либо один из этих вариантов: он становится «нормированным», вследствие чего попадает в лексикографические источники. Таким образом, если в современном русском языке мы исходим от понятия нормы к вариантам, то в истории русского литературного языка — от варианта к норме.

В нашем исследовании в качестве критерия нормы выступает критерий наибольшей употребительности слова (т.е. наибольшая частотность фиксации слова в памятниках), устойчивость (или «живучесть») слова.

¹⁶³ Языки мира: Проблемы языковой вариативности. — М.: Наука, 1990. — С. 17.

Несмотря на то, что в лингвистике наблюдаются различные подходы к определению вариантов и их возникновения в древних источниках, выделяются следующие значимые причины:

- наличие нескольких списков одного и того же памятника;
- влияние на литературный язык местных — диалектных, просторечных и других типов слов;
- языковые контакты, возникшие в период с XI по XVII вв., послужившие стимулом к смешению исконно-русских и заимствованных слов в языке.

И в этом отношении для нас важны тюркско-славянские языковые контакты и появление тюркизмов в русском языке в различных вариантах.

Анализ научной литературы и наблюдения над лексической вариативностью слов показывают, что любая вариативность в языке является в широком смысле слова показателем определенной тенденции на пути к становлению нормы. Итак, вариативность в синхронном срезе — это норма литературного языка, в диахроническом — ее становление. Этим и объясняется выбор нами сочетания «условная норма»¹⁶⁴.

2.3. Формальная адаптация тюркизмов

Важным этапом в истории слова является его адаптация к новой лексической и грамматической системе языка. Поэтому, в первую очередь, следует обратить внимание на формальную адаптацию языковой единицы. Так, формальная адаптация слова — это процесс приспособления иноязычного слова к фонетике, грамматике, графике, орфографии заимствующего языка. Множественные варианты (графические, фонетические) слова в заимствующем языке связаны именно с процессом формальной адаптации. На появление формальных вариантов оказывают влияние принцип аналогии, удобство произношения, различные

¹⁶⁴ Данный термин по отношению к определенному периоду русского языка — XI—XVII вв. — был предложен доктором филологических наук профессором Ю.Н. Карауловым, за что выражаю ему огромную признательность.

фонетические субституции, колебания нормы в написании заимствований и др.

Заимствование может осуществляться двумя путями — устным и письменным. «Для русского языка до конца XVIII в. был характерен преимущественно устный путь; в XIX и особенно в XX в., в связи с усилением коммуникативной роли публицистики, средств массовой информации, языка науки, начинает преобладать заимствование через письменные источники. При устном пути обычно осуществляется транскрипция иноязычного образца, при письменном возможны и транскрипция и «транслитерация»¹⁶⁵.

Примером формальной адаптации тюркизмов в русском языке служат следующие слова с вариантами:

*Аба — оба, абаз — абыз — обузь — обызь, аблаутъ — абла-
вуть — алпаутъ, азымъ — озымъ, аламъ — оламъ, алафа — ола-
фа, алтабасъ — алтобасъ — олтабасъ, алмазь — олмазь,
алтынъ — алтинъ — олтинъ, аманатъ — оманатъ, амбаръ —
анбаръ — онбаръ, аргамакъ — оргамакъ — аргумакъ, армяк —
ормакъ — ермяк — ирмяк — ормякъ — оромьяк — ярмяк, ата-
ман — ватаманъ — атоманъ — отоманъ, атласъ — отласъ,
архаръ — аркаръ, арчакъ — орчакъ, асламчей — осламчей, ба-
заръ — бозаръ, байрамъ — баграмъ — багримъ — бограмъ, бай-
рамъ курбанъ — курбантъ багрямъ, барабанъ — барабанъ,
бояринъ — боляринъ, боярыня — бояроня — болярыня — боляро-
ня — боярыня; барсукъ — борсукъ, басма — базма, бахрома —
бахрама, бей — бий, бекъ — бегъ, бояракъ — баяракъ — боа-
ракъ — боеракъ, визирь — везирь — везирь — возырь — възырь,
гайтанъ — гойтанъ, епанча — епонча — япанча, ертоуль — ар-
тоуль — ертовуль — яртоуль, есауль — ясауль, ишакъ — ишекъ,
кабала — кобала, казакъ — козакъ, калачъ — колачь, калмыки —
колмаки, кандалы — кайдалы, каурый — кавурый — коворый —
коурый, кафтанъ — кавтанъ — кофтанъ — ковтанъ — ковахтанъ,
какюк — коякъ, кирпичъ — кирпичъ, очагъ — ачагъ — очегъ, па-
лачь — полачъ, саврасый — соврасый, салтанъ — солтанъ — сул-*

¹⁶⁵ Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — С. 132—133.

тань, сафьян — сафиян — софьян, тамга — тамьга, чалма — челма — чолма, чердакъ — чардакъ, шалашъ — шелашъ и мн. др.

Итак, основной поток тюркизмов как активный процесс датируется по XVII в. и заимствование осуществлялось устным путем, который был характерен для заимствований «приблизительно до конца XVIII в.» (Л.П. Крысин).

Как отмечает Р.А. Юналеева: «Устный путь проникновения, отражая произносительные нормы, по-разному проявлявшиеся на разной территории, неизбежно порождал появление многообразных вариантов заимствований. Не случайно многим тюркизмам присущи вариантные формы»¹⁶⁶. Она пишет, что для тюркизмов, вошедших в литературную речь (или бывших когда-то в литературном употреблении), вариантность характерна в период вхождения и на первом этапе функционирования. Например, *чемодан, чамадан, чумадан; тасма, тьясма, тесма, тесьма; хилат, холат, халат; саадак, сагайдак, сайдак; армяк, ормяк, ярмяк, ирмяк; каптан, каптана; ковтѧн, кофтан, кафтан* и т.п. Во многих случаях разноречивой произношением формы поддерживался тем, что заимствование было результатом разноязыковых контактов. Для диалектных тюркизмов пестрота форм отмечается и по настоящее время, что лучшим образом иллюстрирует проявление ненормированности устной речи в действии. Например, *елань, алань, ялань; кумган, кулган, комган, кубган, курган, кунган; кумач, кумак; бахча, бакча, бакша, бохча, бокча; изюм, узюм; амбар, анбар, онбар*¹⁶⁷.

Активная вариативность тюркизмов в некоторых случаях объясняется не только фонематическими или графемно-фонетическими видоизменениями слова, но и различными фонетическими субституциями, вследствие которых тюркизмы в русском языке приобретают различные формы. Например, вследствие контаминации появляются варианты — *улушь — влушь* и др., диссимилиации — *жемчугъ — женчуг — женчюгъ — жумчуг — жемчюг — ямчуг; байрамъ — баграмъ; бурметъ — барметъ; балабанъ — болобанъ; байракъ — бойракъ — буеракъ — буяркакъ; евшанъ — емшанъ;*

¹⁶⁶ Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). — Казань: Таглитмат, 2000. — С. 9.

¹⁶⁷ Там же.

изюм — *изум*; *конак* — *канакъ*; *сакма* — *сокма* и т.д., метатезы — *муксунъ* — *мускунъ*, гиперкоррекции — *буравъ* — *буровъ* — *буравень* — *буравль* — *буровль*; *крагуй* — *крагуиль* — *крагуе*; немотивированных замен — *бекъ* — *бегъ* — *бекечь* — *бекешь*; *иче-тыги* — *ичеготы* — *ичедоги* — *ичетоги* — *ичитыги*; *кумганъ* — *кулганъ* — *кунганъ* — *кунгал* — *куббанъ* — *купбан* — *куганъ* — *кур-ганъ* — *кубанъ*; *сандаль* — *саигдал* — *сандалия* и др.

И как следствие таких субституций объясняется варьирование производных слов, возникших «на почве» метатезы производящих основ, например, *аргамачный* — *аграмачный*, диссимилиации — *жемчужный* — *жемчюжный* — *женчюжный*, палатализации — *чинжалище* — *чингалище* — *чинжалище* — *чинжанище* и т.д.

Часто наблюдается графемная вариативность самих слов и их флексий, например, в родительном падеже мн.ч.: *дараги* / *дороги* «название ткани» — *дараг* / *дарагов*, *татары* — *татарь* / *татаро-вь*, *янычары* — *янычарь* / *янычаровъ*, *улусы* — *улус* / *улусовъ* и т.д.

Ш.А. Сабитова в диссертации «Номинативный ряд со значением лица по роду деятельности и профессии (на материале тюркских заимствований)» отмечает, что процесс заимствования тюркизмов осуществляется по следующим способам: а) графемно-фонетической передачей иноязычного слова средствами заимствующего языка и б) фонетическим освоением заимствований.

Поясняя первый способ заимствования, она указывает на вариативность в написании заимствованных слов: «В процессе заимствования новое слово приспособляется к графической и орфографической системе заимствующего языка. На определенном этапе заимствования могут наблюдаться варианты в написании слова, так как еще не достигнуто единство его «внешней и внутренней оболочки»¹⁶⁸.

М.В. Орешкиной подобные варианты подразделяются на два типа: *графемно-фонетические варианты*, под которыми понимаются формальные варианты слова, проявляющиеся в двух формах речи: письменной и устной, отражающие обусловленное различ-

¹⁶⁸ Сабитова Ш.А. Номинативный ряд со значением лица по роду деятельности и профессии (на материале тюркских заимствований): дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 1999. — С. 16—17.

ными причинами произношение слова, то есть это произносительные варианты, закреплённые на письме, и, наоборот, письменные варианты, отражающиеся в произношении (например: *домбра* и *домра*) и *орфографические варианты*, под которыми понимаются «формальные варианты слова, проявляющиеся только на уровне письменной речи, возникающие в результате несоблюдения правил русской орфографии или их несовершенства при отсутствии в правилах каких-либо общих случаев написания заимствованных слов» (например: *джейляу* и т.д.)¹⁶⁹.

При втором же способе заимствования речь идет о фонетических закономерностях, присущих тюркским языкам, как, например, сингармонизм гласных в тюркских словах (*атаман*, *барабан*) и т.д. Исследователь отмечает, что среди освоенных и неосвоенных тюркизмов, в зависимости от степени освоения, выделяются: заимствованные слова, экзотизмы, вкрапления.

В памятниках письменности XI—XVII вв. встречается довольно много, неустойчивых по своему внешнему облику, заимствований. Соглашаясь с мнением А.А. Грузберга¹⁷⁰, отметим, что такие фонетические различия заимствований возникали по нескольким причинам, как отражение в письменности разного произношения слова, в большей или меньшей степени приближающееся к произношению языка-источника, а также различные приемы транслитерации иноязычных написаний, влияние аналогии и т.д. Для наглядности приведем несколько примеров со словом *бусурманъ*, означающем «мусульманин; иноверец, нехристианин», с вариантами *бусульманъ* — *бусорманъ* — *басурманъ*:

От него же родися хиновя поганяя, татаровя, бѹсормановя (Задон. (Адр.), 198. XVII в. ~ XV в.).

И в бѹсѹрманѣхъ, или в латынѣхъ, или в лясѣхъ, в полонѹ, или вѣгомъ своєю колею вывалѣ ли еси (Требник, 72. XVI в.).

¹⁶⁹ Сабитова Ш.А. Номинативный ряд со значением лица по роду деятельности и профессии (на материале тюркских заимствований): дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 1999. — С. 17.

¹⁷⁰ Грузберг А.А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI — начала XVIII вв. — Пермь, 1974. — С. 62.

И тот де он перевоз отдает в откуп Арского города босурману Митюше Кривому, а откуп емлют рубли по 3 и по 4 (Сл. Каз. кр. XVII, 29. 1602 — 1603 гг.).

По сему проклятии бүсүрманы о Сибири велми блазнятца, понеже шихи их в повестях истолкова им, яко малый зверок (Ермак. Сл. Сиб., 172. XVII в.).

У И.И. Срезневского находим словарные статьи с вариантным написанием¹⁷¹:

БѸсѸрманъ — мусульманинъ, mahometanis: — Хинovia поганые татаровя, бүсүрмановя (Сл. о Задон. 1).

И поганые бүсүрманы покрыша главы своя рүками своими (т.ж. XIII). — см. бесермень.

БесѸрманинъ=бесѸрменинъ — мусульманинъ:

Кончакъ... баше бо обрѣлъ мѹжа такового бесѸрменина иже стрѣлаше живымъ огнемъ (Ипат.л. 6692 г.).

Оканьнини жидове и сквернии бесѸрмане (Пал. XIV в. 14.). — ср. бесермень.

Примеры со словом *бесермень*:

Во истинне бо и правда и на великү ползү вам глаголю, милүющи вас и врегүющи, не кровопийца бо есмь аз, ни сыроядец, яко же вы есте, погании бесермяни, и не рад кровопролитию вашему, но за великүю неправдү вашү послан богом прииде с оружіем показнити вы (Каз. ист., 129. XVI в.).

Весь благоприятный о Христѣ народъ вѣсть высотү и славу великия Россни, како возвысися и коликъ страхъ вѣсть

¹⁷¹ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 1. Ч. 1. А—Д. — М.: Книга, 1989.

бесерменомъ, и германомъ, и прочимъ языкомъ (Плач о пленении, 221. XVII в.).

Тюркизмы, вошедшие в русский язык, активно участвуют в его словообразовательных процессах. Заимствования и связанные с ним словообразовательные процессы и вариативность лексем свидетельствуют о прочном освоении иноязычных слов в заимствующем языке. Например, производное от бүсүрманъ — басүрманский также имеет многочисленные варианты, как бүсүльманский-бүсүрманский-бүсорманский, обүсүрманити-обасүрманити-обосүрманити-обасүлманити-обосүлманити и т.д.:

А за госүдаремъ его за индѣйским — Джелаледдиномъ... всего свѣта двѣ доли, а третья доля за всѣми крестьянскими и бүсүльманскими госүдарн (Посольство Звенигородска, 261. 1594 г.).

[Царь Батый] повелѣ кланятися идоломъ и вѣровати вѣрү бүсорманскүю (Ж. Евфр. С., 114. XVII в. ~ 1558 г.).

А отъ бүсүрманскихъ госүдарей отъ салтана отъ түрского и отъ нныхъ госүдарей отъ бүсүрманскихъ приходятъ ко госүдарю нашему послы и посланники (Посольство Васильчикова, 84. 1590 г.).

И мысль его [түрецкого царя] на то, чтоовъ ему всей вселенной одному госүдаремъ быть, и изо всѣхъ госүдарствъ мыслитъ хрестыян извести, и подъ свою рүкү подвести, и овүсүрманити (Рим. имп. д. П, 73. 1595 г.).

Обосүрманенъ в Персидѣ отъ 9 лѣтъ неволею (Докл. в Сенате, III, 893. 1713 г.).

Измѣнника нѣмчина... которой въ прошломъ въ 203 году измѣня изъ полковъ үшелъ въ Азовъ и обасүрманился, ү нихъ принять (Докл. в Сенате, V, 1150. 1715 г.).

А кто будет живет неправдою, хотя оной обосулманен или иного закону, господь бог на него сошлет наказание (Гр. Башк., 282. 1719 г.).

Многие тюркские заимствования в современном русском языке, как *алмаз, атлас, барсук, бирюза, богатырь, жемчуг, кандалы, караван, кафтан, кольчуга, лачюга, нефть* усвоились русским языком в такой степени, что порой без опоры на этимологические источники трудно увидеть их иноязычное происхождение.

В целом варьирование иноязычного слова в процессе адаптации — закономерное явление, один из показателей новизны слова. Как отмечает Е.В. Маринова, «большое количество вариантов свидетельствует об активности освоения слова, о частоте употребления его в речи **разными** носителями языка. Напротив, характерным признаком прочного вхождения иноязычного слова в лексическую систему русского языка является устранение вариантности»¹⁷². Она отмечает: «В зависимости от того, какая форма материальной оболочки иноязычного слова русифицируется — звуковая или графическая, выделяются такие типы формальной адаптации, как **фонетическая** и **графическая** адаптация. Эти два типа различаются также тем, что проходят в разных формах речи — устной и письменной.

Анализ процессов фонетического и графического освоения новых иноязычных лексем показывает, что формальная адаптация иноязычной лексики на рубеже XX—XXI вв., с одной стороны, по-прежнему протекает в русле традиции, сложившейся на протяжении XIX—XX вв., с другой — имеет некоторые новые особенности.

Прежде всего, отметим, что основным направлением адаптационных процессов в русском литературном языке является ориентация на звучание этимона заимствуемого слова в языке-источнике, т.е. **практическая транскрипция**, что соответствует традиции. Однако действие принципов практической транскрипции в на-

¹⁷² Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008. — С. 18.

стоящее время расширяется, и на некоторых участках подсистемы, которую представляют собой иноязычные слова, можно наблюдать «отступления» от нормы. К ним относятся: 1) возможное отсутствие оглушения звонкого согласного на конце слова как «подражание» английскому произношению, особенно в речи молодых (*паб, имидж, бейдж, группиз*); 2) появление в русском языке слов с не встречавшимися ранее исходами *-шн, -жн* (*промоушн, экшн, ресепшн, фьюжн* и др.); 3) произношение с побочным ударением новых иноязычных слов, восходящих в языке-источнике к композитам или полиморфемным словам (*бойфренд, гешефтмахер, онлайн, нон-стоп, имиджмент* и др.). Тенденцией произносить иноязычное слово близко к «оригиналу» объясняется и произношение в подавляющем большинстве случаев твёрдого согласного перед гласным переднего ряда в неологизмах иноязычного происхождения, иногда подкрепляемое написанием, — *флэш, фэшн, скинхэд, тинэйджер, брэнд* и др.»¹⁷³.

Согласно Г.Х. Гилязетдиновой, «характер изменений, происходящих в заимствуемом слове, предопределен возможностями не только дающей, но и принимающей системы, ее способностью декодировать звуковую структуру чужого языка и адаптировать ее к фонетической системе своего языка. Восточные заимствования, отличающиеся отсутствием генетического родства с заимствующим русским языком и характеризующиеся типологическими различиями, подвергаются значительной формально-грамматической адаптации в языке-реципиенте.

Функционирование восточных заимствований в русском языке отмечено их вариативностью (особенно на начальном этапе освоения), что обусловлено определенными факторами: 1) наличием нескольких источников заимствования (явление многоконтактности); 2) высокой способностью заимствований вступать в контаминацию с другими словами в языке-реципиенте; 3) передачей иноязычного материала в русском языке различными способами, связанными с разной звуковой реализацией фонем языка-источника и заим-

¹⁷³ Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008. — С. 15.

ствующего языка. Для восточных слов, как и для многих ранних иноязычных лексем русского языка, характерен устный путь заимствования. Известно, что в процессе устного, непосредственного заимствования, не подкрепленного письменным обликом слова, может происходить искажение его звуковой оболочки. Этим также объясняется фонетическая вариативность восточных заимствований не только в пору их вхождения в язык, но и в течение их продолжительного функционирования в русском языке, так как при заимствовании лексемы в сознании носителей воспринимающего языка происходит «просеивание» звуковой оболочки чужого слова через «фонологическое сито» (по терминологии Н.С. Трубецкого) родного языка, обеспечивающее его членораздельность в заимствующем языке»¹⁷⁴.

Примером формальной адаптации тюркизма может служить слово 'кандалы', которое очень известно в современном русском языке. Оно зафиксировано только во множественном числе и обозначает «железные кольца с цепями, надеваемые на руки и ноги тем, кто арестован за особо тяжелые преступления (в дореволюционной России и многих других странах)»¹⁷⁵.

На сайте Национального корпуса русского языка можно встретить неизмеримое количество примеров употребления слова «кандалы» на страницах художественной литературы, средств массовой информации, в разговорной речи в прямом и переносном значении. Например,

«Почти всегда Владимир Галактионович рассказывал что-нибудь из своей жизни, и хотя в его застольных рассказах чаще всего фигурировали обыски, ссылки, аресты, жандармы, железные решётки, сибирские этапы, урядники, кандалы, часовые, — основной тональностью всех его воспоминаний был тот особенный, мягкий, непритязательный короленьковский юмор, какой слышится во многих его книгах, особенно в «Истории моего современника». (К.И. Чуковский. Короленко в кругу друзей (1940—1969).

¹⁷⁴ Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011. — С. 24.

¹⁷⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1986. — С. 228.

«Все это случилось в тот далекий исторический период, когда кандалы в Средней Азии уже исчезли, а наручники еще не появились» (Фазиль Искандер. Поэт // «Новый Мир», 1998).

«Язык — не связь, но узы, оковы, кандалы» (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975—1998)).

«А о ней и говорить не приходилось — это было почти невозможно, джинсы окольцовывали, словно кандалы» (А. Кабаков. Ту-совщица и понтярщик (1990)).

«Решили розыскники с другого конца подступиться: не забивать нахрапом следующего курьера в кандалы, а проследить за его нелёгким путём и срисовать “добрых людей”, которые деньги ему в обмен на героин отдают» (Героиновый тюремщик (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.24).

«Его свободолюбивой натуре были ненавистны любые законы, попирающие свободу человека, национальные границы и прочие ограничительные кандалы общества» (Ю. Безелянский. Герой. Бунтарь. Анархист // «Наука и жизнь», 2009).

Б.А. Ларин отмечает, что в русском воровском арго слова ‘браслеты’ и ‘манелы’ обозначают «кандалы» и также употребляются только во множественном числе¹⁷⁶.

Как свидетельствуют лексикографические источники, кандалы использовались в дореволюционной России и других странах и представляли собой «железные кольца, скрепленные цепями, надеваемые на руки и ноги обвиняемым в тяжких преступлениях», «оковы»¹⁷⁷.

Как же появилось это слово в русском языке, столь не похожее по внешнему облику на исконно русское?

¹⁷⁶ Ларин Б.А. Западноевропейские элементы русского воровского арго // Язык и литература. — Т. VII. — Л., 1931. — С. 113—130.

¹⁷⁷ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — 7-е изд., стеретип. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. — С. 373.

В памятниках русской письменности XI—XVII вв. слово ‘кандалы’ существует в различных вариантах, как *кондалы*, *койдалы*, *кайдалы*.

«Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных свидетельствует, что современная форма ‘кандалы’ употребляется с XVIII века (с 1731 г.)¹⁷⁸. В словаре отмечается, что в форме ‘кайдалы’ слово было известно с XVI в., в частности приводится пример из памятника, датируемого 1551 г.: «Федка Иванов, сын *Кайдал*, вознесенский дьяк». Однако такое мнение нам представляется ошибочным, поскольку по внешнему облику слово похоже на *оним* и его значение не совсем понятно в данном контексте. Здесь также мы обнаруживаем, что в гл. 21 оно три раза встречается в старопечатном «Уложении» 1649 г. Например, «посылать в *кайдалах* работать» (ст.9, с. 299). Хотя составитель словаря, ссылаясь на М. Фасмера, отмечает, что «старшей формой, по-видимому, является *кайданы*», Словарь русского языка XI—XVII вв. свидетельствует о первом употреблении анализируемого слова в варианте ‘койдалы’ в «Хозяйстве крупного феодала-крепостника XVII в. [Хозяйство боярина Б.И. Морозова, ч. I]» — памятнике середины XVII века:

Беглых даточных людей перенмали и ... заковав в коңдалы, или за крепкими порұками при(сла)ли в к Москве (Хоз. Мор. II, 222. 1660 г.).

Наряду с данным вариантом в памятниках русской письменности XVII в. одинаково употребляются и другие лексические варианты слова, как, например, *каңдалы*, *кондалы*, *кандалы*:

И привязанъ выхъ желѣзы, на выѣ чепъ, а на ногахъ кондалы (Чел. Лаз.) Суб. Мат. IV, 264. 1668 г.)

И того де Черкашенна... свивъ кайдалы съ ногъ, отпустили (ДАИ X, 396. 1683 г.)

¹⁷⁸ Там же.

А нсть тюрмы вымая его посылатъ въ кандалахъ работать всякое издѣлье, гдѣ государь укажетъ (Псков. а., 197. 1683 г.).

В словаре В.И. Даля встречаем две формы 'кандалы, кайданы' со следующим толкованием: «оковы, железные вязи, путы, надеваемые на преступников; колодка, цепи». Кандалы бывают ручные и ножные, замочные и глухие, с заклепой»¹⁷⁹.

Слово *кандалы* в значении «оковы», «путы» функционирует в украинском, белорусском, болгарском, сербо-хорватском, чешском языках. «Это слово, в конечном счете, из арабского языка, ср. араб. *qaïd* — «цепь», «кандалы», «оковы» <...>, м.б., при посредстве тюркских языков, хотя в совр. тюркских языках подобного слова (с таким знач.) пока не обнаружено»¹⁸⁰.

В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой также имеется словарная статья с заголовочным словом *кандалы*, где приводятся все возможные точки зрения относительно этимологии этого слова: «<...> *кандалы* от ар. *kajdāni*». Ф.Е. Корш утверждает о заимствовании из турецкого *kündeli*, что означает 'носящий оковы'. Фасмер, соглашаясь с мнением Миклошича, утверждает о заимствовании данного слова русским, украинским, польским языками посредством тюркских языков из арабского *qaïdāni*, а, по мнению Огиенко, слово в русский язык попало из турецкого языка¹⁸¹. Одним словом, большинство исследователей предполагают о заимствовании формы двойственного числа слова из арабского языка *кайдан*.

В памятниках русской письменности употребляется и другое слово, очень похожее по внешней форме на слово «кандалы», 'гайтан' с вариантами 'гойтан', 'гонтай' в значении «шнурок»:

Маннсто на гантанѣ (Дух. и дог. гр., 349, ок. 1503 г.)

¹⁷⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И—О. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. — С. 84.

¹⁸⁰ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — 7-е изд., стеретип. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. — С. 373.

¹⁸¹ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата: Наука, 1976. — С. 158—159.

Старец Илармон Конанов купил... суконцо под воилока 4 алтны з денгою, вожжи ворвани... 10 гонтанов ременных переманатошных (Кн. расх. Кир. м. № 381, 86 об. 1606 г.)

А на гонтаѣ была мошенка, а в мошенкѣ денегъ было 12 алтынъ (АХУ II, 696. 1629 г.).

Хотя В.А. Смирнов «предполагает, что тат. слово *хайтан* ‘шнурок’, столь близкое по звуку и значению к ар. *кайд*, означающему еще и просто «верёвку», «поводок», и служило названием кандалов... так что, вероятно, от татарского *хайтан* ближайшим образом, а не непосредственно от ар. *кайд*, и образовалось русское кандалы»¹⁸², в приведенных выше иллюстративных материалах видно, что слово «гайтан» в истории русского языка функционировал самостоятельно в собственном прямом значении «шнурок» и даже служил основой таких варьирующихся производных слов, как *гайтанникъ*, *гойтанникъ*, *гойтонникъ*. Например,

Даны на оброк пѣстрыхъ дворов задворки на Боркове ѹлице... Поздека сапожника, да Ондрюши голяничника, да Третьячка гойтонника (Новг. лав. кн., 149. 1583 г.)

Мѣсто тяглое... Тимоха Лѹкина гонтанника (Новг. п. кн. II, 23. XVI в.).

В отличие от слова ‘гайтан’ производных слов от «кандалы» в Словаре русского языка XI—XVII вв. мы не обнаружили.

Как видно, из примеров и из этимологических словарей почти все иноязычные слова «переживали» явление вариативности. Об этом свидетельствуют Словарь русского языка XI—XVII вв. Что касается изучения освоения иноязычных слов в синхронно-диахроническом аспекте или на современном этапе развития русского языка, то здесь также мы сталкиваемся с актуальными и нерешенными вопросами, связанными с нормой русского литера-

¹⁸² Там же.

турного языка, кодификацией слова и его лексикографической фиксации. Как отмечает современный исследователь Е.В. Маринова, в современной науке недостаточно разработаны вопросы, связанные с типологией иноязычных слов. Исследователь пишет, что типологическое описание иноязычной лексики должно основываться на многомерной классификации. «При этом должны учитываться: тип лексического значения заимствуемого слова (экзотическое / неэкзотическое, терминологическое / нетерминологическое), стиливая принадлежность, словообразовательные возможности, графика (кириллица / латиница), особенности функционирования в различных речевых сферах и др. <...>».

Своеобразные парадигматические отношения выстраиваются между формальными разновидностями (вариантами) одного и того же иноязычного слова. При этом в одних случаях различия вариантов обнаруживаются как в письменной, так и в устной речи (*ланч* — *ленч*), а в других — только в письменной или только в устной речи (*Интернет* — *ИнтерНет* — *интернет* — *Internet*; *мáркeтинг* — *маркéтинг*)¹⁸³.

Ахметжанова А.И., изучая казахско-русские отношения, также отмечает о высокой орфографической вариативности имен собственных, нарицательных и др. слов в дипломатической переписке между Казахстаном и Россией с XVI по XVIII в. Так, по ее мнению, орфографические нормы в дипломатических документах оформились в сфере делопроизводства в результате активной административно-правовой практики. Наряду с устойчивым и обязательным употреблением, в орфографической практике составления документов наблюдается использование различных вариативных написаний как одинаково приемлемых.

Примером орфографической вариативности служит употребление букв *г* и *х* в IV—XVII вв. в слове *Санкт-Петербург*. Например, «раззорили город, взяли больше всего сына моего Ерадея, который ездил в С.-Петербурх престолу Вашего и.в. должный поклон отдать...» (1740 г. января 24. — Письмо хана Абулхаира

¹⁸³ Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX—XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008. — С. 4.

имп. Анне о его поездке в Хиву в связи с вторжением в Хивинское ханство войск персидского шаха).

Сравним: *«Дана в С.-Петербурге, нашей столице, дня от рождества Христова...»* (1789 г. не позднее апреля 16 — Грамота имп. Екатерины II казахскому населению Семиродского рода Младшего жуза с благодарностью за верность России).

Затрагивая вопрос об орфографической норме, необходимо обратиться к языковой ситуации исследуемого периода, поскольку любой период развития языка характеризуется постоянным формированием норм литературного языка как своеобразного диахронического явления. Так, Н.И. Гайнуллина, изучая языковую ситуацию конца XVII — первой четверти XVIII в. отмечает, что «в последние три десятилетия наблюдается определенный сдвиг в решении данной проблемы, что выражается в четко установленных критериях различного понимания нормы применительно к донациональному и национальному периодам истории русского литературного языка. Так, одним из существенных отличий в этой области является введение понятия «скрытой кодификации» (Филин, 1981, с. 189) в языке донационального периода. Суть ее ученые видят в том, что в этот период функции нормы выполняют образцовые, авторитетные произведения, в которых и была реализована современная им литературная норма»¹⁸⁴.

Как отмечает В.П. Синячкин, «русская литература с ее истоками, начинающимися с зарождения Киевской Руси, складывалась в тяжелой борьбе с завоевательными планами Запада и римской церкви, нескольких объявленных крестовых походов против славянства и православия. «Русские — враги католической церкви», — писал папа Римский в 1351 г. Отсюда более терпимое отношение было к восточным соседям. В русской культуре отразилась интенсивная динамика непосредственного культурного взаимодействия не только с европейскими культурами, но и с восточными, в частности, с центральноазиатской — казахской. Одновременно с этим происходило политическое, экономическое взаимодействие,

¹⁸⁴ Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 1996. — С. 33.

что отразилось и на сравнительно быстром развитии младописьменных литератур Центральной Азии. Шло осознание своей специфики, акцентирование черт культурной самобытности каждой из культур при активной позиции русской культуры»¹⁸⁵. Наиболее интересными являются письма или переписка обеих сторон (казахской и русской). Они выполнены в разные годы и разными людьми, а также грамотными переписчиками и переводчиками. Однако, можно отметить нашедшие отражение в орфографий документов случаи ассимиляции согласных, их оглушения и озвончения:

*«ш*тоб здравие ваше те дети мои очевидно видетъ», «е*с*т*л*и бы даны были просимыя им войски, а бес того не только присяги, но и знаков принять не хочет», «преж*д*нее пребывание свое вовсе оставитъ», «из детей моих одного с лутчими людьми в здешнем моем пребывании оставляю», «а сверху оно*г*о сделана надпись по-русски следующая», «то генералу или протчим командирам, которые поблизости, уведомитъ», «взял у него насильно на сто рублей товару в щот отцовска*г*о трехсотна*г*о жалованья» и т.д.

Вариативные написания слов встречаются как в пределах одного (или разных) документа, как видно из следующих иллюстраций:

«К нашему императорскому высочайшему престолу представлено было чрез депутатов Ваших, Артук-султана, Сефиралисултанова сына...»;

«В довод же того при нынешнем возвращении присланных от Вас всемилостивейше пожаловали мы Вам вещи, в росписи означенные, кои помянутый Артук-солтан Вам вручить имеет» (1791 г. январь 29. — грамота имп. Екатерины II султану Ерали).

«...изготовили было к посылке послом родственника своего Нияза-салтана, кайсацких и каракалпакских лутчих биев своих...» (1740 г. января 24. — Письмо хана Абулхаира имп. Анне о его поездке в Хиву в связи с вторжением в Хивинское ханство войск персидского шаха),

¹⁸⁵ Синячкин В.П. Историко-культурный слой тюркизмов в русском быденном сознании // Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия: сб. науч. тр. по материалам Круглого стола. — Астана, 2008. — С. 132—147.

так и в пределах одной строки: *«Получа от Тавакал-муллы письма и надлежащие отправление, просил ево, чтоб позволено было мне ево взять, так как он живет уже немалое время и почти на одном месте да и товару оставшаго весьма мало имеет, противу чего Тавакал мулла отвечал мне...»* (1779 г. июля 27. — Из журнальной записки капитана Г. Лилингрейна о поездке его к хану Аблаю).

Явление орфографической вариативности присуще памятникам русской письменности различных жанров. Мысли о существовании таких вариантов были выдвинуты когда-то О.С. Ахмановой и определены ею как модификации «орфографического облика» слова, не нарушающие тождества последнего¹⁸⁶.

По мнению Б.З. Букчиной, «появление орфографических вариантов, колеблющихся написаний, которые в принципе не должны иметь место, тоже во многих случаях неизбежно. Они являются результатом письменно-речевой практики и, как следствие, неупорядоченности орфографии»¹⁸⁷.

Причинами, вызывающими орфографическое варьирование или, так называемый, орфографический разноречие можно рассматривать или как следствие отсутствия правил для написания определенных групп слов, или же как следствие неопределенности, нечеткости формулировок действующих правил. Так, в большинстве дипломатических документов встречается в различных вариациях: *махометанский* и *магометанский*, *конфекты* и *конфекты*, *конфекты*, *канфекты*, *конфенты*, *солтан*, *султан*, *салтан*.

Сроки существования подобных вариантов являются временными, короткими. Как видим, орфографические варианты (или написания) слов не имеют градации, они могут существовать как равноправные. Как справедливо отмечает Б.З. Букчина, «орфографические варианты (или варианты написания), как особый тип вариантов слова, характеризуют прежде всего то, что орфографическое варьирование условно, не затрагивает ни внешнюю, ни

¹⁸⁶ Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957. — С. 209.

¹⁸⁷ Букчина Б.З. Орфографические варианты // Литературная норма и вариативность. — М.: Наука, 1981. — С. 218.

внутреннюю сторону слова. <...> Это варианты письменного «облика» одного и того же слова (с полным совпадением корневой и аффиксальной части); они не связаны со значением слова, тождественны по значению, стилистически равноценны, не связаны ни с фонетическими, ни с грамматическими видоизменениями слова. Это — параллельные формы письменного выражения одних и тех же лингвистических значений, связанных с одной и той же лексемой»¹⁸⁸.

Одной из проблем при исследовании вариантов тюркизмов является их классификация, при разработке которой мы опирались на лингвистические работы, посвященные изучению лексических вариантов в памятниках русской письменности различных жанров. Так, М.С. Крутова при исследовании лексических вариантов в русских списках «Златой цепи» XIV—XVII вв.¹⁸⁹ выделяет следующие различия (или типы) лексических вариантов: 1) фонематические, когда в однокоренных словах наблюдаются различия на уровне фонем: *жолчь* — *челчь*, *еда* — *егда*¹⁹⁰; 2) словообразовательные, когда однокоренные слова различаются словообразовательными аффиксами: *видима*, *видомаа*, *вкушеніе* — *искушеніе*; 3) грамматические, когда однокоренные слова различаются какой-либо грамматической категорией: *по дѣло(м)* — *по дѣлу*, *почель* — *почель бы*; 4) собственно лексические (или разнокорневые, когда разговор идет о знаменательных частях речи): *похиль* — *долгъ*, *сна* — *чада*.

При описании способов освоения заимствованных слов в русском языке Н.И. Гайнуллиной представлена подробная классификация фонетических и морфологических вариантов. Так, рассматривая первый тип варьирования, она отмечает, что «в результате различного рода субституций (подстановок, замен) иноязычные слова при адаптации проходят стадию фонетического варьирования, в результате которого постепенно вырабатывается норми-

¹⁸⁸ Букчина Б.З. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. — М.: Наука, 1981. — С. 224.

¹⁸⁹ Крутова М.С. Лексическая вариантность в русских списках «Златой цепи» XIV—XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1989. — С. 51.

¹⁹⁰ Примеры сокращены нами — М.Б.

рованный вариант звучания и слово окончательно адаптируется к русской лексической системе»¹⁹¹.

Исследователь выделяет несколько причин фонетического варьирования, возникших под влиянием источника заимствования. К ним относятся 1) варианты, явившиеся результатом заимствования одного и того же слова из разных языков (например, амнистия (пол. *amnistja*, фр. *amnistie* — амнистия (гр., лат. *amnestia*) с *e* в середине слова; 2) варианты, возникшие под влиянием контаминации (например, *квартира* в ряду вариантов *квартира* (нем. *quartier*, франц. *quartier*) — *кватера* (пол. *kwatera*); 3) варианты, появившиеся под влиянием некоторых орфоэпических особенностей языка-прототипа (например, *винкельгак* — *винкелгак*). Другими же причинами фонетического варьирования, возникшими под влиянием русского языка являются следующие: 1) субституции в области вокализма (например, *бомба* — *бумба*); 2) варианты, связанные с редукцией гласных в безударном положении (например, *фарватер* — *варватер*); 3) варианты, вызванные субституциями в области консонантизма (например, *баркхоут* — *баркгоут*); варианты, возникшие под влиянием ассимиляции (уподобления): *инфантерия* — *инфантария*; 4) варианты, возникшие под влиянием метатезы (например, *перспектива* — *преспектива*).

При морфологическом освоении заимствованных слов Н.И. Гайнуллина выделяет две группы — морфологические варианты, вызванные влиянием языка-источника и морфологические варианты заимствованных слов, вызванные грамматической аналогией с русским эквивалентом. Так, при первом типе отмечаются: варианты заимствованных существительных, составляющих основную часть слов иноязычного происхождения и связанных с родовой их характеристикой (например, *флот* — *флота*); варианты с «орфоэпическим фактором» (выделено нами. — М.Б.) (например, *верф* (муж. р.) — *верфь* (жен. р.); варианты, возникшие вследствие влияния различного характера финали одного и того же слова в разных языках (например, *манир* — *манира*). При втором типе варианты воз-

¹⁹¹ Гайнуллина Н.И. Лексикология русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. унив. — 2-е изд., перераб. и доп. — Алматы: Казак университети, 2003. — С. 156.

никают под влиянием родовой принадлежности русского эквивалента на родовое оформление заимствованного слова в момент его вхождения в русский язык (например, *резерв* — *резерва* (*резерва* — *засада*).

Обобщение существующих классификаций (в том числе учитывается классификация лексических вариантов Л.П. Жуковской) позволило выделить 2 типа лексических вариантов тюркизмов. К первому типу относятся варианты *фонематические* — однокоренные слова, имеющие различия на фонемном уровне. Данный тип лексических вариантов связан с различным написанием слов только в памятниках письменности, поэтому все разновидности вариантов слова отражены в историческом словаре.

В современном русском языке из большого вариативного ряда некоторых тюркизмов применяется только единственный, закрепившийся в качестве нормированного, вариант. Например,

бұравъ — бұровъ — бұравень — бұравль — бұровль:

Да 11 бұравовъ железныхъ, трубы вертятъ (Арх. Стр. I, 481. 1568 г.);

Да тебе жъ бы, господине, велѣтъ здѣлать судовыхъ железныхъ снастей, чѣмъ суды делать: двѣ скобели, двѣ оборотки, два бұрова, напарью болшую (Петлин, 267. 1618 г.);

Список съ росписи Лункинымъ животомъ Чистякова: ... колчанишка, замокъ самопальной, бұравень, топаренка (Ворон. а., 210. 1633 г.);

На мельничном дворе изба, на мельнице 6 насеков, топор просечной, напарья, бұровль, 2 пешни, молот (Хоз. Мор. I, 161. 1667 г.);

Пущечного припасу: ... 10 мѣшковъ юфтеныхъ, въ чемъ порохъ носить, 1 бұравль большой, 1 долото (ДАИ X, 110. 1682 г.).

жемчүгъ — женчүг — жеңчюгъ — жүмчүг:

Злото, и серебро, и камѣнье, и жьнчюгъ (Надп. на кресте кн. Ефр. Пол.) Др. пам.2, 66. 1161 г.);

(1175): Украси ю церковь ... златомъ и камениемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ безыцѣннымъ (Ипат. лет., 581);

Бѹангелне... ꙋ прокладокъ звѣздица, низана жѹмчѹгомъ (Заб. Мат. I, 373, 1683 г.);

Да бѣ той же земли Никанской... жемчѹгъ в раковинахъ находятъ въ рѣкѣ (ДАИ Ш, 367. 1652 г.).

тѹлѹмбазъ — тѹлѹмбасъ — тѹлѹнбасъ — доѹлбазъ:

Тѹлѹнбазъ большой тѹрской, вѹлатенъ, золоченъ (Конск. приб. Бор. Год., 45. 1589 г.);

Тѹлѹмбасъ ѣздовой (Оп. Тат., 12. 1608 г.);

...посолъ былъ ꙋ Ёго Величества; а его дарилъ: 3 кречета бѣлые, ... сосѹдъ питей золотой съ каменьемъ и съ жемчѹги, тѹлѹнбасъ, съ чѣмъ Великій князь ѣздитъ противъ своихъ недруговъ... (Римск. имп. д. II. 1599. 152);

Взялъ [король]... ножъ вѹлатенъ... да доѹлбазъ чегадайской великъ, наведенъ золотомъ весь (Ст. сп. рос. послов, 60. 1564 г.) и т.д.

Подобное явление вариативности редко встречается в современном русском языке.

Второй тип вариантов обозначен как *собственно-лексические варианты* — это слова, лексическое различие которых состоит в том, что определенное понятие в памятниках русской письменности выражается словами, отличающимися внешней формой. Например,

банса-басма: Тако рекши бансѹ да ярлыкъ съ алою тамгою дали есмы на ѹтверженне (Хан. ярл., 103. XVI в. ~ 1354 г.); Царь же Ахматъ... посла къ великомѹ князю Иванѹ къ Москве послы своя, по старомѹ обычаю отецъ своихъ, зѣ басмою, просити дани и оброковъ за прошлая лѣта (Каз. лет., 200. XVI—XVII вв.).

изюм-виноград: Лозня же виноградъ есть, изъ него же ягоды виноточны, глаголемы по татарски изюмы, а по писанию гроздие (М. Гр. неизд. III, 96. XVI в.).

караван-флот: Ёгда кораванъ или флотъ стоитъ въ ли-нен боеваго строю, ꙋставя марсѣзенлы противъ вѣтрѹ, и адмиралъ похочетъ чтобы оны брасы отпѹщали, и тогда над-

лежитъ ему желтон флакъ съ флаштока съ форстенга роспустить... (Г. сигналы фл. 1710. 82).

коранъ (куранъ) — алкоранъ: Проклятые книги его (Магомета), коранъ зовомыи, прехваляетъ божественное ... евангелие (М. Гр. I, 75. XVI—XVII вв. ~ XVI в.); Книга въ полдестъ писаная, переводъ съ полского писма съ печатныя книги, глаголемой алкоранъ Махметовъ (Д. Шакловит. IV, 32. 1689 г.) и т.д.

Характерной особенностью этого типа вариантов является то, что слова, свободно варьируемые в различных памятниках письменности, со временем могут вступать друг с другом в синонимические отношения. В памятниках письменности данный тип лексических вариантов по сравнению с фонематическим встречается реже, из этого следует, что ведущим типом лексических вариантов тюркизмов является фонематический.

Фонематические варианты зачастую объясняются орфографической ошибкой — результатом труда переписчиков или вкуса автора произведений при выборе того или иного варианта слова.

Отметим, мнение Б.А. Успенского, который к факторам, обуславливающим вариативность написаний, относит: 1) отражение протографа; 2) отражение орфографической традиции (графический традиционализм); 3) отражение книжного произношения (фонетический традиционализм); 4) окказиональное отражение живой речи¹⁹².

Особенности фонематического оформления тюркизмов дают возможность выявить фонетические процессы присходящие в языке, их отражение в заимствованиях (или словах иноязычного происхождения), что позволяет сделать выводы о времени появления тюркизмов в русском языке.

Предложенные в разделе варианты тюркизмов, конечно, не ограниваются анализом только данных лексем. На примере некоторых — наиболее частотных слов, в работе ставилась цель показать уникальное, ставшее закономерным, явление, характерное для

¹⁹² Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2002. — С. 114.

памятников русской письменности — лексическую вариативность тюркских слов.

Таким образом, тюркизмы, как правило, подчиняются законам фонетики, грамматики и словообразования русского языка, лишь в немногих случаях остаются «чужеродными». В целом русско-тюркские отношения послужили взаимообогащению и взаимовлиянию русского и тюркских языков, в том числе — казахского, поскольку в текстах русских переводных деловых документов используется немалое количество слов, характерных для среднеазиатских языков XVIII в.

2.4. Грамматическая адаптация тюркизмов

Первым и необходимым условием функционирования иноязычного слова в заимствующем языке является его освоение грамматической системой. Попадая на русскую почву, тюркизмы приобретают грамматические категории русского языка, в том числе и те, которые отсутствовали в языке-источнике.

По мнению Л.П. Крысина, «если иноязычное слово адаптируется грамматической системой языка: существительные приобретают падежные и числовые формы, включаются в тот или иной класс по признаку грамматического рода, прилагательные приобретают словоизменительные свойства русских прилагательных, глаголы оформляются по образцу тех или иных глагольных классов и спрягаются по существующим в русском языке моделям, — то это, как правило, расширяет возможности образования производных от таких грамматически освоенных заимствований»¹⁹³.

Рассматривая восточные заимствования в языке Московской Руси, Г.Х. Гилазетдинова отмечает следующее: «...восточные слова, как и вообще все иноязычные единицы, заимствуются русским языком в своей исходной форме, лишаясь исконных способов выражения грамматических категорий. С точки зрения своего структурно-морфологического состава восточное заимствование

¹⁹³ Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — С. 63.

представляет собой нечленимую единицу. В основной массе заимствования из восточных языков — это имена существительные»¹⁹⁴.

Адаптация тюркизмов по роду

При вхождении в русский язык тюркизмы получают определенный грамматический род по аналогии с исконно русскими словами. Родовое оформление тюркизмов часто зависит от характера финали, которая в результате упрощения морфологической структуры заимствованной лексемы воспринимается как соответствующая флексия русского языка. Например, тюрк. *казна* — рус. *казн-а*, тюрк. *аргамак* — рус. *аргамак* — *ø*.

В случае, если финаль тюркского заимствованного слова оканчивалась на твердый согласный, то слово приобретает категорию *мужского рода*. К таким словам относятся тюркизмы: *буздугань* (*бузлугань*) «вид булавы, знак военачалия и власти», *арбуз*, *лал* «драгоценный камень», *лазун* «род бочонка», *майдан* и др.

Слова с финалью на гласный приобретают признаки *женского рода*. Например, тюркизмы с *а*-финалью: *епанча* «верхняя одежда в виде широкого плаща», *алафа* «награда, жалованье», «оброк», *арба* «двух- или четырехколесная повозка», *бакча* «огород, сад», *буза* «хмельной напиток», *лебеда* и др.

В отличие от неодушевленных существительных, род одушевленных существительных не зависит от характера финали иноязычного слова. В соответствии с правилом родовой принадлежности одушевленных имен существительных распределение по родам зависит от их соотносительности с полом живого существа. В ряду исследуемых восточных заимствований большую часть слов составляют существительные мужского рода, обозначающие лицо мужского пола.

Таким образом, тюркизмы со значением лица независимо от их финали принимают категорию рода согласно своей семантике. К ним относятся наименования священнослужителей, духовных лиц, обозначения должностных лиц, сановников, титулы правителей, наименования лиц по роду занятий и т.д.

¹⁹⁴ Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011. — С. 30—31.

Например, *мурза* «знатный человек, крупный феодал, землевладелец», *молла* «мусульманское духовное лицо», *абдал* «персидский монах», *абыз* «священнослужитель у мусульман (имам, мулла)», *азун* «ученый, богослов, мулла», *азиф* «знаток, чтец Корана», *алпаут* «приближенный хана в Золотой Орде», *махтум* «бахманидский султан», *паша* «военачальник и правитель области в Османской империи», *салтан* «мусульманский властитель», *санчак* «правитель области (в Османской империи), являющийся также военачальником», *шах* «титул монарха в некоторых восточных странах», *бакша* (вар. *бакиш*) «учитель, наставник», *тайша* (вар. *тайчи*) «титул у некоторых местных народов Сибири». Причиной колебания формы в данных парах является влияние разных языков — источников заимствования.

Приобретая категории, не свойственные им в языке-источнике, тюркизмы подчиняются закономерностям и тенденциям в развитии грамматической категории рода в русском языке. К примеру, существование в языке параллелизма не могло не отразиться и на тюркской лексике. Как доказывает Л.С. Бурганова, колебания в роде для тюркизмов в значительной степени объясняются тем, что они могли приобретать на русской почве различное оформление финалей и соответственно с этим принадлежать к различным категориям рода имен существительных¹⁹⁵. Так, выделяются два способа передачи финалей заимствованных тюркских слов на русской почве:

1. Передача точно в соответствии с ее звучанием в языке-этимоне. Например, *алтын*, *аршин*, *калга*, *паша* и др.

2. Передача финали с некоторой долей русификации. Это может быть смягчение, как, например, *богатырь*, *визирь*, *чекмень*, *курень*, *мергень*, *зендень*, *ясырь* или добавление — *а*, например, в слове *агача* «путевая мера длины».

Существование родовых параллельных форм могло быть вызвано также и наличием в самих тюркских языках двух форм одного слова. Например, *юрт* — *юрта*, *арак* — *арака* «водка из пшеницы, риса». По мнению, Л.С. Бургановой, хотя памятники и

¹⁹⁵ Бурганова Л.С. Тюркизмы в памятниках русской деловой письменности XVII века (грамматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1988. — С. 8.

отмечают колебание в роде тюркских заимствованных лексем, однако явно доминировали формы мужского рода¹⁹⁶. Таким образом, в ходе дальнейшего развития языка формы мужского рода почти во всех рассмотренных случаях вытеснили формы женского рода (кроме *юрта* и *арак-арака*) и в количественном отношении среди тюркизмов преобладают слова мужского рода.

Примеры употребления тюркизмов в среднем роде в истории русского языка почти отсутствуют (кроме единичных случаев, например, *тамга* — *тавро*). Их отсутствие вероятно объясняется характером тюркских слов: заимствуемые слова в основном — слова конкретного значения, тогда как большинство слов среднего рода в русском языке имеет абстрактное значение.

Заимствованные из восточных языков существительные среднего рода — явление довольно редкое. Выявлено заимствование *пул*, *пула*, *пуло* «мелкая монета», которое на протяжении длительного времени сохраняло родовую вариативность (муж., жен., ср.).

Нередко заимствованные существительные с мягким конечным согласным проявляют грамматическую вариативность. В этом плане показательна история заимствований *мечеть* 'мусульманский молитвенный дом' и *мизгитъ*, появившихся в русском языке в различные периоды.

Адаптация тюркизмов по числу

Тюркизмы вошли в русский язык как нечленимые формы единственного числа. Среди конкретных имен существительных, заимствованных из тюркских языков, установилась строго последовательная противопоставленность по числу. Они приобретают формы множественного числа, используя средства заимствующего языка (окончания *-ы* *-и*), например, *бархат* — *бархаты*, *камка* — *камки*, *кумачъ* — *кумачи*, *амбар* — *амбары*, *кафтан* — *кафтаны*, *кинжал* — *кинжалы*, *кирпич* — *кирпичи*, *колпак* — *колпаки*, *кушак* — *кушаки*, *набат* — *набаты*, *сарафан* — *сарафаны*, *сундук* — *сундуки*, *табун* — *табуны*, *тафья* — *тафьи*, *чуга* —

¹⁹⁶ Бурганова Л.С. Тюркизмы в памятниках русской деловой письменности XVII века (грамматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1988. — С. 8.

чуги и др. «По мере развития языка произошло закрепление отдельных форм вещественных имен существительных за определенными значениями (единственное число — родовое понятие, множественное число — значение разнообразия видов вещества, его многосортности)»¹⁹⁷.

Категорию числа приобретают одушевленные существительные, называющие преимущественно лиц мужского пола, реже — женского. Например, *аминь* «высокопоставленное лицо при дворе в странах мусульманского Востока» — *амини, кадый* «мусульманский судья» — *кадыи, казак* — *казаки, копычей* «должностное лицо в охране султана» — *копычеи / копычаи, мулла* — *муллы, паша* — *паши, уздень* «представитель феодальной власти на Кавказе» — *уздени, ясаул* «помощник атамана, старший офицер в казачьем отряде» — *ясаулы, катун* «женщина, госпожа» — *катуны* и др.

В разряде собирательных имен существительных тюркского происхождения отразилось взаимодействие форм единственного и множественного числа собирательных лексем, с одной стороны, и раздельного множества — с другой. Например, *турокъ* — *турки, турка / турчана*.

К разряду существительных, не имеющих противопоставлений по числу, относятся слова *singularia tantum*, среди которых преобладают вещественные существительные: *изюм* «сушеные ягоды винограда», *жесть* «листовое железо, покрытое тонким слоем олова», *нашатырь* «хлористый аммоний», *пенька, сурьма* «краска для чернения волос (бровей, усов)» и др.

В разряд существительных *pluralia tantum* входит небольшое количество заимствований, которые обозначают парные предметы: *тебенки, чулки, штаны*.

Слова-тюркизмы *pluralia tantum* в русском языке адаптировались в двух направлениях: под действием аналогии со стороны собственно русских лексем, в ходе исторического развития с утратой реалии, для обозначения которой существовала заимствованная лексема, могла утрачиваться одна из форм (тюрк. *штаны* — рус. *портки*; тюрк. *шахматы* — рус. *горелки, прятки* и т.д.), а другая

¹⁹⁷ Там же. — С. 10.

в результате переосмысления закрепились как собирательное имя существительное (*деньга* — *деньги*). У некоторых заимствований в языке-источнике финаль *-i* была воспринята как показатель множественного числа, ср. *тебенки* «кожаные лопасти у седла, подвешиваемые на пряжках».

В.Г. Демьянов касается отдельных аспектов исследования и интерпретации тюркского материала в историческом плане и вносит некоторые уточнения к интерпретациям М.Т. Тагиева. Он анализирует, что тюркизм *дараги* «шелковая ткань» в старорусском осознавалась как сущ. мн. числа, ср. «5 *дараг кашанских*», род. мн., кстати, в значении не отвлеченного названия ткани вообще, а в значении измеряемой «меры ткани, куска ткани», *дарага красная*¹⁹⁸.

Склонение тюркизмов

В целом, тюркские заимствования, попадая на русскую почву, подчиняются правилам русской грамматики и начинают изменяться по падежам. Лишь некоторые особенности склонения наблюдаются в XVII в.

Существительные, имеющие консонантный исход (*арбуз, кафтан, колпак, кумыз, кунган, рундук, сазан, чемодан; ремень, чекмень*), однозначно связанные с мужским родом, относятся к именному склонению с основой на *-o* (*-õ*) твердой и мягкой разновидности в русском языке исследуемого периода и изменяются по падежам наряду с исконными *город, стол, конь*.

Существительные, имеющие вокальный исход типа *сурна, сурьма, тамга, тесьма, пъяля* «чашка без ручки», относятся к именному склонению с основой на *-a* (*-ã*) твердой и мягкой разновидности и изменяются по падежам наряду с исконными *жена, земля*.

Незначительное количество существительных женского рода с исходом на мягкий согласный (*зендень* «хлопчатобумажная ткань восточного происхождения», *изуфрь* «тонкая шерстяная ткань», *тичень* «колючка», *тумень* «золотая персидская монета») склоняются по модели исконных существительных типа *кость*.

¹⁹⁸ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. — М.: Наука, 2001. — С. 172.

Редко встречаются несклоняемые существительные, среди которых выявлены тюркизмы мужского рода на *-и*: *бакиши* «религиозный деятель у некоторых местных народов Сибири», *бичечи* «писарь»¹⁹⁹.

В формах именительного, дательного и творительного падежей тюркские заимствования выступали аналогично исконно русским словам независимо от времени своего вхождения в русский язык. По наблюдениям Л.С. Бургановой, в русском языке в XVII в. интерес представляют формы винительного падежа одушевленных имен существительных, а также формы родительного и местного падежей: формы винительного падежа связаны с проявлением категории одушевленности. Хотя в тюркских языках также существует дифференциация по признаку одушевленности-неодушевленности, однако, в отличие от русского языка в тюркских нет особых формальных примет для различения имен существительных по признаку одушевленности-неодушевленности²⁰⁰. Так, в употреблении форм винительного-родительного для слов со значением лица мужского пола не было никаких различий между тюркским и собственно русским материалом (*прислал сына своего султана; толмача отпустить*).

В тюркизмах гораздо последовательнее собственно русских слов наблюдается употребление форм на *-у* в родительном падеже мн.ч. Это объясняется тем, что для тюркизмов флексия *-у* воспринималась как грамматическая необходимость при оформлении вещественно-собирательной смысловой категории русских имен существительных, при этом, следует отметить, что в поздних заимствованиях она употребляется последовательно и чаще, а в ранних заимствованиях наблюдается параллелизм употребления флексий *-у* и *-а*. Например, *бархата — бархату, изюм — изюму*.

В местном падеже единственного числа для языка исследуемого периода было характерно широкое употребление форм с флексией *-у* для слов мужского рода. В отличие от исконно русских

¹⁹⁹ Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011. — С. 30—31.

²⁰⁰ Бурганова Л.С. Тюркизмы в памятниках русской деловой письменности XVII века (грамматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1988. — С. 11.

имен существительных в тюркизмах данная флексия используется не столь широко, но более последовательно: *бояракъ* — *бояраку*.

В отношении слов множественного числа имен существительных тюркизмы характеризуются утратой парадигмы множественного числа имен существительных, полностью воспринимая способы выражения падежных отношений русского языка.

2.5. Формирование словообразовательных гнезд в XI—XVIII вв.

На разных этапах развития языка важную роль в процессах номинации играет словообразование. Русский язык, относящийся по своей структуре к языкам развитого флективного строя, принадлежит к мотивированным языкам, содержащим большое количество производных слов. Как отмечают исследователи, это системно организует язык, способствует образованию тесно связанных структурно и семантически ассоциативных рядов, что является необходимой предпосылкой развертывания словарного состава языка за счет его внутренних ресурсов²⁰¹. Таким образом, в русской словообразовательной системе функционируют основы производные (мотивированные) и производящие (мотивирующие, базовые, исходные), связанные между собой деривационными отношениями.

В разработке общих вопросов дериватологии известны классические труды А.А. Потебни, Ю.В. Откупщикова, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.М. Маркова, Г.А. Николаева, Т.М. Николаевой, Е.А. Земской, И.С. Улуканова, В.В. Лопатина и др.

Частные вопросы функционирования деривационных механизмов русского языка рассматривались в работах Ю.С. Азарх, Ж.Ж. Варбот, Г.А. Пастушенкова, В.И. Максимова, О.Г. Ревзиной, Л.В. Вялкиной, В.Л. Воронцовой, Г.М. Мижевской, И.В. Гореловой и др.

²⁰¹ Петрова З.М. Развитие лексического состава русского языка XVIII в. (имена прилагательные): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1983. — С. 13.

В исследованиях Е.А. Жирмунского, Н.П. Зверковской, Э.А. Балалыкиной, С.В. Фроловой, В.А. Белошапковой, Е.А. Земской, В.А. Низинской, Н.И. Букатевича и др. прослеживается история аффиксного словообразования, рассматриваются пути формирования суффиксов имен прилагательных, анализируется функционирование производных аффиксов в памятниках письменности разных эпох.

Хотя жанрово-стилистическая принадлежность словообразовательных типов, реализация значения производных образований в тексте играют большую роль в формировании русского литературного языка XI—XV вв., — по мнению И.В. Ерофеевой, — словообразование в русском языке данного периода развития относится к числу малоизученных областей науки о языке²⁰². Она также отмечает: «Словообразование является важнейшим средством номинации, участвующим в категоризации явлений действительности, структурировании мира в сознании носителей языка. Средства словообразования, его модели и приемы регулярно используются в номинативной деятельности человека. Поскольку в производных словах объективируются сведения о мире, изучение деривационного процесса позволяет осмыслить познавательную и интерпретирующую деятельность человека»²⁰³.

В своей диссертационной работе И.В. Ерофеева констатирует, что изучение деривационного процесса как одного из наиболее распространенных актов номинации в диахроническом аспекте позволяет выявить общие и отличительные черты в процессе словопроизводства в древнерусском и современном русском языке, а также проанализировать особенности семантики производного слова в определенный исторический период, установить области ее референции. Словообразование является действующим механизмом языка, активно участвующим в построении текста и реализующим при этом творческое и эстетическое начало языковой деятельности. Словообразование играет важную роль в организации языковой картины мира в любой исторический период развития

²⁰² Ерофеева И.В. Именное словообразование в языке русских летописей: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2010. — С. 5.

²⁰³ Там же. — С. 3.

языка, в том числе и в период средневековья. Элементы языковой картины мира обладают как устойчивыми свойствами, репрезентирующими непреходящие ценности в сознании народа, так и переменными свойствами, связанными с политическими, социальными, экономическими и другими условиями жизни народа в тот или иной исторический период времени. Отражение явлений внешнего мира, в процессе которого происходит его познание и оценка, осуществляется разными средствами языкового выражения, в том числе деривационными»²⁰⁴.

Значительную часть словарного состава древнерусского и старорусского языка составляют производные слова. Они постоянно изменяются, находятся в движении, развиваются, и поэтому изучение этой категории слов позволяет представить особенности материальной и духовной жизни человека, его взглядов на природу и общественные отношения. Словообразовательные средства в древне- и старорусском языке не только выполняют важную номинативную функцию, но и тесно связаны с жанрово-стилистическими особенностями произведений. Словообразование сыграло значительную роль в формировании стилистического своеобразия русского языка, особенно на начальных этапах его развития, когда словообразовательные средства были четко дифференцированы по стилям употребления²⁰⁵.

Как сказано в предыдущих разделах, это связано с тем, что образование основных стилистических разновидностей русского литературного языка происходит в сложном процессе взаимодействия двух языковых стихий: книжно-славянской и народно-литературной, каждая из которых имела свою систему деривационных средств.

В древних письменных источниках мы находим отражение сформировавшейся в основных чертах словообразовательной системы русского языка древнего и среднего периода его развития. Она представлена рядами словообразовательных типов, отличавшихся большей или меньшей продуктивностью. Анализ произ-

²⁰⁴ Ерофеева И.В. Именное словообразование в языке русских летописей: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2010. — С. 6—7.

²⁰⁵ Там же.

водных форм позволяет проследить, какие предметы и явления окружающего мира получают интерпретацию с помощью средств словообразования. Так, тюркизмы, попадая на русскую почву, подвергаются освоению не только морфологической, но и словообразовательной системой русского языка. Это выражается в том, что они, во-первых, воспринимали характерные для русского словопроизводства аффиксы и, подчиняясь законам русского словообразования, образовывали производные, подстраиваясь к продуктивным словообразовательным типам русского языка: *алмазь* — *алмазникъ* — *алмазникъ*, *барышъ* — *барышникъ*, *карауль* — *караульщикъ*, *есауль* — *есаульство*, *палашъ* — *палашник*, *рундук* — *рундучный* — *рундучокъ*, *сеунчъ* — *сеунчество* — *сеунщикъ*, *ясак* — *ясачный*; во-вторых, финали некоторых тюркских заимствований, как *казначи*, *арбачи*, *ямчи*, представлявшие собой на тюркской почве аффикс деятеля, переосмыслились соответственно в суффиксы русского языка *-ачей* и *-щик* в зависимости от характера основы тюркского имени существительного: *казначей*, *карачей*, *накрачей*, *сафрачей*, *ям* — *ямщик*.

Суффиксальный способ словообразования имен существительных

Тюркизмы — имена существительные образуются при помощи суффиксов (в том числе — уменьшительно-ласкательных суффиксов) *-чикъ/-щикъ*, *-никъ-*, *-ичъ/-ачъ-*, *-ецъ-*, *-ишк-*, *-окъ-*.

Таким способом произошли слова:

алмазь → *алмазникъ*
алмазь → *алмазецъ*
алмазь → *алмазчикъ*
армяк → *армячникъ*
армякъ → *армячишко*
армякъ → *армячокъ*
атлаъ → *атласецъ*
барышъ → *барышникъ*
бояринъ → *боярецъ*
есауль → *есаулишка*
кафтанъ → *кафтанишко*

мишень → *мишенецъ*
тамга → *таможникъ*
ям → *ящик*

Суффиксальный способ словообразования имен прилагательных

Главный источник пополнения класса имен прилагательных — это образование новых слов на базе имен существительных и глаголов при помощи аффиксации, словосложения и развития новых значений у слов старого лексического фонда.

Активную словообразовательную роль при образовании имен прилагательных от существительных выполняют суффиксы *-ск-*, *-к-*, *-н-*, *-овъ-*, *-инъ-*. Являясь обычными в русском языке XI—XVIII вв., они придают тюркским лексемам типично русское морфологическое оформление и этим содействуют более интенсивному присоединению их к активному словарному запасу носителей языка в то время. Наглядной иллюстрацией сказанного служат следующие производные слова:

алтабасъ → *алтабаский; алтабачный*
аргамакъ → *аргамачный*
армякъ → *армячный*
атлаъ → *атласный*
барабанъ → *барабанный*
барсук → *барсуковый*
бояринъ → *боярский*
бусурманъ → *бусурманский*
визирь → *визирский*
жемчугъ → *жемчужный*
епанча → *епанечный*
ертауль → *ертаульный*
отоманъ → *отоманский*
орда → *ордынский*
богатырь → *богатырский*
есауль → *есаульный*
ертоуль → *ертоульный; ертоульский*
кабала → *кабальный*
кафтанъ → *кафтанный*

киндякъ → киндячный
кумганъ → кумганный
майданъ → майданный
мусульманинъ → мусульманский
рундукъ → рундучный
саадак → саадачный
сафьян → сафьянный
ям → ямской и т.д.

Важно заметить, что при широкой вариативности тюркизмов в памятниках письменности наблюдается дальнейшая вариативность производных слов. Это позволяет говорить о становлении нормы русского языка в древне- и среднерусский периоды и, возможно, вариативность дериватов в диахронии является свидетельством того, что к нормам стремились и шел процесс «становления условной нормы». Приведем несколько примеров варьирования производящих основ и производных слов:

алмазь — олмазь → алмазець — олмазець → алмаженье — олмаженье → алмазникъ — олмазникъ → алмазчикъ — олмацикъ;

алтабась — олтабась → алтабачный — олтабачный → алтабаский — олтабаский;

аргамакъ — оргамакъ — аргумакъ → аргамачный — аграмачный;

армяк — ормакъ — ермяк — ирмяк — ормякъ — оромьяк — ярмяк → армячникъ — ормячникъ → армячный — ормячный → армячишко — ормячишко → армячокъ — ормячокъ;

атаман — ватаманъ — атоманъ — отоманъ → атаманский — отаманский → атаманство — отаманство;

атласъ — отласъ → атласный — отласный → атласець — отласець;

барабанъ — борабанъ → барабанный — боробанный;

барышгъ → барышникъ — борышникъ;

барсук → барсуковый — борьсуковый;

бояринъ — боляринъ → боярский — болярский → боярець — болярець → боярствовати — болярствовати → бояроня — болярыня — боляроня;

ертоуль — *яртоуль* → *ертоульный* — *яртоульный* — *ертаульский* → *ертоульский* — *яртоульский*;

есауль — *ясауль* → *есаульный* — *ясаульный* → *есаулишка* — *ясаулишка*;

кафтанъ — *каванъ* — *кофтанъ* — *ковтанъ* — *ковхтан* → *кафтанишко* — *кавтанишко* — *кофтанишко* → *кафтанний* — *каванний*;

мишень → *мишенецъ*;

сафьян — *сафиян* — *софьян* → *сафьянный* — *софьянный* и мн. др.

При помощи суффикса *-ство, -ние, -енье* появились отглагольные существительные, например, *сеунчество, алмаженье*.

В целом, наблюдения показывают, что от тюркизмов как производящих основ в русском языке наибольшее количество образовано существительных и прилагательных, в меньшей степени наречий, субстантивированных прилагательных и т.д. Префиксальный, суффиксально-префиксальный способы словообразования не отличаются продуктивностью и заметной роли не сыграли в адаптации тюркизмов, однако такие слова, образованные при помощи префикса *про-*, например, *тамга* → *протамга* → *протаможье* → *протаможитися*, позволяют утверждать об активном деривативном потенциале тюркизмов в истории русского языка.

Очень интересны следующие примеры, хотя также редко встречающиеся, — глаголы, образованные префиксально-суффиксальным способом, где значение каждого из слов зависит от постфиксов:

Обусурманити — «обратить в мусульманство»:

А на той оградѣ семеры ворота великня яко градныя, украшены чѹднымъ каменнѣмъ писанымъ, и во всѣхъ горятъ кандилы съ масломъ скляничныя, и стерегѹтъ [тѹрки], кто въ тѣ ворота християннѣ войдетъ, и того поймаютъ и обусурманятъ, а бѹде онъ бѹсурманитися не похочетъ, ино сожгѹтъ (Арс. Сух. Проскинитарий, 137—138. 1649—1653 гг.).

Обусурманитися — «принять мусульманство»:

Тѣтъ [на острове Родос] митрополитъ сосланъ, а нынѣ обусурманился, и царь учинилъ его у себя ближнимъ человѣкомъ (Арс. Сух. Проскинитарий, 30. 1649—1653 гг.).

Обусурманный — «обращенный в мусульманство»:

Не смеяху бо казанцы многия руси у себя держати мужеска полу, не обусурманных, развее жен и детей малых, да не наполнятся русь в Казани, того ради запредаяху их (Каз. ист., 77. XVI в.).

При решении проблемы включения тюркизмов в Словарь русского языка XI—XVII вв. лексикографы опираются на три фактора как «источник и время заимствования, а также особенности функционирования заимствованного слова в языке»²⁰⁶. Г.А. Богатова отмечает: «Составители Картотеки ДРС понимали, что для словаря, построенного на данных памятников письменности — а данные письменности даже при сплошном расписывании слов в конечном счете всегда фрагментарны, — важна полнота корневой группы, гнездовой фон слова, обеспечивающий объективность семантических решений. Важна и количественная сторона, и широкая представленность слова памятниками разных жанров»²⁰⁷.

Перед лексикографами, работающими над Словарем русского языка XI—XVII вв., возникают вопросы, связанные со способами подачи слов в словаре и выборе заголовочной формы слова словарной статьи при множестве вариантов написаний заимствованных слов в текстах XI—XVII вв.²⁰⁸. Например, описывая проблемы создания исторического тематического словаря русского языка по подобию «Русского семантического словаря», М.И. Чернышева

²⁰⁶ Чернышева М.И. Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Сб. науч. тр. «И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование». — Рязань, 2002. — С. 132.

²⁰⁷ Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии / отв. ред. Д.Н. Шмелев. — 2-е изд., доп. — М.: ЛКИ, 2008. — С. 62.

²⁰⁸ Романова Г.Я. Иноязычная лексика в историческом словаре (на материале тюркских заимствований) // Теория и практика русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 124.

отмечает: «Самый крупный исторический словарь русского языка <...> насчитывает уже 26 выпусков (25 из них опубликованы), что составляет более 80 тыс. слов. Это позволяет, используя данный массив, постепенно переходить от наиболее удобного для любого справочника алфавитного способа расположения материала к собственно языковому, который определяется принадлежностью слова к той ли иной теме, к тому или иному понятию»²⁰⁹. Считая, что в настоящее время вполне возможно на основе материала Словаря русского языка XI—XVII вв. создание исторического тематического словаря, М.И. Чернышева обозначает трудности, возникающие в связи с широкой вариативностью лексических единиц. Так, по мнению исследователя, в процессе работы обнаруживаются специфические проблемы, которые должны решаться по мере разработки тематического исторического словаря. К таким проблемам относятся графическая, фонетическая и морфологическая вариативность лексики, например, вариативность слова *саадакъ*: *саайдакъ*, *саандакъ*, *савдакъ*, *сагадакъ*, *сагайдакъ*, *садакъ*, *сайдакъ*, *сандакъ* (иногда со своими группами производных слов)²¹⁰.

Приведем несколько таких примеров — вариантов тюркизмов, обнаруженных в ходе анализа выпусков Словаря: *абабъ* — *обабъ*, *абаса* — *обаса*; *абызь* — *абаз* — *обызь* — *абыс* — *афызь* — *афазъ*; *ага* — *ога*; *азямъ* — *озямъ*; *алачуга* — *олачуга* — *лачуга*; *алафа* — *олафа*; *алмазъ* — *олмазъ*; *алтабасъ* — *олтабасъ*; *аманатъ* — *оманатъ*; *атласъ* — *отласъ*; *аргамакъ* — *оргамакъ* — *аргумакъ*; *рундук* — *орондук* — *урундук* и т.д.

Появление многих вариантов с чередованием *а/о* в первом безударном слого вероятно связано с аканьем в среднерусских и южно-русских говорах.

В.Г. Демьянов отмечает сложность создания словообразовательного словаря исторического типа: «Работа по составлению исторического словаря словообразовательных парадигм русского языка <...> еще и не начиналась, но мы стремимся до завершения работы над историческими словарями русского языка XI—XIV вв.,

²⁰⁹ Чернышева М.И. Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Сб. науч. тр. «И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование». — Рязань, 2002. — С. 136.

²¹⁰ Там же. — С. 137.

XI—XVII вв., XVIII в. начать пробные разработки по историческому словообразованию русского языка, понимая, что такое описание будет страдать известной неполнотой»²¹¹.

Как известно, вариативность слов связана прежде всего с процессом их освоения, поэтому именно заимствования для исторического словаря представляются наиболее проблематичными в связи с их подачей в словарных статьях. По мнению Г.А. Богатовой, заимствования в любом языке являются многовариантной частью лексики и равное, самостоятельное положение в словаре исторического жанра вариантов, «не собранных составителем в одну заголовочную строку по каким-то основаниям семантического или этимологического характера», несколько завышает их реальное количество²¹².

По исследованию Г.Х. Гилязетдиновой, начиная с середины XVI в. происходит узальная выработка фонологических норм (аканье на среднерусской основе, севернорусская система консонантизма и др.), становление ряда грамматических явлений (например, окончаний *-ам (-ям)*, *-ами (-ями)*, *-ах (-ях)* в формах склонения имен существительных) и увеличение общерусского лексического фонда.

В истории социальных связей русского народа с восточными XV—XVII вв. выделяются как особый период: в конце XV в. русские земли освобождаются от Золотоордынской вассальной зависимости, после распада Золотой Орды на бывшей ее территории в течение XV в. формируется Сибирское ханство (конец XV в.), Ногайская Орда (конец XIV — начало XV вв.), Казанское ханство (40-е годы XV в.), Крымское ханство (1443 г.), Астраханское ханство (1459 г.) и др. При этом усиление Московского государства сопровождается территориальной экспансией на восток.

Исследуемый период характеризуется интенсивными торговыми связями с восточными государствами. Так, в XV—XVI вв. основными контрагентами России, с которыми происходил товаро-

²¹¹ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. — М.: Наука, 2001. — С. 269.

²¹² Богатова Н.Г. История слова как объект русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984.

обмен, были Иран, Турция, Крым, Ногайская Орда, Азербайджан, позднее, в XVII в. — Восточная Сибирь и Китай²¹³.

Одной из причин вариативности как исконно русских лексем, так и тюркских является «многократная» переписка того или иного памятника, в результате которой, возможно допущение ошибки при переписывании рукописи или личные языковые «вкусы» и «предпочтения» автора текста или переписчика. В любом случае, полагаем, это лишь какой-то процент, исключить который помогает широкий сравнительный фон, подтверждающий, как правило, выявленные закономерности.

Наблюдения О.В. Зуга о типах языкового варьирования в повторяющихся фрагментах Пантелеймонова Евангелия XII—XIII вв. также можно было бы соотнести с нашей ситуацией — различными вариантами написания тюркизмов в различных списках памятников русской письменности: «известно, что чтения, повторно написанные и представляющие один и тот же текст, могут иметь разную историю в составе одной рукописной книги <...>, а следовательно, особенно интересны для лингвиста, изучающего язык того или иного памятника. Материал повторяющихся чтений дает возможность не только определить историю возникновения какого-либо чтения в рукописи, установить, к какому протографу оно восходит <...>, но и выявить языковые особенности писца последнего (или предшествующего) списка. По сути, тексты, написанные в рукописи два, три, четыре и даже пять раз, позволяют выявить границы лексической, словообразовательной, синтаксической, стилистической вариативности периода создания рукописи»²¹⁴.

Исследованный материал показывает, что, если в одних случаях тюркизмы активно используют словообразовательные средства русского (прилагательные с суффиксом *-ск-*, *-к-*, *-н-*, существительные с суффиксом *-ник*, *-щик-*, *-ец-*, *ишк-*, *-ок-*), и дали много-

²¹³ Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011. — С. 14.

²¹⁴ Зуга О.В. Типы языкового варьирования в повторяющихся фрагментах Пантелеймонова Евангелия XII—XIII вв. (РНБ, Соф. 1). — С. 55—56 // Тр. и мат-лы III Междунар. конгресса исслед. русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (20—23 марта). — М., 2007.

численные примеры производных, то в других случаях проявляли определенное сопротивление. Так, одни тюркизмы имеют один или несколько дериватов, другие же оказываются неспособными к деривации и остаются неосвоенными словообразовательной системой русского языка.

Итак, употребление тюркизмов в памятниках русской письменности на рубеже XI—XVII вв. знаменует собой начало периода активного заимствования русским языком иноязычных лексем, вслед за которым в XVIII и XIX вв. наступит время активного заимствования из европейских языков. Согласно И.В. Ерофеевой: «Появление производных образований в языке — это важнейший этап эволюции языковой системы, естественно отразившийся в самых древних дошедших до нас памятниках уже в готовом виде. Многообразие структурных типов производных образований, их семантическая многоплановость свидетельствуют о сложности и разветвленности строения деривационной системы древнерусского языка. Данное обстоятельство, в свою очередь, знаменует определенный этап в развитии мышления человека средневековья, отражает его способность к восприятию сложных, отвлеченных и абстрактных понятий, пришедших вместе с принятием христианства»²¹⁵.

Итак, тюркизмы в функциональном и количественном отношении составляют заметный пласт в лексической системе русского языка, многоаспектное исследование их дает ценный материал для тюркско-славянской контактологии и в целом для исторической лексикологии русского языка. Богатый языковой материал, представленный в Национальном корпусе русского языка, позволяет изучать историю тюркского слова в русском языке на рубеже нескольких веков: с XI по XXI вв.

Появившиеся в результате языковых контактов тюркизмы в русском языке проходят несколько этапов: вхождения, усвоения и освоения. Причем в освоении тюркизмов наблюдается широкая вариативность собственно тюркских слов и их производных, которая в условиях дальнейшего взаимовлияния языков диктует необходи-

²¹⁵ Ерофеева И.В. Именное словообразование в языке русских летописей: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2010. — С. 9.

мость выбора оптимальных вариантов. Таким образом, появление ряда словообразовательных моделей можно характеризовать как проявление взаимодействия контактирующих систем двух языков — языка-источника и языка-реципиента.

2.6. Словообразовательная адаптация тюркизмов в XIX—XXI вв.

Согласно Е.В. Мариновой, «деривативная активность нового иноязычного слова является важным показателем его освоения в языке-реципиенте. Безусловно, такую активность неологизм проявляет только в том случае, если он успешно осваивается с точки зрения содержания; иными словами, если его лексическое значение усвоено говорящими. Включение нового иноязычия в процессы деривации и гнездования заслуживает особого рассмотрения, поскольку укоренение иноязычного слова в принимающем языке происходит на основе его взаимодействия с единицами не только лексического, но и словообразовательного уровня (иноязычное слово, выступая в качестве производящего, включается в определённую словообразовательную парадигму, словообразовательную модель; соотносится с определёнными средствами, способами словопроизводства)»²¹⁶. Данное определение Е.В. Мариновой по отношению к англицизмам в современном русском языке можно соотнести и с процессом освоения тюркизмов в древнюю эпоху и их употребления в динамике — в современном русском языке.

Уникальным источником для анализа тюркизмов в современном русском языке является Национальный корпус русского языка, который, по мнению известного казахстанского ученого Э.Д. Сулейменовой, до сих пор еще не в полной мере используется отечественными лингвистами.

«Корпус — это электронное собрание текстов, размеченное таким образом, чтобы в нем можно было быстро найти слова и кон-

²¹⁶ Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008. — С. 37.

струкции с заданными грамматическими и другими интересными лингвисту свойствами»²¹⁷.

Национальный корпус русского языка разработан лингвистами — специалистами по корпусной лингвистике и размещен на сайте www.ruscorpora.ru. Как видно из определения, на смену «устаревших» методов сбора языкового материала и обработки информации приходят «новые» — «комплексные», учитывающие функционирование языка, языковых единиц или слова на определенном этапе (или этапах), во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов.

Выступая на пленарном заседании II международного конгресса «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии» (Астана, 2009), Э.Д. Сулейменова отмечала: «Для основной массы исследований последних десятилетий характерна органичная связь с теорией коммуникации, теорией референции, семиотикой, культурологией, социологией, поэтикой, когнитивными науками, герменевтикой и другими науками, что, с одной стороны, позволяет анализировать русский язык с новых позиций и с помощью нового метаязыка, с другой стороны, — делает казахстанскую русистику адекватной современной парадигме мировой лингвистики и науки в целом. Вместе с тем следует отметить и некоторое отставание казахстанской русистики, крайне редко прибегающей в своих исследованиях к богатейшим ресурсам корпусной лингвистики (в частности, фрагментарно используется Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru)»²¹⁸.

Важность и необходимость обращения лингвистов при изучении истории того или иного слова к Национальному корпусу русского языка обосновывается тем, что «в корпус попадают образцы практически любого существующего в русском языке письменного

²¹⁷ Плунгян В.А. Зачем нужен национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Сайт НКРЯ: www.ruscorpora.ru. — С. 7.

²¹⁸ Сулейменова Э.Д. Новые научные парадигмы в казахстанской науке о русском языке // Сб. мат-лов II междунар. конгресса «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии». — Астана: Сары-Арқа. — С. 20.

дискурса — от статьи современного музыкального критика до инструкции по уходу за кактусами, от рассказов Пелевина до справочника по физике»²¹⁹.

Как отмечают разработчики данного корпуса, «национальный корпус предназначен в первую очередь для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов — от одного до двух столетий. Другая задача корпуса — предоставление всевозможных справок, относящихся к указанным областям (лексика, грамматика, акцентология, история языка)»²²⁰.

Итак, корпус позволяет нам максимально полно выявить тюркизмы в современном русском языке, на материале, отобранных из всех созданных в настоящий момент подкорпусов, пронаблюдать насколько данные, когда-то заимствованные иноязычные слова, адаптировались в языке, и какие семантические трансформации они пережили. Например, такие тюркизмы, как *алмаз, палач, кандалы, кольчуга, лачуга* адаптировались в лексической системе русского языка в такой степени, что без опоры на этимологические источники «с первого взгляда» порой трудно определить их иноязычность, чужеродность.

Рассмотрим, к примеру, некоторые слова, чтобы увидеть этапы функционирования тюркских слов в русском языке в диахронии — их путь в пространстве и времени.

Так, слово «алмаз» — «прозрачный, преимущественно бесцветный драгоценный камень с сильным блеском, самый твердый из всех минералов»²²¹ — известно любому русскому человеку, а история его вхождения в русский язык современниками давно позабыта.

«Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных свидетельствует, что «алмаз» в значении

²¹⁹ Плунгян В.А. Зачем нужен национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Сайт НКРЯ: www.ruscorpora.ru. — С. 8.

²²⁰ Сайт НКРЯ: www.ruscorpora.ru

²²¹ Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. — М.: Рус.яз.-Медиа, 2005. — С. 8.

«прозрачный драгоценный камень, отличающийся необыкновенной твердостью» употребляется в украинском, белорусском, болгарском языках. В других славянских языках *алмаз* называют *диамантом* (в серб., хорв., чеш., польск. языках), в немецком, французском, английском, итальянском, испанском языках также существует подобное слово, восходящее к позднелатинскому *diamas*²²².

У И.И. Срезневского встречаем: Адамантъ — алмазь, *adamas*, *адамаѣ*:

Междѣ же двѣма змарагдама камыкъ адамантъ (въ єфудѣ) (Изб. 1073 г. л. 120 об.).

Алмазь — адамаѣ, драгоценный камень алмазь:

Алмазь же родится въ горѣ каменон, а продають же тую горѣ каменю локоть по двѣ тысячи фунтовъ золотыхъ (Афан. Никит.)²²³.

Между тем, в памятниках русской письменности слово *алмаз* с вариантом *олмаз* встречается с XV в. Например, в «Хожении» Афанасия Никитина (по Троицкому списку):

«В Рачюре же родится алмазь» (л. 382 об.).

«да на шапкѣ... алмазь великы» (л. 385).

«а в Күрыли же алмазьниковъ трста» (л. 390 об.).

В XVII в. слово *алмаз* активно употребляется в русском языке и приобретает большой словообразовательный потенциал. Об этом мы узнаем из «Словаря русского языка XI—XVII вв.» и Картотеки ДРС:

А по краям и берегам морским драгоценных камней — акинфов, алмазов... — добре много (Сказ. Роск. Житии, 40. XVII в.).

²²² Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — 7-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. — Т. 1. — С. 38.

²²³ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. — Т. 1. Ч. 1. А—Д. — М.: Книга, 1989.

Аще воин тотъ камень олмазъ на лѣвон странѣ носитъ
или во оружи или во иныхъ платняхъ тогда опасенъ бываетъ
от своихъ супостатъ (Травник Любч., 653. XVII в. ~ 1534 г.).

Как отмечает П.Я. Черных, данное слово в русский язык пришло с Востока: оно зафиксировано в арабском, персидском, афганском, турецком языках в различных графических вариантах, однако на Востоке и на Кавказе оно не является исконным. Первоисточником оказывается греческое слово *αδάμας*, род. *αδάμαντος* — «несокрушимый», которое в свою очередь восходит к латинскому *adamas*, обозначающему «алмаз», а также «твердый металл»²²⁴.

Таким образом, «это слово из Греции было занесено на Восток, позже усвоено арабами (по-своему осмыслившими это слово) и при их посредстве получило широкое распространение в ближневосточных странах, откуда — в преобразованном виде — вернулось в Европу. Каким образом это слово попало в русский язык, сказать трудно. В “Хожении” Афанасия Никитина оно, может быть, из персидского языка. Но и в тюркских языках это слово (заимствованное из арабского) известно с давнего времени и из тюркских языков могло попасть в русский. Дмитриев <...> относит его к “тюркизмам, требующим дополнительной аргументации”»²²⁵.

В.И. Даль представляет следующее толкование: «первый по блеску, твердости и цѣнности изъ дорогихъ (честны́х) камней; адамантъ, бриліантъ»²²⁶.

Интересно то, что в современном русском языке зафиксировано только одно производное слово — *алмазный*, об этом можно судить по «Комплексному словарю русского языка» (например, *алмазный перстень*), в то время, как в XVII—XIX вв. слово «алмаз» имело несколько словообразовательных моделей, оканчивающихся преимущественно на суффиксы *-ень*, *-ец*, *-ник*, *-щик*, обозначающих некое действие, величину (размер) предмета

²²⁴ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — 7-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. — Т. 1. — С. 38.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Рус.яз.-Медиа, 2006. — Т. 2. И—О. — С. 11.

и лицо (человека). Суффиксы *-ник*, *-щик* здесь обозначают названия лиц. Например:

А покупають они алмазъ сами у нѣмецъ на алмаженье и на розрѣзъ камня дорогою ценою (Вед. о Кит. Зем., 28. 1669 г.).

Степану олмащику за олмаженье отъ 5 камней (Заб. Мат. I, 18. 1629 г.).

Запона съ финифты, а в ней алмазецъ червчатъ (Оп. Им. Тат., 36. 1608 г.).

Перстень золотъ гладкой, а въ немъ олмазецъ не великъ (АИ II, 406. 1612 г.).

А егда его [камень рубиноу] выкопываемъ, тогда невелику в севѣ чернотъ содержитъ: а егда олмазникъ лице наложитъ, тогда онъ свѣтелъ будетъ (Травник Любч., 706. XVII в. ~ 1534 г.).

Антону Минстеру работному и алмазнику дано кормовыхъ денегъ на 3 мѣсяцы по 30 гүденъ (ДАИ V, 231. 1667 г.).

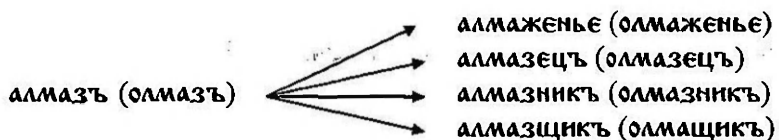
Степану олмашнику за олмаженье отъ 5 камней (Заб. Мат. I, 18. 1629 г.).

Да торговые люди кадашевецъ Козма Ивановъ, алмазщикъ Иванъ Кириловъ, смотрн камени хѳонта, сказали, что купцовъ на него въ Московскомъ госүдарствѣ не бүдетъ (ДАИ X, 372. 1695 г.).

Приведенные примеры показывают, что тюркские слова довольно успешно функционируют на страницах древних текстов, образовывая словообразовательные гнезда, где даже сами производные слова «подвергаются» процессу вариативности. Данный факт еще раз подтверждает успешное, активное функционирование тюркских слов в Древней Руси.

Деривативная активность анализируемого слова в русском языке древне- и среднерусского периода свидетельствует об его успешном функционировании на протяжении нескольких веков. Таким

образом, можно показать это слово в виде словообразовательного гнезда с вариативностью самого деривационного материала:

В.И. Даль приводит и другие примеры употребления слова «алмаз» в XIX веке: «*Это алмазецъ порядочный; это алмазикъ годный; это алмазишка дрянной; а вот алмазице царскій. «Алмазистый, алмазовидный, подобный ему, сходный съ нимъ».* По данному словарю мы узнаем, что *алмазникъ* — это «торгующій честны́ми каменьями», а *алмащикъ* — это «бриллианщикъ, ювелиръ, кто гранить алмазы или оправляетъ дорогие каменья».

В современном русском языке слова *алмазник*, *алмазчик*, *алмаженье* вышли из обиходного употребления, по всей видимости, их заменили слова *ювелир*, *ювелирный мастер*.

В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой находим следующую этимологию: «Огиенко считает *алмаз* древним иранским заимствованием тюрков (1915, 31). К тюркам слово *алмаз* попало от арабов (из греч.), впервые упоминается в Cod.Cum (Дмитриев, 1958, 38): Радлов *алмас* (тел.,¹ каз., кирг., казан., ком., кар.) 1. драгоценный камень; 1. сталь <...> 6. алмас (тел., каз., казан., тоб.) диамант (jalmas)»²²⁷.

В.Г. Демьянов анализирует слово «алмаз» и объясняет возникновение суффикса *-ень(е)*. Приведем некоторые фрагменты его анализа: «из тат. *almas* 'алмазъ', XVI—XVII вв. ~ 1472 г. → *алмаженье* («олмаженье», 1629 г., ж из з, поскольку название действия образовано от основы инф. на *-и*, которое перед суф. прич. *-ен-* переходило в йот, создавая условия для йотового смягчения предшествующей согласной см. Мейе [1951 § 401]; Селищев [1952 I 59]); поэтому можно видеть в этом суффиксе

²²⁷ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата: Наука, 1976. — С. 30.

морфемный блок *-ен-ье*) → *алмазець* 'ум. к алмазь', 1608 г. → *алмазикъ* 'ум. к алмазь' («алмазику», дат., 1649 г.) → *алмазиту* 'шлифовать (о драгоценных камнях)' («алмазять», XVI—XVII вв.) → *алмазникъ* 'шлифовщик драгоценных камней', ср. *алмазчикъ* («олмазникъ», XVII в. ~ 1534 г.) → *алмазный*, 'прил. к алмазь' («искръ алмазныхъ», 1676 г.) → *алмазовый* 'прил. к алмаз' («алмазовые камышки», 1614 г.) → *алмазчикъ* 'то же, что алмазникъ' («олмащику», 1629 г., «алмазчикъ», 1695 г.). Словообразовательная синонимия захватывает как синтаксический уровень (*алмаженье*, *алмазное дѣло*), так и обычный морфологический: суф. ум. *-ецъ(ь)*, *-икъ(ь)*, суф. деятеля *-никъ(ь)*, *-щикъ(ь)*, суф. относительности (в прил.): *-н-*, *-ов-*. Что касается суф. *-щикъ(ь)*, то он по происхождению из морфемного блока **ък-ик* и первоначально имел вид *-чикъ(ь)*, но вступая во взаимодействие с исходами основы на *-с*, *-з*, преобразовывался в *-щикъ(ь)* и в таком виде присоединялся к иным исходам основ: на *в*, *д*, [*ж*], *т*, *л*, *м*, *н*, *п*, *р*. Так было в самом начале ст.-русского периода (XV в.). Что касается всего ст.-русского периода XV—XVII вв., процесс преобразования морфемного стыка продолжает иметь место <...>. Слово *алмазчикъ* фиксируется в XVIII в. (1755 г., 1787 г.), в к. XVIII в. уже утверждается современный вариант *алмазникъ*. Что касается вар. *алмазный* и *алмазовый*, то последний, имея еще и краткую форму, более привычную для прит. прил., исчезает в самом начале XVIII в. (его первое десятилетие), заменяясь на совр. *алмазный*. Причины замены объясняются тем, что суф. *-н-* — более «чистый» в своем словообразовательном значении относительности в широком смысле, чем суф. *-ов-*, в котором еще помимо относительного значения (в чем он неотделим от суф. *-н-*) присутствует еще и значение притяжательности, что суф. *-н-* не свойственно»²²⁸.

Итак, «сложный путь» слова «алмаз» в русский язык можно показать в виде следующей схемы:

²²⁸ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. — М.: Наука, 2001. — С. 313.

латинский язык → греческий язык → арабский (или персидский) → тюркские языки → славянские языки (русский, украинский, белорусский, болгарский).

Однако и эта «карта» путешествия слова несовершенна, возможно, покажется гипотетичной, и требует дальнейших научных разысканий. Очевиден тот факт, что слово «алмаз» значительно пополнило лексический фонд современного русского языка, оно активно употребляется и даже является «самым первым» предметом для вдохновения, сравнения и восхищения, что можно представить иллюстративными материалами из поэтического корпуса русского языка:

«Бесценный алмаз, оброненный в ночи, Раб ищет при свете грошовой свечи, Но зорко он смотрит по пыльным дорогам, Он ковшиком держит сухую ладонь, От ветра и тьмы ограждая огонь — И знай: он с алмазом вернется к чертогам» (И.А. Бунин. Поэту (1915.08.27)).

«Горит алмаз, блестят короны, И вокруг соборов и дворца, Как юных листьев миллионы, Обращены к тебе сердца» (А.А. Фет. 15 мая 1883 года (1883.05.00)).

«Дорида милая, к чему убор блестящий, Гирлянды свежие, алмаз, огнем горящий, И ткани пышные, и пояс золотой, Упругий твой корсет, сжимающий собой Так жадно, пламенно твои красы молодые, Твой стройный, гибкий стан и перси наливные?» (А.Н. Майков. Дориде (1840.10.07)).

«В дали я видел сквозь туман, В снегах, горящих как алмаз, Седой, незыблемый Кавказ; И было сердцу моему Легко, не знаю почему» (М.Ю. Лермонтов. Мцыри (1839)).

«У русского царя в чертогах есть палата: Она не золотом, не бархатом богата; Не в ней алмаз венца хранится за стеклом: Но сверху до низу, во всю длину, кругом, Своею кистию свободной и широкой Ее разрисовал художник быстрою» (А.С. Пушкин. Полководец (1835)).

«Румян французских штукатура; Шатер, не шляпа на плечах; Под шалью тощая фигура, Вихры на лбу и на щеках, Одежды легкой подозренье; На перстне в десять крат алмаз: Все это смертным в удивленье, По свету возят на показ В карете модно-золоченой И называют — Альцидоной!» (В.А. Жуковский. «Румян французских штукатура...» (1806)).

*И вот уже славы
Высокий порог,
Но голос лукавый
Предостерег:
«Сюда ты вернешься,
Вернешься не раз,
Но снова споткнешься
О крепкий алмаз.
(А.А. Ахматова. Путем вся земля: «Прямо под ноги пулям...» (1940))*

*Он в звуке — всей любви рассказ.
Он — скрипки брызжащий алмаз.
Измыслит световой излом,
И брызнет дробным серебром.
(К.Д. Бальмонт. Соловей: «В той части леса, где поет, ...» (1892—1935))*

*Которое, — в который раз алмаз —
Алмаз звезды, звезды любви, низводит.
(Андрей Белый. Ты — тень теней: «Ты — тень теней... / Тебя не назову...» (1922))*

*точно льдом пахнуло
От нее на всех на нас —
Льдом полярным, правда, чистым
И прозрачным, как алмаз!
(А.Н. Майков. «Золотой архиепископ...» (1858—1859))*

В XX в. в русском языке деривативный потенциал слова *алмаз* не так уж активен и встречается лишь в следующих сочетаниях: *алмазная сень, алмазная грань, алмазное кольцо (ожерелье)*.

Лачуга

Наглядным примером «полного» освоения русским языком заимствованной лексики служит *лачуга* — слово тюркского происхождения, о чем свидетельствуют существующие этимологические словари русского языка (М.Фасмер, П.Я. Черных, Е.Н. Шипова и др.). Оно не сразу вошло в лексический фонд русского языка в своем современном единственном графемно-фонетическом виде. Так, данное слово начало употребляться на Руси с XIV в. и в текстах памятников русской письменности встречается в таких лексических вариантах, как *алачуга, олачуга (олачюга), лачуга (лачюга)*.

Примеры из словаря И.И. Срезневского:

Алачюга = олач҃҃га — лачуга, *gurgustum*:

Обрѣтоша въ поли повержены дворы нхѣ (татарѣ) и шатры нхѣ. и вежи нхѣ. а алачюги и телѣги нхѣ. Новг. IV. л. 1379 г. — Тюрк. *алачук*. См. *лачюга*²²⁹.

Раньше всех вариантов употреблялась лексема '*алачуга*', означавшая «род жилища у кочевников; небольшое временное сооружение для жилья, шалаш». Например, в Рогожском летописце — списке памятника середины XV в. — читаем:

Князь же великий на завѣтрне уже передъ обѣдомъ понде за ними татарами слѣдомъ нхѣ и погнаша нхѣ убѣжавшихъ далече, обрѣтоша бо въ полѣ повержены дворы нхѣ и шатры нхѣ и вежи нхѣ и юртовница и алачюгы и телѣгы нхѣ (Рог. Лет., 134).

В памятниках письменности разных жанров, а также в списках одного памятника мы находим употребление вариантов '*олачюга*'

²²⁹ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. — Т. 1. Ч. 1. А—Д. — М.: Книга, 1989.

и 'лачюга'. Например, в Летописи по воскресенскому списку, относящемуся к XIV в., имеется такое повествование:

Бѣ градѣ всѣ лачюги выгорѣша, понеже во не поспѣша ставляти хоромѣ послѣ вешняго пожара (Воскр. Лет. VIII, 226).

В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой встречаем такое толкование слова 'алачуга': «обл. (оренб.) *строение посреди двора у чувашей и татар для приготовления пищи в котлах* (СРНГ, 1, 232). Др.-рус. *алачюга, олачуга, лачуга* (с XIV в.); тюрк. *алачук* <...>²³⁰.

Интересно, что в данном же словаре лексический вариант 'лачуга' имеет несколько иной оттенок значения. Так, здесь он обозначает «бедное, убогое жилище, изба, хижина»²³¹.

Как видно далее из словарной статьи, нет никакого сомнения в том, что слово 'лачуга' в русский язык вошло из тюркских языков: оно существует в турецком, башкирском, азербайджанском, киргизском, казахском, узбекском и др. языках. В современном казахском языке 'лачуга' обозначает *лашық, күрке*²³².

Л.П. Крысин, в одной из работ, говоря об экзотизмах, отмечает, что указания на национальную специфичность предметов материальной культуры есть у слов ряда тематических групп, и среди названий жилищ он указывает на лексему *алачик* 'войлочный шатер эллиптической формы у тюркоязычных народов Передней Азии'²³³.

Как отмечают Н.К. Дмитриев, И.С. Козырев слово по всей вероятности в русский язык вошло из татарского, а начальное *а*, оказавшись в безударной позиции, отпало.

Мы уже говорили о многочисленных примерах вариантов тюркизмов с начальным *а* и *о*. Например, к ним относятся такие варианты, как *абабь* — *обабь*, *абаса* — *обаса*; *абызь* — *абаз* — *обызь* — *абыс* — *афызь* — *афазь*; *ага* — *ога*; *азямь* — *озямь*;

²³⁰ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата: Наука, 1976. — С. 29.

²³¹ Там же. — С. 220.

²³² Русско-казахский словарь. — Алматы: Арыс, 2007. — Т. 1. — С. 422.

²³³ Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — С. 40.

алафа — олафа; алмазь — олмазь; алтабась — олтабась; аманать — омонать; атлась — отлась; аргамакъ — оргамакъ — аргумакъ и т.д.

Однако, несмотря на то, что слово 'лачуга' прочно вошло в лексическую систему русского языка, оно не вошло в словарный фонд других славянских языков. В этом мы убеждаемся по «Историко-этимологическому словарю русского языка» П.Я. Черных, где представлено следующее объяснение:

«Лачуга — “убогое, бедное жилище”. В других славянских языках отсутствует. <...> Др.-рус. алачуга — “шатер”, “палатка” (напр., татарская). <...> Форму с начальным (впоследствии отпавшим) *a* следует считать старшей. Слово тюркское. Ср. каз.-тат., крым.-тат. *алачык* — “шалаш” (из ветвей), “балаган”, также “кузница”; кирг. *алачык* — “маленькая юрта”, “шалаш”, “лачуга”; азерб. *алачыг*: *алачуг* — “войлочная кибитка”; каракалп. *ылашык* — “шалаш”. <...> В тюркских языках известно с XI в. (в форме *алаши* и в знач. “шатер”))»²³⁴.

В современном русском языке слово 'лачуга' употребляется очень активно и широко. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры употребления данного слова в художественной литературе. Приведем лишь некоторые из них:

«Никто с нами не разговаривал, никто не принимал, никто не узнавал, во всяком случае, в публичных местах. Но потихоньку еще старались помочь. Так, театральный администратор устроил нам комнату у театральной портнихи. Дом стоял на горе над рекой — вросшая в землю лачуга. С площадки около дома мы видели противоположный берег с полоской леса. Мальчишки слетали на саночках прямо к реке. Этот пейзаж все время стоял перед глазами, и О.М. то упоминал его, то проклинал в стихах, и все им любовался» (Надежда Мандельштам. Воспоминания (1960—1970)).

«Почему не замок, не палаты, не хоромы, не чертог? Почему многие переводчики всегда пишут о человеке — худож, а не сухопа-

²³⁴ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. — С. 470.

рый, не худощавый, не тщедушный, не щуплый, не тощий? Почему не стужа, а холод? Не лачуга, не хибарка, а хижина? Не каверза, не подвох, а интрига? Почему печаль всегда печаль, а не скорбь, не тоска, не кручина, не грусть? Плохие переводчики думают, что девушки бывают только красивые» (К.И. Чуковский. Высокое искусство (1968)).

«Не могу припомнить, как я узнал эту историю о парижском мусорщике Жане Шамете. Шамет зарабатывал на существование тем, что прибирал ремесленные мастерские в своем квартале. Жил Шамет в лачуге на окраине города. Конечно, можно было бы обстоятельно описать эту окраину и тем самым увести читателя в сторону от основной нити рассказа. Но, пожалуй, стоит только упомянуть, что до сих пор в предместьях Парижа сохранились старые крепостные валы. В то время, когда происходило действие этого рассказа, валы были еще покрыты зарослями жимолости и боярышника и в них гнездились птицы. Лачуга мусорщика приткнулась к подножию северного крепостного вала рядом с домишками жестяяничиков, сапожников, собирателей окурков и нищих. Если бы Мопассан заинтересовался жизнью обитателей этих лачуг, то, пожалуй, написал бы еще несколько превосходных рассказов. Может быть, они прибавили бы новые лавры к его устоявшейся славе. К сожалению, никто из посторонних не заглядывал в эти места, кроме сыщиков» (К.Г. Паустовский. Золотая роза (1955)).

«Последнее название было присвоено ей благодаря недалекому озеру. — Mademoiselle, позвольте выпить за ваше здоровье! — галантно предлагал Пепко тост. Миловидная девушка только улыбнулась, а с ней вместе улыбнулось и все остальное — и парк, и озеро, и даже наша лачуга в Третьем Парголове. XV Переезд на дачу составлял дело одного дня. Два чемодана, две подушки, два одеяла, две лампы и гитара» (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко (1894)).

Церковка здесь бедная, потому что и весь-то фабричный городок — только слава, что город, а на деле — лачуга к лачуге,

плеть к плетню (С.Д. Мстиславский. Грач — птица весенняя (1937)).

На обрыве, притулившись к серой, обдутой ветрами скале, стояла почерневшая лачуга (В.Я. Шипков. Угрюм-река. Ч. 1—4 (1913—1932)).

Лачуга, построенная давным-давно отставным солдатом, переходила несколько раз от одного хозяина к другому, пока, наконец, лет десять назад не сделалась собственностью одной старухи, черневской уроженки; она занималась знахарством и жила совершенно одиноко (Д.В. Григорович. Переселенцы (1855—1856)).

Как видно из примеров, деривативный потенциал слова *лачуга* в современном русском языке не такой активный, слово употребляется в своем первоначальном заимствованном виде, какой он имел при формальной адаптации.

Вслед за тюркизмами, русский язык заимствует огромный пласт западноевропеизмов, затем интернационализмов (с греческого и латинского языков); советизмов, а в XX—XXI вв. в русский язык поступает огромный поток англицизмов.

Е.В. Маринова указывает на две яркие особенности словообразовательной адаптации заимствуемых слов на современном этапе: во-первых, она имеет ускоренный характер; об этом свидетельствует интенсивное формирование на базе многих иноязычных неологизмов (*рейтинг, пиар, компьютер, менеджмент, спонсор* и др.) словообразовательных гнезд; во-вторых, в зависимости от того, какое место занимает иноязычное слово в словообразовательной системе принимающего языка, его адаптация на этом языковом уровне проявляется в двух формах — активной и пассивной.

«Об активной словообразовательной адаптации можно говорить в том случае, когда иноязычный неологизм становится **производящим словом** для новых лексических единиц, вершиной, или центром, нового словообразовательного гнезда, т.е. участвует в деривации (*бренд > брендовый; имидж > имиджевый; роуминг > роуминговый* и т.п.). **Пассивная** словообразовательная адаптация протекает иначе: иноязычный неологизм уже в момент заимство-

вания представляет собой в словообразовательной системе языка-реципиента **производное слово**, т.е. входит в отношения производности с однокоренным словом, заимствованным ранее. Такой форме адаптации подвергаются иноязычные слова, которые мы отнесли к группе мотивированных заимствований. См., например, англицизмы *банкинг* (ср. *банк*); *брендинг* (ср. *бренд*); *имиджмейкер* (ср. *имидж*); *роумер* (ср. *роуминг*) и др. В системе принимающего языка они не являются «продуктом» деривационного процесса (в деривации участвовал их этимон в языке-источнике). Их адаптация заключается в том, что, оказываясь с синхронической точки зрения производными словами, они занимают определённое место в словообразовательной системе языка-реципиента (в качестве члена словообразовательной пары, ряда или гнезда)²³⁵.

²³⁵ Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008. — С. 37.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ТЮРКИЗМОВ НА РУБЕЖЕ XI—XXI ВВ.

3.1. Начальный этап заимствования: XI—XVIII вв.

В истории русского языка, как и в истории других языков наряду с вариативностью наблюдается интереснейшее явление для исторической лексикологии и исторической лексикографии — глоссирование как процесс, позволяющий дать определение непонятной, малоизвестной языковой единице. В лингвистической литературе данный процесс связан с уникальным явлением, феноменом текста — глоссами. Данное явление представлено в трудах российских (Г.С. Баранкова, И.В. Грибанова, Л.С. Ковтун) и казахстанских ученых (Н.И. Гайнуллина, Н.Ж. Шаймерденова). Однако полного свода глосс к памятникам письменности до сих пор не существует. На глоссы обращали внимание выдающиеся лингвисты прошлого столетия, которые в Картотеке ДРС XI—XVII вв. оставили свои выписки.

Глосса (др.-греч. γλῶσσα — язык, речь) — иноязычное или непонятное слово в тексте книги с толкованием, помещённым либо над самим словом, либо под ним, либо рядом на полях. Собрание глосс называется «глоссарий». Впервые глоссы применяли греки при изучении поэзии Гомера, затем — при толковании непонятных мест в Библии, а также текстов юридического характера. Начиная с VI—VIII вв., в текстах встречались латинские глоссы, впоследствии вместе с латинскими применялись германские, романские и кельтские толкования. Глоссы объединялись в словари-глоссарии, известные на Руси как азбуковники. Известны двойные и даже тройные глоссы²³⁶.

²³⁶ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 107.

Согласно И.В. Грибановой, глоссами являются «пояснения на полях старопечатной книги, даваемые с целью разъяснения какого-либо места, или для пояснения слова, или отсылки к другим памятникам»²³⁷. Такие глоссы являются наиболее древним типом глосс и называются маргинальными.

В древнерусской письменности прием глоссирования использовался широко. Сначала он применяется в церковно-богослужебных книгах, а в дальнейшем употребляется в других видах литературы и прослеживается во всех письменных памятниках, включая и деловые. Как отмечает Н.Ж. Шаймерденова: «... глоссы представляют собой тот необходимый материал, который может быть использован как аутентичный показатель синонимических отношений между словами на разных этапах истории языка. Поскольку синонимические отношения являются следствием развития самой лексической системы языка, то и более длительное функционирование поясняемых слов и их глосс может привести к постепенному переходу от отношений аналогии, устанавливаемых между словами, к отношениям синонимии»²³⁸.

Обращаясь к проблеме вариантов и глосс, сравним эти два понятия. Так, в отличие от вариантов глоссы в оригинальных и переводных текстах письменности присоединяются к поясняемому слову посредством «рекше», «сиречь», «иже есть» и т.д. или даются на полях и между строк. В греческих текстах встречаются слова *καί, ἤτοι, ὅς*, которые в памятниках переводной письменности в переводе означают «рекше», «сиречь», «иже есть»²³⁹. В современном русском языке эти слова выступают в значении «то есть», «а именно» и т.д.

Вслед за Н.Ж. Шаймерденовой в работе термин «глоссы» применяется лишь для обозначения толкований неизвестных, малопонятных слов и выражений, написанных на полях, между строк или внутри текста древних рукописей и старопечатных книг. В своей монографии «Глоссы как феномен текста» она приводит

²³⁷ Цит. по: Шаймерденова Н.Ж. Глоссы как феномен текста. — Алматы: Борки, 1997. — С. 9.

²³⁸ Там же. — С. 46

²³⁹ Там же.

интересные примеры глоссирования языковых единиц различного происхождения, начиная с древнегреческих и до древнерусских. Вместе с тем, спорадически ею включаются и тюркизмы, однако, не в полном объеме. Мы попытались, обратившись к Картотеке Словаря русского языка XI—XVII вв. и к некоторым памятникам письменности, выявить случаи глоссирования тюркизмов и дополнить материалы, представленные Н.Ж. Шаймерденовой, что позволило воссоздать наиболее полную картину начального этапа заимствования тюркизмов русским языком.

В следующих примерах можно увидеть, как посредством глосс тюркизмы входили в русский язык, какое толкование они приобретали в том или ином контексте. Итак, приведем глоссирование тюркизмов:

А за теми пашами шла концына, многия пашы и тайшны, а по русски князи и бояра, числомъ пять тысячъ в драгомъ одъянии, украшены златомъ и серебромъ, въ бархатѣ и в отласѣ (Аз. пов. (сказ.). 48)

Тутъ древо есть чинаръ, на торгѣ противъ воротъ большихъ городовыхъ, а ветви того дерева на семи столбахъ мрамора белаго, да сорокъ столбовъ деревянныхъ (Арс. Сух. 26)

Хановѣ казначею, а по ихъ языку первоначею, Тари-Бердею сукны и лисицы на 26 рублевъ (Рус.-инд. отн., № 164. IV, 229. 1678 г.) и т.д.

Отпѣскалъ онъ [Пашков] сына своего Бремѣя в Мунгалское царство воевать, казаковъ с нимъ 72 человекъ да иноземцовъ 20 человекъ, и заставлялъ иноземца шаманить, срѣчь гадать: удасться ли имъ и с побѣдою ли будутъ домой? (Ав. Ж., 34. 1672—1673 гг.).

Тюркизмы могут как глоссироваться при их первом упоминании в тексте и выступать в качестве поясняемого слова, так и выступать для толкования других неизвестных или малопонятных лексических единиц, приведем, к примеру, слова днба — байбере

чикъ, банрамъ науръсъ — новои годъ, вино — аракъ в следую-
щих иллюстрациях:

Днеба золотная на одно лицо золото, шолкъ рѹдожолтъ, а по
русски байберечникъ (Посольство Васильчикова, 196. 1593 г.)

И тотъ ѹ пихъ праздникъ зовѹтъ банрамъ науръсъ, а по
нашемѹ новои годъ (Х. Котова, 102. 1624 г.)

Тѹнгѹсы... сказали, что много ѹ того Лавкая съ братьями
хѹлѹва всякого... и вина, а по ихъ арака (ДАИ III, 103. 1647 г.).

При этом наблюдается графическое варьирование самого тюр-
кизма, которое глоссируется.

В памятниках письменности, как в предыдущих, так и в следу-
ющем примере, раскрытие иноязычных слов осуществляется путем
подбора эквивалента в русском языке:

И призвали они къ себѣ вольшаго ихъ авыза рекъше поиа,
нменемъ Ендона (Хроногр. Изб. А. Попова) Мат. Арх. сл. IV (2).
179. 1493).

Отметим, что само поясняемое слово **авызъ**, которое обознача-
ет «священнослужителя у мусульман (имам, мулла)», встречается
в памятниках русской письменности в различных вариантах, как
абаз, **обызъ**, **авыс**²⁴⁰, **афызъ**, **афазъ**:

• *абаз*: **Абне изыдоша во срѣтѣние нашихъ абазы ихъ,
сенты, молвы, предъ великимъ вискупомъ ихъ, а по ихъ съ
великимъ... амиромъ, нмянемъ Кѹлшерифъмолвою** (Курб. Ист.,
198. XVII в. ~ XVI в.);

• *обызъ*: **Въ тѹ порѹ пришолъ Абдѹлы царя бѹхарского по-
солъ... А кречатникъ... и попишко того не вѣдали, что онъ по-
солъ: чаяли шахов овызъ** (Посольство Тюфякина, 440, 1599);

²⁴⁰ Данный вариант отмечен в Словаре русского языка XI—XVII вв. без
иллюстрации, поэтому он включается в вариантный ряд без примера.

• *афызъ*: Царь Магмедъ-Гирей... своего посла послалъ къ тебѣ ко государю янчюрю дѣвана..., а... съ нимъ послалъ Азизъ къ афыза (Крым. д. П, 147, 1515 г.);

• *афаз*: Вся земля Казаньская... шихзады и молзады имамы, азии, афазы, князи... тебѣ, государю, челомъ биятъ. (Ник. лет. XIII, 167).

Существование глоссы в памятниках письменности исследователи объясняют тем, что слово в языке не было освоено и вследствие этого требовало толкований или пояснения. Однако здесь следует учитывать факт, отмеченный Л.С. Ковтун, что глоссы можно увидеть и при самых обычных словах, в понимании которых нельзя усомниться и которые имели широкое хождение в древней письменности. Появление глосс, которые были введены переводчиками, справщиками и копиистами, могло быть вызвано многими причинами, например, следующими: глоссы «предназначены не только для читателей рукописных книг, а имели и профессиональный интерес: варианты приводились для того, чтобы показать, какой из произвольников был предпочтен другим, из каких материалов был сделан выбор. Тем самым давалось обоснование этого выбора, но вместе с тем предоставлялась возможность пересмотреть его, уточнить при переписке или новом переводе достигнутый результат»²⁴¹.

Лексическая вариативность тюркизмов в памятниках письменности — широко распространенное явление. Как видно из следующих иллюстративных материалов слово *киндякъ* «один из видов хлопчатобумажной ткани» варьируется как в тексте одного памятника и в различных его списках, сравним, например, следующие фрагменты из «Хождения за три моря Афанасия Никитина»:

1. Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а товаръ в нем все дѣлают алачи, да пестреди, да киндяки [по вар.] да чинят краску нил (Х. Афан. Никит., 42. XVI в. ~ 1472 г.);

2. А Камбаятъ же пристанище Индѣйскому морю всему, а товаръ в немъ все дѣлають алачи, да пестреди, да канѣда-

²⁴¹ Ковтун Л.С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. — Л.: Наука, 1977. — С. 9.

ни, да чинятъ краску ниль (Х. Афан. Никит., 21. XV—XVI вв.: ~ 1472 г.);

3. Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а топарь в нем все дѣлают алачи, да пестредни, да киндяни да чинят краску нил (Х. Афан. Никит., 42. XVI в. ~ 1472 г.),

так и в памятниках различных жанров. При этом варианты, полностью совпадая в своем значении, различаются фонематическим и собственно лексическим типом:

Да отъ Шамахъ же с полъ агача [вар. версты съ полъ третья] на полночь стоятъ два сада (Х. Котова. 82. 1624 г.);

У нашего государя флъ алафу крымской царь н нынѣшней пангъ государь царю крымскому олафы не прислалъ (Крым. л. II, 678. 1521 г.);

Варианты и такие сопредельные понятия как глоссы, синонимы, дублиеты обозначают явления, имеющие много общего между собой, однако они указывают на одну какую-нибудь существенную сторону исследуемого языкового процесса. Между ними существуют едва заметные границы, определить которые можно при тщательном изучении контекста.

Одним из свидетельств успешной адаптации тюркизмов в XVII в. является их употребление в публицистических произведениях. Так, Г.Х. Гилазетдиновой в результате исследования публицистических текстов Аввакума было выявлено свыше 60 восточных слов. Предметно-тематическое распределение которых позволило исследователю выявить следующие группы:

1) наименования лиц (*вор, палач, товарищ, толмач* 'переводчик', *хозяин*);

2) животный и растительный мир (*баран, кабан, слон, собака; крагуи, саранча, таракан; хмель*);

3) военно-политическая терминология (*аманат* 'заложник', *ясырь* 'пленный', *караул, орда*);

4) оружие (*сабля, чекан* 'боевой топор');

- 5) предметы домашнего обихода (*базлук* 'род подковы с шипами для хождения по льду', *батог* 'палка');
- 6) драгоценные камни (*бисер, жемчуг*);
- 7) музыкальные инструменты (*барабан, домра*);
- 8) сосуды,местилища (*ковчег* 'ящик, ларец', *сундук, чемодан*);
- 9) одежда, головные уборы, обувь (*зепь* 'карман', *кафтан, шуба; клобук, шапка, сапоги*);
- 10) коневодческая лексика (*аргамак, лошадь*);
- 11) сооружения (*тюрьма, чертог*);
- 12) наименования мер длины (*аршин*) и др.²⁴²

Согласно Г.Х. Гилязетдиновой, «важен тот факт, что практически все ориентализмы на стадии вхождения функционировали в качестве экзотизмов. Однако отдельные ориентализмы так и не преодолели второго этапа освоения в системе заимствующего языка, сохраняя свою экзотичность. Обычно это религиозная, социальная терминология, наименования предметов восточного быта, растений и др. Ср.: *абыз* 'священнослужитель у мусульман', *ага* 'военачальник (у турок, крымских татар, ногайцев)', *аракчин* 'шапочка, тюбетейка', *имилдеш, карач / корач* 'представитель высшей знати у крымских и казанских татар, советник хана', *кешиш* 'священник', *мулла, намаз, принч* 'рис', *тафья* 'маленькая круглая шапочка, род тюбетейки', *чалма, хан* и др.»²⁴³.

Процесс понимания составляет фундаментальную проблему познавательной и коммуникативной деятельности человека. Средством манипулирования пониманием издревле были глоссы, что отмечалось еще античной наукой. Глоссирование тюркизмов наблюдается в текстах памятников письменности на протяжении XI—XVII вв., свидетельствуя о непрекращающемся процессе семантической адаптации слова. А появившиеся варианты тюркизмов (и фонематические и лексические) в отличие от глосс занимают промежуточное положение в языке, как бы

²⁴² Гилязетдинова Г.Х. Функциональные особенности тюркизмов в публицистических произведениях XVII века (на материале сочинений Протопопа Аввакума) // Мат-лы междунар. конф. «Ахановские чтения»: Язык—Общество—Время. — Алматы: Казак университети, 2010. — Т. 2. — С. 158.

²⁴³ Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011. — С. 17.

«преходящее» и «уходящее», поскольку в процессе «борьбы» вариантов выявляется наиболее частотный вариант слова — доминирующий, который возможно в дальнейшем употребляется в языке, а в качестве заголовочного слова словарной статьи отражается в лексикографических источниках исторического и этимологического типа.

На начальном этапе вхождения в лексико-семантическую систему русского языка тюркизмы проходят две стадии: 1) функционирование в качестве экзотизма, когда слово употребляется для обозначения ранее неизвестных для носителей русского языка реалий, понятий; 2) утрата восточным заимствованием экзотической окраски и окончательное включение его в систему русского языка.

3.2. Семантизация тюркизмов: формирование нового лексического значения

Взаимодействие языков начинается на семантическом уровне, проявляясь в проникновении лексем одного языка в тексты, созданные на другом языке. На первых порах значение таким лексем семантизируется, а по мере их адаптации в принимающем языке необходимость в комментариях отпадает.

Согласно Н.Ж. Шаймерденовой, «семантизация (от греч. *se-manticos* — обозначающий) — выявление семантики лексической единицы в научных, научно-публицистических и художественных текстах; процесс и результат сообщения необходимых сведений о содержательной стороне лексической единицы»²⁴⁴.

Изменение семантики слова отличается от деривации тем, что это, как правило, не одномоментный акт, а результат накопления нового в недрах старого. Обращение к вопросам семантической адаптации тюркизмов в широком хронологическом диапазоне с XI по XXI в. позволяет судить о том, что человечество с древних времен овладело действенными инструментами и механизмом понимания, выявления и раскрытия смысла познаваемого объекта, в

²⁴⁴ Шаймерденова Н.Ж. Экспликация семантики лексических единиц. — Алматы: Казак университеті, 2003. — С. 87.

частности, с помощью раскрытия семантики той или иной лексики, отражающей определенную реалию.

Таким средством, инструментом, согласно Н.Ж. Шаймерденовой, является экспликация семантики лексических единиц, выраженная в метаязыковом плане в виде глосс (относительно древних письменных источников) и в виде семантизации, комментирования (относительно современных текстов): «Глоссы нашли свое дальнейшее развитие в семантизации лексических единиц, что может быть представлено в подстрочных и внетекстовых комментариях. Из этого следует, что данные понятия исторически соотносимы. Надо отметить, что практически в мире нет ни одного издания, в котором в той или иной форме не присутствовал бы комментарий. Причем от издания к изданию эти комментарии могли видоизменяться, что в свою очередь ведет к определенной языковой адаптации текста в более поздний период»²⁴⁵.

Филологическое толкование текста, в котором глоссы (разнообразные в структурно-типологическом отношении) составляли экспликацию семантики лексических единиц древнейшего периода (XI—XVIII вв.), получило свое дальнейшее развитие и распространение в виде семантизации лексем в новорусский период (XVIII—XX вв.). Вследствие этого многие тюркизмы, вошедшие в русский язык, характеризуются постепенной утратой первоначального значения и/или сужением сферы употребления какого-либо понятия в современном русском языке. Рассмотрим несколько примеров.

Тюркское слово *тамга* в значении ‘печать’, ‘ханская печать’ употреблялось со второй половины XIII века. В русском языке слово *тамга* приобрело новое значение — ‘торговая пошлина’, в котором это слово зафиксировано в первой, дошедшей до нас грамоте Ивана Калиты (1328 г.):

«А тамгою и иными волостми городьскими подъяются с монѣ мон».

²⁴⁵ Шаймерденова Н.Ж. Экспликация семантики лексических единиц. — Алматы: Казак университети, 2003. — С. 87.

В этом значении слово *тамга* бытует в русском языке до XIX в. Но, как мы приводили примеры в предыдущем параграфе, в XIV в. от слова *тамга* появляются такие производные, как *таможник* (*таможницы*) ‘сборщик золотоордынской подати’, ‘сборщик торговой пошлины’; *протамга* (конец XV в.) ‘пеня за неявку на таможене’; *протаможье* (XV в.) ‘пеня за незаконный провоз товаров без уплаты пошлины’; *протаможитися* ‘быть обвиненным в незаконном провозе товара’.

Слово *мишень* с уменьшительной формой *мишенец* в значении ‘печать’, ‘круглая пластинка’ употребляется с конца XIV в. — начала XV в. Однако в дальнейшем слово *мишень* приобретает новое значение — это ‘цель для стрельбы’.

Значительная часть тюркизмов со временем приобретает стилистическую окраску, другая часть порождает варианты русских параллелей эмоционально-уничижительного характера, следующие же приобретают отрицательно-оценочное значение.

Например, *бирюк* — *нелюдимый человек, о толстом человеке, ишак* — *упрямый, колпак* — *простак, тюфяк* — *о вялом, нерасторопном, безвольном человеке, баран* — *глупый человек, упрямый человек, кабак* — *о шуме, беспорядке, балахон* — *широкая не по размеру одежда* и т.д.

Слово *кабальный*, образованный от тюркизма *кабала* ‘письменное долговое обязательство’ применяется со второй половины XIV в. В дальнейшем своем развитии слово *кабала* приобрело новое значение — ‘тяжелая зависимость’, но это произошло за пределами рассматриваемого периода²⁴⁶.

Также обстоит дело со словом *кандалы*, означавшем изначально ‘железное кольцо с цепями, надеваемое на руки и ноги заключенным’, а в современном русском языке наблюдается употребление кроме первого значения и в переносном смысле, как ‘узы, оковы, путы, какое-либо ограничение для человека’.

Сужение значения и сферы употребления тюркизма в современном русском языке можно увидеть на примере слова *рундук*, встре-

²⁴⁶ Аракин В.Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974.

чающегося в памятниках письменности в виде вариантов *урундук* и *орондук*.

Къ новой съѣзжей избѣ къ рундукѣ, на шатеръ двойной...
60 вревенъ... къ каланчѣ на подвязи 8 слегъ (Арх. бум. Петра, I, 367. 1693 г.).

Словарь русского языка XI—XVII вв.²⁴⁷ свидетельствует, что слово *рундук* применялось в нескольких значениях:

1. Возвышение; возвышенная площадка, помост:

А салтан сидел на рундуке на крае, а под ним был тюшак золотной (Ст. сп. Новосильцева, 78. 1570 г.);

Въ Кремлѣ городѣ [мостятся] рундуки отъ соборные церкви Пречистые Богородицы до церкви Благовѣщення, а отъ Благовѣщення до церкви Архангела Михаила, а отъ Архангела Михаила до соборные церкви (АИ IV, 26. 1648 г.). || *Возвышение со ступеньками перед входом; крыльцо. А какъ послы вошли въ сѣни, и встрѣтилъ ихъ, вышелъ изъ избы, на рундукѣ, передъ дверми, околничей Олексѣй Даниловичъ Плещеевъ.* (Польск. д. II, 401. 1553 г.).

2. Большой ящик, ларь, служащий также подставкой:

Дѣлолъ мастеръ в чюлане рундукъ да прилавочакъ да дк! полицы (Гр. Дв. I, 891. 1614 г.).

Лесникѣ... за 13 досокъ липовыхъ 20 ал<тын>... дано, дѣлолъ въ передней казенке рундукъ на бумагѣ (Кн. прих. расх. Моск., 273. 1615 г.).

3. Прилавок для мелкой торговли, торговый ларь:

А мѣрою тово моево под тем рундуком мѣста длинна сажень<ъ> с локтемъ, а поперек пол сажени (Калуж. а.ж. 48. 1671 г.).

²⁴⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. — М.: Наука, 1975—2003. Вып. 1—26.

В данном лексикографическом издании имеется также отсылочная помета «Ср. *урунду́к*», однако, возможно, отсутствие варианта *орондук* является упущением лексикографов, в то время как М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» отмечает вариант *орондук* со значением «подушка»²⁴⁸. Вариант *рунду́к* произошел от слова *орундук*, что значит «сиденье, стул» из *орун*, которое во многих тюркских языках и диалектах (каз., казан., крым., ком., тат., уйг., чаг. и т.д.) обозначает «место, ложе» и суффикса *-лык*.

В современном русском языке слово *рунду́к* представлено с пометой «устар.» и толкуется как «большой ларь с поднимающейся крышкой»²⁴⁹. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово *рунду́к* обозначает «возвышение со ступеньками», «прилавок с ящиками (на рынке, в каюте, у штурвала)», «большой ларь (одновременно скамья)», «сиденье», яросл., череповецк., вологодск. (Даль, Герасим.), донск. (Миртов), «крыльцо», перм., владим., новгор. (Даль), укр. *рунду́к* «крыльцо, стойка, прилавок», блр. *рунду́к* «длинный сундук, ящик для снопов в амбаре», смол. (Добровольский), др. — русск. *орондук* «подушка» (Сказ. Мам. 26) и, кроме того, приводится этимология, свидетельствующая о его тюркском происхождении: *orunduk* «подушка, подкладка, лежанка, сиденье», тат. *игундук* «сиденье»²⁵⁰.

Выполненный анализ показывает, что заимствованное слово *рунду́к* во многих диалектах имеет несколько значений, многие из которых различаются лишь некоторыми оттенками. Многозначность заимствованных слов в словарях и различных исследованиях объясняется, по мнению И.Г. Добродомова, слабой изученностью лексики в диалектах разных тюркских языков, что «затрудняет достижение точных и определенных выводов». Исследователь от-

²⁴⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1986—1987. — Т. IV. — С. 153.

²⁴⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР И.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986. — С. 598.

²⁵⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1986—1987. — Т. IV. — С. 517.

мечает: «“Опыт словаря тюркских наречий” В.В. Радлова охватывает далеко не все тюркские языки, а существующие переводные двуязычные словари тюркских языков обычно не отражают лексику всего языка, ограничиваясь лишь лексикой литературного языка»²⁵¹.

В следующих иллюстрациях, эксцерпированных из памятников письменности, демонстрируется употребление варьирующихся слов *урундук-рундук* в одном контексте:

...А въ комнатѣ зделанъ урундукъ въ поясъ человекъ, да усланъ коврами, а рундуке воевода седитъ на мѣсте... (Х. дивака Тр. Кор. 79).

О наличии слова *урундук* в Сказании о Мамаевом побоище писал также В.Д. Аракин, например:

Кыни ж... взыде въ... теремъ в набережный и сяде на урундуке под стекочяты окны... (Ск. о Мам. поб. (III)).

В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой тюркизм *рундук* представлен двумя толкованиями, где в первом значении это — «большой сундук, ларь с поднимающейся крышкой», во втором — это слово с пометой «старинное» обозначает «возвышенную площадку, помост со ступенями, в третьем — с пометой «областное» обозначает «(яросл., влад.) крыльцо, сени, мост // (перм.) нижняя площадка сенного крыльца // (новг.) крытые сенцы // (сиб., южн.) порог дверной»²⁵². Как видим, данная лексическая единица широко употреблялась во многих областях Руси с разной семантикой.

Довольно часто тюркизм *рундук* в значении «какой-либо предмет» встречается в приходе-расходных книгах Владимирского края. Например:

²⁵¹ Добродомов И.Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. — М., 1967. — С. 364—374.

²⁵² Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата: Наука, 1976. — С. 265.

Того ж числа он же Стенка Загряскон явил купчюю а в том ево купчей написано володимерець посацкон члвкъ Монѣико Мартынов продал рундук и с мѣстом в соляном руду ему Стенке Загряскому а взял он Монѣико за тот коп рундукъ и за мѣсто у нег Стенки пят рублев с полтиною а в межах тот ево рундук и рундушное мѣсто под рундука Микифорка Шумилова а по другую сторону Андришки Янина... (Кн. зап. куп. и иных креп. влад. пр. из. 89, 133 об.);

Июля въ кѹ де по приказу властен куплено / у сздалцовъ посадъскихъ людей у Сергея Крохана у Ивана Смирнова шесть тысяч девятьсотъ пятьдесятъ гвозден шдъ нотесѹ на те ж выписанные кели и на сени и на чардаки и на рундѹки на крышки (Пр.-расх. кн. Сузд. Покр. мон. 88, 42 об.).

Как было отмечено ранее, многие тюркизмы под влиянием русского языка «обрастают» производными. Слово *рундук* также имеет производные *рундушный*, *рундучекъ*, имеющие варианты *рундучный* и *рундучокъ*, что отмечено в Словаре русского языка XI—XVII вв.

Р.Г. Гатаулина, фиксируя время вхождения слова *рундук* — XVI в., отмечает значения «сиденье», «горизонтальная площадка крыльца». Эти толкования относятся к «словам, употреблявшимся в языке-источнике в качестве наименований совершенно других понятий, так как пополнение строительной лексики осуществлялось и за счет таких заимствований». Исследователь утверждает, что в тюркских языках слово «рундук» имело значение «подушка, подкладка, лежанка, сиденье»²⁵³.

А.Г. Сагитова в своих исследованиях тюркизм *рундук* наряду со словами *войлок*, *келим*, *кошма*, *палас*, *сундук*, *тахта*, *тюфяк* относит к названиям предметов домашнего убранства, мебели, спальных принадлежностей²⁵⁴.

²⁵³ Гатаулина Р.Г. Тюркизмы в русских названиях построек и строительного дела: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1987. — С. 5.

²⁵⁴ Сагитова А.Г. Тюркизмы в названиях предметов домашнего обихода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 1992. — С. 6.

Таким образом, анализ слова *рундук* дает основания считать, что оно широко употреблялось в среднерусский период. На это указывает частотность фиксации этого слова в памятниках русской письменности.

Для многих тюркизмов, употреблявшихся в русском языке, как отмечает А.Г. Сагитова, характерно приобретение в дальнейшем терминологических значений²⁵⁵, многие заимствования вошли в сферу профессиональных слов. Немаловажное значение при этом имеет не только «обозначающее что-либо» слово, но и сам предмет, его специфические особенности, которые тоже менялись с течением времени.

Лексема *рундук* в современном русском языке применяется в технической терминологии с соответствующими значениями («спин-денье, лежанка», «большой ларь, с поднимающейся крышкой»); «диван-рундук», «рундук с крышкой для якорной цепи и веревки», «рундук под кормовым диваном на кокпите» существует в моторных судах и катерах.

Однако не все тюркизмы входят в общеупотребительный состав русского языка, некоторые из них распространены в русских народных говорах.

В ряде лексических вариантов фонематического типа *урундук*, *орондук-рундук* в качестве доминанты принимается наиболее частотный вариант *рундук*, который и зафиксирован в лексикографических источниках в заголовочном слове словарной статьи.

Согласно исследованиям Р.А. Юналеевой, к концу XVIII в. в лексико-семантической системе русского языка отчетливо проявляется процесс архаизации, утраты значений и самих лексем, вызванный тенденцией к преодолению избыточности словарного состава²⁵⁶. Для многих тюркских заимствований характерна архаизация с последующей утратой самих лексем, основной причиной которой явилось ослабление активности и выход из употребления из-за устаревания самой реалии. К примеру, *толмач*, *арак(и)*,

²⁵⁵ Сагитова А.Г. Тюркизмы в названиях предметов домашнего обихода // автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 1992. — С. 14.

²⁵⁶ Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). — Казань: Таглимат, 2000. — С. 11.

дефтер, епанча, клобук, миндер, тамга, тафья, терлик, ферязь, ям, а с другой стороны, произошла замена тюркизмов словами из других (европейских) языков (*башмаки* — ботинки, *штаны* — брюки).

«В разносторонних лексико-семантических преобразованиях, происходящих в русском литературном языке, начиная с первой трети XVIII в. и далее, особенно показательным выступал процесс развития переносных значений, который был характерен как для исконно русских слов, так и заимствованных слов. Тюркизм, как и западноевропейским заимствованиям, свойственны изменения в семантике, способствующие выходу за пределы первоначальной сферы функционирования»²⁵⁷.

При этом тюркизмы переходят в сферу специальной терминологии, могут сохраниться в отдельных регионах или говорах. Они приобретают переносные значения и проникают в пределы различных терминологических систем, сферу отвлеченных понятий и представлений.

Например, в данных словах представлено их первоначальное значение и современное переносное значение:

серьги ‘украшение’ → ‘отростки у петуха и курицы под шеей’, ‘цветы’;

колпак ‘вид головного убора’ → ‘абажур’, ‘сачок для ловли рыб’;

кайма ‘деталь одежды’ → ‘узкая полоса чего-либо’;

штаны ‘вид одежды’ → ‘соединение дымоходов’, ‘форма обшивки корабля’ и т.д.²⁵⁸

«... тюркизмы во «внутрипластовом» плане, — пишет Р.А. Юнаева, — явились и долгое время были единственным средством номинации и отражали период лексико-семантической недостаточности. В дальнейшем, вживаясь в русский язык, обрастая переносными значениями, в «межпластовом» плане тюркизмы начали утрачивать монопольность лексемы и пополнили ряды лексико-семантической избыточности. Явление лексической избыточно-

²⁵⁷ Там же. — С. 9.

²⁵⁸ Там же. — С. 10.

сти, таким образом, коснулось тюркизмов лишь позднее, с притоком западноевропейцев, которые в ряде случаев оказались более жизнеспособными»²⁵⁹.

По классификации Р.А. Юнаниевой, одни тюркизмы по степени употребительности являются экзотизмами-историзмами (*шишак* — вид шлема, *бутурлык* — доспех на ноги всадника), другие — экзотизмами-архаизмами (*калауз* — карман, *чарыки* — обувь из сыромятной кожи), третьи — экзотизмами-диалектизмами (*джияк* — узорчатая обшивка ворота, рукавов, *белдемчи* — женская юбка с разрезом от пояса). Среди экзотизмов-диалектизмов выделяется разновидность, которая характеризуется активным употреблением для определенного языкового региона (ср. *очпочмак* и *чак-чак* — вид кушанья, *ичиги* — вид обуви (в Татарстане))²⁶⁰.

Процесс языковой адаптации тюркского слова имеет следующие диахронические отличия: с XI по начало XVIII в. процесс адаптации характеризуется разнообразием участников и коммуникативной направленностью на адресата, с XVIII по XXI в. адаптация слова в тексте отличается меньшим числом участников, работающих с исходным текстом.

Таким образом, история слов позволяет проследить интересный путь вхождения того или иного понятия в систему заимствующего языка. При этом необходимо учитывать не только данные памятников древней письменности и диалектов тюркских языков, но и исторические и археологические материалы, которые являются ценным источником для выяснения культурно-исторических обстоятельств заимствования какого-либо понятия или предмета.

Данное положение подтверждается высказыванием В.В. Виноградова о том, что «история слова должна воспроизводить все содержание, всю цепь смысловых превращений, все «метаморфозы». <...> История слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его

²⁵⁹ Юнаниева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). — Казань: Таглитат, 2000. — С. 9.

²⁶⁰ Там же. — С. 13.

тимологии. Вопрос о происхождении слова тогда получает твердую культурно-историческую базу, когда он опирается на исследование всех этапов смысловой эволюции слова, всех обстоятельств его бытования в разных социальных говорах, наречиях и родственных языках»²⁶¹.

Причинами, способствующими возникновению вариативности лексических единиц, являются различные внутренние и внешние факторы развития в истории языка. К внутренним причинам относятся возможности самого языка — закон аналогии, асимметричность языкового знака, к внешним — языковые контакты с другими языками, влияние на литературный язык диалектов, социальная дифференцированность языка и т.д.

Трудно дать исчерпывающий ответ на вопрос «почему в языке остается тот или иной вариант слова», но, тем не менее, смеем утверждать, что в синхронном срезе вариативность есть норма литературного языка, в диахроническом — ее становление.

Тюркизмы в русском языке прежде, чем прочно войти в лексический состав современного русского языка, на протяжении нескольких веков пережили длинный путь в истории языка — от лексической вариативности к норме. Точнее, от глоссирования, вариативности, наконец, к норме: такой путь в пережили многие тюркские слова, прежде чем прочно войти в лексический фонд современного русского языка. Исчезновение вариантов слова явилось результатом вытеснения их более устойчивым вариантом, целесообразным и признанным в качестве нормированного.

3.3. Семантика образов и трансформация тюркской культуры

Согласно Ю.М. Лотману, «историческое соседство русской культуры с великими цивилизациями Запада и Востока, осущест-

²⁶¹ Виноградов В.В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // ВЯ. — 1968. — № 1. — С. 19; Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 93.

влявшими на ее глазах циклы своего исторического развития, сопричастность им и одновременно неслиянность с ними, постоянная возможность взглянуть на каждую из них как на свою и чужую одновременно — все это создавало возможность оценивать собственную культуру и как глубоко интимное “свое”, и как до враждебности далекое “чужое”»²⁶².

Понятия «образ» и «образность», используемые в лингвистике, существуют не только в языкознании, но и в других областях науки и искусства — литературоведении, философии, этике, эстетике, живописи и т.д. При этом каждая область научных знаний вкладывает в это слово свое содержание. В лингвистике в пределах лексической номинации образность значения, как известно, может быть выражена морфологически на уровне первичной номинации. В.Н. Телия, описывая образные номинативные единицы, указывает не только на структурные особенности имен, но и на способ их соотношенности с миром — образные наименования отражают опосредованно окружающую действительность.

Казахстанский исследователь Г.И. Байгунисова вслед за В.Н. Телия, А.А. Уфимцевой и другими учеными, под образным именем, понимает «номинативную единицу, отражающую окружающий мир опосредованно, благодаря переосмыслению значения первичного имени»²⁶³. Приоритетным в образной единице является ее номинативная функция, которая оказывается вторичной по отношению к первичному значению имени. В данном понимании в роли образной единицы могут выступать как однословные наименования, так и сочетания и целые выражения. Иными словами, основной характеристикой номинативной образной единицы предстает ее двуплановая семантика, благодаря которой создается образная соотношенность с окружающим миром.

«Народ жив, пока жива его историческая память» — слова известного русского писателя В. Астафьева. Если следовать этой му

²⁶² Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX в. // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). — М. Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 16.

²⁶³ Байгунисова Г.И. Основы образной парадигмы в системе языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кокшетау, 2010. — С. 13.

дрой фразе, то можно обнаружить, что во многих словах русского языка хранятся образы мифологии и миропонимание древнерусского человека.

Тюркские слова в русском языке, пришедшие из древних времен, являются неким транслятором тюркской культуры, а при тщательном изучении их семантики можно увидеть, насколько взаимообусловленной и взаимовыгодной была жизнь славян и тюрков. И именно изучение семантики «русского слова» позволит понять особенности языкового, культурного, экономического сотрудничества соседствующих и кочующих народов. В этом смысле очень точно выразила мысли о роли лингвистики в контексте диалога культур современный российский исследователь Т.Е. Владимирова: «...язык — это фундаментальная ценность народа, вбирающая в себя и бытие, и духовный потенциал многих поколений, и опыт взаимодействия с другими народами и культурами. Именно язык создает то особенное пространство, в котором существует и развивается культура. И поэтому не только пространственно-временные, но и духовные связи сосредотачиваются в руках филологов и лингвистов. Кроме того, филологии принадлежит особая роль в осмыслении межкультурного диалога и в укреплении связей между представителями различных лингво-культурных общностей. И здесь ее вклад в экологию национальных культур и в поиск путей межкультурного взаимодействия должен быть особенно весомым»²⁶⁴.

Интересными являются доводы Ю.М. Лотмана о культуре как хранителе памяти: «Не случайно всякое разрушение культуры протекает как уничтожение памяти, стирание текстов, забвение связей. Возникновение истории (а до нее мифа) как определенного типа сознания есть форма коллективной памяти. В этом смысле очень интересны древнерусские летописи, представляющие собой крайне интересный тип организации исторического опыта коллектива. Если для современного сознания история как сумма реальных событий отражается в совокупности многочисленных текстов, каж-

²⁶⁴ Владимирова Т.Е. Лингвистика в контексте диалога культур // Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Языки в образовательном и культурном пространстве Евразии». — Алматы: Парасат, 2009. — С. 10.

дый из которых представляет действительность лишь в определенном аспекте, то летопись — это Текст, письменный адекват жизни в ее целостности. Как и самая жизнь, он имел отмеченное начало <...> и не подразумевал конца в том значении, в котором это понятие присуще современным текстам»²⁶⁵.

«Слова и образы, появившиеся совсем недавно, живут в языковом сознании народа, однако самую существенную их часть язык приобретает в своем младенчестве, «как дети усваивают основы родной речи с материнским молоком. Ведь неслучайно во многих языках мира родной язык называют материнским»²⁶⁶.

Ю.М. Лотман представляет схему летописного построения таким образом: жизнь → текст → память. «Превращение жизни в текст — не объяснение, а внесение событий в коллективную (в данном случае — национальную) память. Наличие же единой национальной памяти было знаком существования национального коллектива в виде единого организма. Общая память была фактом осознанного единства существования»²⁶⁷.

Важным компонентом в образных единицах языка является культурная коннотация. Культурная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания образной единицы через соотнесение его с культурно-национальными стереотипами. Формирование семантической структуры заимствования на русской почве происходит в результате развития новых, так скажем, образных значений, способствующих расширению синтагматических связей, которые приводят к образованию достаточно устойчивых словосочетаний, называющих те или иные предметы, прочно обосновавшиеся в русском сознании.

Как отмечает Г.И. Байгунисова, наличие в языках образных единиц, свидетельствующих об особенностях культурной традиции

²⁶⁵ Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. — М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. — С. 59—60.

²⁶⁶ Брагина М.А., Дронов В.В., Краусс Н.А., Синячкин В.П., Тарасов Г.Ф. Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка: учеб. пособие / под науч. ред. В.М. Филиппова. — М.: РУДН, 2008. — С. 16.

²⁶⁷ Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. — М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. — С. 60.

того или иного этноса, говорит о том, что наряду с когнитивным формируется языковое сознание. Образные единицы определенным способом структурированы в массовом сознании и хранятся в памяти народа очень продолжительное время, а при условии развития ценностной составляющей концепта — в поколениях. Вторичная номинативная единица при этом превращается в «культурную константу»²⁶⁸.

Согласно определению российских исследователей (О.И. Блинова, Е.А. Юрина), «образность — это свойство слова (языковой единицы), характеризующегося семантической двуплановостью и метафорическим способом ее выражения»²⁶⁹.

Как пишет В.П. Синячкин: «Тюркизмы, как “родимые пятна” (по определению Л.А. Новикова) выдают свое происхождение, хотя нередко случаи исчезновения их из употребления носителями тюркских языков, но продолжают обслуживать культуру русскую»²⁷⁰. Рассмотрим здесь несколько тюркских слов, использующихся в качестве образных единиц русского языка.

Барыш — барышник — барышничать

Барышъ прибыль; польза».

Слово в памятниках русской письменности употребляется примерно с конца XVI в., однако в исторических словарях дается разная хронология.

Приведем пример употребления данного тюркизма со значением лица из Книги расходной (Болдин Дорогобужский монастырь), относимой к XVI в.:

А купилъ меринъ бұрой и лысой у барышника у Фили же у стрѣльца, а порұка ворышникъ Жданъ (Кн. расх. Болд. м., 63. 1587 г.).

²⁶⁸ Байгунисова Г.И. Основы образной парадигмы в системе языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кокшетау, 2010. — С.15.

²⁶⁹ Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. — Омск: UFO-Plus, 2007. — С. 8.

²⁷⁰ Синячкин В.П. Историко-культурный слой тюркизмов в русском бытовом сознании // Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия: сб. науч. тр. по материалам Круглого стола. — Астана, 2008. — С. 132—147.

Собственно тюркизм можно заметить в рукописях Онежского Крестного монастыря, который датируется XVII в.:

В Каргополе приговорил под рыбѹ и под соль Чаранской округи подрядчика Гришкѹ Прокопѣева, данн барышнѹ 16 ал<тын> ((Расх. Кн. головы дер. Дятлева) Арх. Он., 1659 г.).

В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой прослеживается следующая этимология: *бары'ш*, прибыль, получаемая при продаже, торговых сделках и т.п. || польза, выгода вообще. Ср.-рус. (XVII в.) *барышникъ*, *барышничать*, *барышничество*; Поликарпов, 1704 *барышъ*; тюрк. *барыш* мир, соглашение (Сл. Акад., 1950, 1, 289). Ушаков производит *бар'ыш* от тат. *bağış* в знач. мир, соглашение (1, 92); ср. Фасмер, 1, 129, «Барыш употр. в тат., кирг. и др. языках в знач. “хождение”, а также “примирение, мир, согласие”. Семантика русского заимствования ясно указывает на то, что произошло оно в районе Поволжья» (Дмитриев, 1958, 19). На заимств. из тат. языка слова *барыш*, являющегося по своему образованию отглагол. именем, указывает и Шанский (1Б, 50). К тюркизмам относили *барыш* также Богородицкий (1935, 353), Галкина-Федорук (1954, 100) и Огиенко (1915, 35)²⁷¹.

В «Историко-этимологическом словаре русского языка» П.Я. Черных находим данное слово в других славянских языках и более развернутое толкование: **Барыш** — «прибыль, нажива от продажи чего-л. *Сущ.* **Барышник**, отсюда глаг. **барышничать**. <...> В русском языке сначала, по-видимому, получило распространение слово *барышник* (по Дювернуа — 1613 г.), в это же время Р. Джемс отмечает (1618—1619 гг.) *borišnic* (“маклак”). Как прозвище известно с 1609 г.: “*Онофрей Барышник, смоленский посадский*” <...> Знач. слова *барышник*, по-видимому, установилось не сразу. Ср. в моск. переводе (середина XVII в.) Литовского статута: “*и при той купли или мене быть барышником, людям добрым, кому можно верить*”

²⁷¹ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата: Наука, 1976. — С. 63.

<...>. Слово *барыш* засвидетельствовано сначала как прозвище. Ср. у Тупикова (41): “*Макар Борыш (Borysz), луцкий мещанин*” 1552 г. В словарях *барыш* отм. с 1704 г. Все три слова (*барыш*, *барышник*, *барышничати*) отм. в «Лексиконе» Татищева 30—40-х годов XVIII в.

П.Я. Черных сомневается в тюркском происхождении слова: «*Барыш* обыкновенно рассматривают как слово тюркского происхождения, хотя в тюркских языках соответствующее слово распространено мало, главным образом в южнотюркских языках и имеет там другое значение»²⁷².

Слово **барыш** среди тюркских языков встречается в тат., кирг. и др. в значении «хождение», «поход», «поездка», а также «примирение», «мир», «согласие», ср. также казах. *барыс* «ход», тур. *barış* «мир», «примирение», кр.-тат. *барыш* — то же, «согласие», диал. *барыш* «мир» и еще туркм. *барышык*, азерб. *барышыг* в значении «перемирие» <...>²⁷³.

В украинском языке *барыш*, *барышник*, *барышувати* обозначает «прибыль», «выгода», ст.-укр. *барышъ* (XVIII в.); ст.-русск. *барыш* (1659 г.), *Барышев* (1494), белор. *барыш*, диал. *борыш* «взятка»; им соответствуют польск. *borysz* «угощение при сделке», болг. *барашък* «договор», «соглашение». <...> очевидно, здесь давнее заимствование из тюркских языков; болгарские формы — из турецкого языка; с белор. *борыш*, русск. и укр. формами связано, видимо, польск. *borysz*, из которого объясняют польск. *borysznik* «барышник», «маклер» (редк.), *barysznik* — то же (редк.); украинские формы, очевидно, заимствованы из тюркских языков через русское посредничество; семантика русских форм — «польза при торговой сделке» — дает основание для предположения о заимствовании в районе Поволжья (Дмитриев, Будагов)²⁷⁴.

²⁷² Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — 7-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. — Т. 1. — С. 76.

²⁷³ Болдырев Р.В. Некоторые вопросы историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов украинского языка // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974. — С. 49.

²⁷⁴ Там же.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля находим большую статью о слове **барышъ**²⁷⁵: прибыль, польза, выгода, нажива, прибытокъ, нарость, корысть; избытокъ, остатокъ; выгода при куплѣ и продажѣ, въ торговлѣ, оборотахъ, промыслахъ; всякая нежданная, случайная прибыль; убытокъ, изъянъ, накладъ, трата, потеря, истора, уронъ. *Барышонки да барышишки — тѣ же барыши. Не для барыша, ради почина. Не до барыша, была бы слава хороша. Барышъ барышомъ, а могоарычи даромъ. Взять барыша башъ на башъ (рубль на рубль). Эти барыши въ окрошку хороши (невелики).*

Здесь отмечено, что при акающем говоре произносится одинако *борышъ, борышій*, в зн. попойки послѣ мѣны, продажи и купли; могоарычи, литки. *Барыши на твои гроши. Люли, люли колышу, купить мама барышу* (подарочекъ).

В.И. Даль также показывает производные образования от **барышъ**: **барышный**, **барышевый** доходъ. *Барышевые сче-ты своди, когда звенить*, т.е. по наличному. **Барышникъ**, — **ница** — (вообще) мелочной торгашъ, скупщикъ, перекупщикъ, переторговщикъ, кулакъ, маклакъ, маякъ, прасоль, прахъ, базарникъ, тарханъ, орель, варягъ. || Промышляющій случайно покупою дешевыхъ, нерѣдко краденыхъ вещей и перепродажей ихъ²⁷⁶. Можно обнаружить такие сочетания *конский барышник* (услов.) *барышничья совесть, барышнические ухватки*; глаголы *барышевать* (находиться въ торговыхъ барышахъ, въ прибыляхъ), *барышничать*; дейст. по гл. *барышничанье, барышничество*; сущ. *барышевка* (всякая вещь, доставшаяся сверхъ чаянія, ряды || домашнее животное, дающее болѣе обычного приплода), *барышка* (прибавочная часть мужскаго яйца, ядра). **Барышденъ**, борышденъ, 2 мая (кто въ этотъ день продастъ что либо съ барышнемъ, весь годъ будетъ барышевать, почему и говорятъ: *На Св. Борыша самъ боронися (чтобъ не обманули). Борись и Глѣбъ — поспѣетъ хлѣбъ.*

²⁷⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. — Т. 1. А—З. — С. 51—52.

²⁷⁶ Там же. — С. 51.

В современном русском языке семантика слова **барыш** воспринимается как прибыль, получаемая при различных торговых сделках или перепродаже. Например,

«— По дешевке купил, — ответил Корытин. — Кормов хватает, место есть. Перезимуют, мяса наростят, продадим. Вот и барыш... — улыбнулся он. — А как же... Такая нынче жизнь. На станцию приехали вовремя» (Б. Екимов. Пиночет (1999)).

Поздно, в трактире «Германия»,

В ту же ужасную ночь,

Греясь, сушась, за бутылкою

Сбыл я подписчиков, сбыл,

Сбыл их совсем — с пересылкою,

Сбыл — и барыш получил!

(Н.А. Некрасов. Песня об «Аргусе»: «Я полагал, с либерально-го...» (1863)).

«Церкви не было, а страх был, потому что громили христиан и те времена часто и нещадно и всегда вдруг, внезапно, без угроз и каких-либо поводов, и не барыша ради — какой барыш с нищих да убогих? — а скорее ради упоения собственной безнаказанностью да озорством. И насмерть перепуганные нищие последователи Христовы всполошно заматались меж покосившихся древних изб. Лиматались молча и обреченно...» (Б. Васильев. Ольга, королева русов (2002)).

Согласно современному этимологическому словарю русского языка, **барыш** в русском языке известно с XVI—XVII вв. как **барышъ** (1552 г.) и **барышникъ** или **борышникъ** (1609, 1613). У Р. Джемса отм. **borisnic** — а **huckster** «маклак». В словарях отм. с 1704 г.²⁷⁷

Таким образом, в истории русского языка тюркизм имел высокую деривативную активность и на русской почве от заимство-

²⁷⁷ Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошиников: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2010. — Т. 1. — С. 50.

ванного слова образовались такие производные, как *барышник*, *барышничать*, *барышный*, *барышевый*, *барышница*, *барышничья*, *барышевать*, *барышничанье*, *барышничество*, *барышевый*. В русском языке данный тюркизм употребляется активно и не требует в текстах какого-либо дополнительного пояснения, слово адаптировалось в такой степени, что по внешнему облику носители языка вряд ли догадываются о его «иноязычном» происхождении.

Башка — башковитый

Современные русские слова *башка* — *башковитый* образованы от тюркского слова *баш* путем присоединения суффиксов *-к-*, *-ов-*, *-ит-* и соответствующих флексий *-а*, *-ый*. В русском языке известно с XVI—XVII вв. в вариантах *бошка* и *башка*, но в значении «отрезанная голова у всякой большой рыбы». В значении же «голова человека» в словарях отмечается с 1771 г.²⁷⁸

Башъ на башъ — вдвое, рубль на рубль. Говорится, если кто выгодно сываетъ товаръ. Онеж., Холм. (Арх. обл. слов. 5. Подв.).

В русском языке тюркское *баш* употребляется только в выражении *баш на баш*: *братъ, менять баш на баш* ровно столько же, без придачи, вещь за вещь. Выражение возникло из арго торговцев; от тюрк. *баш* голова (Ушаков, 1, 97). Слово *баш* чисто татарское (Даль, 1, 56 <...>); скорее всего заимств. из тат. языка (Шанский, 1Б, 62, 63). За вычетом языков Алтая и Саян «остается слишком много языков, где это слово произносится именно *баш* (татарский, башкирский, узбекский, туркменский, киргизский, азербайджанский, кумыкский, турецкий» (Дмитриев, 1958, 9). Фасмер, вслед за Миклошичем, объясняет ыѣ 'голова' как заимств. из тур. (Фасмер, 1, 138). Радлов *баш* (тур., аз., крым., туркм., хив., узб., чаг., тар., ком., тат., кирг., тоб., чул.) = *паш*, *баш* голова <...>²⁷⁹. В казахском языке *бас* также обозначает «голова; вершина, верхушка; начало».

²⁷⁸ Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2010. — Т. 1. — С. 52.

²⁷⁹ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата, 1979. — С. 70.

И вотъ во синемъ морѣ разбѣшевались сильныя волны, и поднялся лютый змѣй, и башка его, трехведерный котелъ, кылѣзаетъ изъ моря, идетъ съѣсть краснѹ дѣвницѹ (Самар. сказки, 30) [в карточке к слову «башка» читаем сноску: «баш» татарское и башкирское слово «голова»].

Согласно словарю Е.Н. Шиповой: **башка**, прост. голова; умная голова (о человеке). <...> Ушаков, 1, 97 *башка* за голову при обозначении цены (1, 97). Однако, как замечает Дмитриев, «*башка* составлено из тюрк. *баш* и русских формальных частей -к, -а, так как тюркское *башка* (дат. падеж от слова *баш*) имеет другое значение: помимо, кроме, другой» (Дмитриев, 1958, 20). Это мнение Дмитриева разделяет и Фасмер (1, 139)²⁸⁰.

Это слово когда-то рассматривал И.С. Козырев, сравнивая тюркизмы в русском и белорусском языках. Так, он отмечает, что слово *голова* в значении «часть тела человека (или животного), состоящая из черепной коробки и лица (или морды животного)» из древнерусского языка переходит в русский и белорусский. «Потребность в новом названии указанной части тела появилась лишь для стилистической дифференциации, что характерно для многих названий частей тела <...>. Таким синонимом в русском языке стало слово *башка*»²⁸¹. По его мнению, процесс заимствования слова *баш* происходит из тюркского языка, вступившего в непосредственные контакты лишь с русским языком. «Материалы русских говоров о распространении слова *башка* с первоначальным значением 'голова большой рыбы' дают возможность говорить о заимствовании этого слова из языка татар района Казани»²⁸².

Башка, и, ж. 1. Голова большой рыбы (употребляли в пищу). (о рыбе) 10 языковъ съ башками (Заб. Мат. 1111).

Ящикъ черный, въ немъ башка золотая отъ кальяну (Верх. м. сов. IV, 571. 1727 г.).

²⁸⁰ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата, 1979. — С. 71.

²⁸¹ Козырев И.С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974. — С. 11.

²⁸² Там же. — С. 13.

Согласно Н.К. Дмитриеву, слово *башка* является русским суффиксальным образованием от тюркского *баш* 'голова', известного в современном русском лишь в выражении *менять баш на баш* 'менять без придачи' (Даль, I, 142). Первоначально оно употреблялось для обозначения мены скота²⁸³. Предполагается, что в указанном сочетании *баш* заимствовано из татарского.

Вообще об этимологии и периоде вхождения слова *баш* в русский язык судить трудно. Разные точки зрения о его этимологии высказывали Ф.П. Филин (*башка (баша)* в значении 'овца' в псковских, тверских, вятских, костромских, вологодских говорах), М. Фасмер (подзывное слово *баш*, связанное с *баран* и *бьяше* от *бьякать* 'блехать'), В.И. Даль (*бьяшка* 'овца')²⁸⁴.

В памятниках письменности слово *башка* встречается с XVII в. в значении 'голова большой рыбы':

30 велугъ, 40 осетровъ, ... 10 косяковъ, 10 языковъ съ
вашками (Забелин, I, 111).

Со второй половины XVIII в. *башка* не только в значении 'голова рыбы', но и в значении 'голова человека' встречается в лексикографических изданиях: «Я тебе башку шибу, vulg.» (Нордстет. 14; Целлариус, 7)²⁸⁵.

А на другой странѣ стало толикое множество Китайско-го войска что аще бы восхотѣша бросити на брегъ бошками своими и с того бы мощно учинити великой валъ таковы что татарския кони не могли бы проехати (Кн. покор. Кит., 182 1731 г.).

Жаль вашку, да вести на погостъ (Кург. Письм. I).

²⁸³ Козырев И.С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974. — С. 11.

²⁸⁴ Там же. — С. 12.

²⁸⁵ Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом. — Ч. 1. — СПб., 1780; Ч. 2. — СПб., 1782. Российский целлариус или этимологический российский лексикон, изданный Ф. Геллертсфом. — М., 1771.

В XIX в. в русском литературном языке слово *башка* имеет несколько значений: 1. Отрезанная голова у всякой большой рыбы. 2. В просторечии: тупая, непонятливая голова. 3. Корень, отпиленный от барочной коры. 4. Деревянный конец раздувального кузнечно-го меха²⁸⁶.

Однако в Словаре современного русского литературного языка второе значение расширено, поскольку в тот период слово *башка* применяется и в значении 'умная голова', 'голова'²⁸⁷.

Таким образом, слово *башка* в значении 'голова рыбы', 'голова животного' локализуется в северно-русских говорах (Ф.П. Филин), в значении 'умная голова' в курских, орловских, брянских, калужских, рязанских, архангельских, владимирских, суздальских, тверских говорах (С.М. Кардашевский, П.А. Расторгуев), откуда и распространилось употребление слова *башковитый* в значении 'умный'.

Башковатой — башковатость

Башковатость — умъ, толковость, смѣтливость. Отсюда прилагательное того же значенія: башковатой. Богатей онъ, а все старательствомъ да башковатостью сконилъ. Башковатой мужнкъ, не бывалъ у насъ такого. Мез. (Арх. Обл. слов. 5. Подв.).

Башковитый. В современном русском языке — собственно образное слово. Антропоморфизм. Говорят «башковитый» о человеке умном, сообразительном, словно с большой головой. Слово с одобрительным значением, просторечное.

Примеры из художественной литературы:

«— Ничего... Немножко рассеянная. — Работа, видно, такая. У нас на квартире жил один учёный — такой умница, такой *башковитый*, добрый тоже такой, а ширинку вечно забывал застегнуть. — Нюра засмеялась. Конструктор тоже засмеялся. И Иван посмеялся» (Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970—1972)).

²⁸⁶ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный II отд. МП. — Т. I—IV. — СПб., 1847.

²⁸⁷ Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1948—1965. — Т. I. — С. 301.

«Иван, человек от природы **башиковитый**, общительный, на слух взял и выучил по-персидски три слова — «здравствуй», «до свиданья» и самое во всех землях заветное слово «любовь». И что вы думаете, этого запаса слов ему вполне хватило, чтоб договориться о свидании с молодой черноокой персиянкой, стеснительно закрывающейся платком» (В. Астафьев. Затеси // «Новый Мир», 1999).

«Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали: однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагреб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство. И все потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили: — **Башиковитый** у тебя парень растет... Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадет. И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился» (В. Распутин. Уроки французского (1973)).

Богатырь — богатырский — богатырство

Образная единица **богатырь** известна любому русскому человеку.

Богатырь в современном русском языке — герой русских былин, воин, отличающийся необычайной силой, удалью, мужеством, умом; в переносном значении: человек большого роста и крепкого телосложения, сильный и смелый²⁸⁸.

Батырь значитъ храбрець, откуда безъ сѹмнѣнія въ нашеѹ языкѣ вошло слово **богатырь** (Лепехин. Днев. Зап. 1802. II—58).

И ты как себѣ начяешия волею даст и неволею возмн, силою возмн батырскою, а грозою княжецкою великого князи Владимира (Две был. к. XVII в. 349).

В русском языке слово функционировало с XI в. и в эпоху Киевской Руси пришло в русский язык из тюркских (др.-тюрк. **baɣatɨn*

²⁸⁸ Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шамшурин. — М.: Флинта: Наука, 2010. — Т. 1. — С. 69.

‘богатурь’, 1240 г.). Богатырем называли «храброго воина, витязя; начальника войска, воеводу у восточных народов».

В.Г. Демьянов отмечает, что «проникнув в русский слово стало быстрее ассоциироваться с исконным *богатый*, тем более, что имело одним из значений ‘знатный человек’, и финаль достаточно рано (уже в XII в.) получила оформление по аналогии с исконным суф. *-ыр(ь)*, ср. *sekyra, sěkyra*, <Селищев I § 12>; к сожалению, отсутствие обратного индекса к ЭССЯ (хотя бы к уже вышедшим выпускам его), а также подобного словаря к уже вышедшим выпускам СлРЯ XI—XVII вв. лишают нас возможности быстрого поиска праславянских и др.-рус. морфемных соответствий; в ОСДРЯ 289 многие из сущ. на *-ыр(ь)* приходится отнести как создающие исконную базу ввиду либо неясности их этимологии (*kozyрь, катырь, нетопырь* с вариантами метатезного происхождения *нопотырь, непътырь*), либо явно иноязычного происхождения (*ансыр, стырь, рогостырь, колотырь, возырь*, с вариантами *възырь, жолнырь, пансырь, кратырь, псалтырь, калантырь* с вар. *колантырь, потырь, пластырь, мастырь, монастырь* с вар. *монастырь*), лишь сущ. *пастырь* может быть привлечено как исконная аналогия, но и в нем нуждается в объяснении *-т- <...>*»²⁸⁹.

Богатырь — герой русских былин и сказок, отличающийся физической силой, умом, красотой и удалью || силач || перен. воин-герой (Сл. Акад., 1950, 1, 532 <...>). Др.-рус. *богатырь, богатырство*; <> монг. *baghatur*, тюрк. *baghatur* храбрый воин (Сл. Акад., 1950, 1, 532); в Словаре русских народных говоров *бога'тырь* (дон.) в знач. ‘богатырь’ (3, 54). Корш: «Несомненно древни *богатырь* и *достокан*... Первый пример из тур. *bahadur* или собственно *bahatur* (откуда кирг. *батыр*) — в косвенных падежах ударение лежало именно на втором слоге (в былинах всегда *бога'тыря, бога'тыри*), откуда *a* перешло и в именит. падеж. Но *o* первого слога м.б., пожалуй, объяснено влиянием прилагательного

²⁸⁹ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. — М.: Наука, 2001. — С. 310.

тельного *богатый*, с которым *богатырь* соприкасается иногда и семасиологически, так как кое-где оно значит 'богач' (Корш, 1903, 43). Ср., напр., *богатырь* обл. (смол., кур.) в знач. богач, приведенное в СРНГ (3, 46); там же дано пояснение: «Татарское слово *багадыр* давно уже вошло в русский язык в значении 'храбреца, силача' и т.п. Мирза А.К. Казембек 1852». Фасмер и Шанский считают *богатырь* древнерусским заимствованием из тюркских языков, в которые оно попало из ар.-ир. языков. Радлов приводит пример употребления данного слова во многих тюркских языках²⁹⁰.

Как, закономерный процесс у заимствований это слово также пережило явление вариативности. Так, в древних текстах обнаруживаются такие его варианты, как *багатырь*, *богатурь*, *баатырь*, *баатарь*, *батырь*, *батурь*. Например,

Себѣдян богатурь и Бүрүнѣдаки багатырь иже взя Болгарьскую землю и Бүждальскую инѣх вѣщисла воеводѣ их же не исписахомъ зде (Ипат. лет., 785).

И тако многихъ храбрыхъ мужей избиша Ярополчихъ... и Ивана Данилова богатыря славнаго убиша (Ник. лет. IX, 160).

А кочует де Девлеткирей с Тарханом ваатарем на учроще на Тару Ишиме (Гр. Сиб. Мил. II, 445. 1637 г.).

Дзарь отъѣхалъ отъ Чаганъ къ Контайшину владѣльцу къ Коконъ ваатырю, со вѣми своими улусными людьми (ДАИ VI, 294. 1674 г.).

А се вѣаху его братья, силнии воеводы: Урдю и Бандарь, Бирюи... но вѣ воевода его 1-й Себѣдян ватурь и Бүрүнда ии батырь, иже взя болгарьскую землю и сүздальскую (Ном. IV лет., 226).

²⁹⁰ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата, 1979. — С. 83.

У И.И. Срезневского читаем:

Богатырь=богатѣрь — heros:

Янѣ Ушмосвѣцѣ убиѣи Печенѣжскаго богатыря (Никон. л. 6509 г.).

Половцы... многихъ безъ числа убиша и храбраго Давыда Яруновича тысяцкаго Кневскаго и Ивана Даниловича богатыря славнаго убиша и Станислава благороднаго и Данила Тугковича и Дамъяна и Янка и многихъ мужей сильныхъ и храбрыхъ. *т.ж. 6644 г. и т.д.*²⁹¹

А.К. Шапошников отмечает, что древнетюркское *bagatur*, *bagatyr* «герой, витязь» вероятно, в свою очередь заимствовано около VI в. из индоарийского диалекта Крорайны (Лоулянь) или сакского диалекта Хотана и Яркенда. Первоисточник: ср.-инд. *bhāga-turā* «полный сил, наделенный силой и богатством». Согласно другому толкованию др.-тюрк. *bagatyr* восходит к тох. *baga* — *atār*, *baga* — *etre*. «Существует и мнение об исконно славянском происхождении этого слова (производное с суф. *-ырь* от основы *богатъ). Если это слово и было заимствовано, то с древнейших времен оно ассоциировалось с божьей благодатью и особой участью, входило в словообразовательный ряд *бог* — *богатый* — *богач* — *убогий*»²⁹².

В словаре образных слов русского языка (О.И. Блинова, Е.А. Юрина) слово «богатырь» представлено в двух значениях, как *собственно образное слово (антропоморфизм)* и как *языковая метафора*:

1. Герой русских былин, воин, как бы богатый силой, удалью, отвагой. Одобрительное. — *Как боец, он озирает / Взрытых вод степную ширь. / Рыщет, пенится, сверкает — / Среброглавый богатырь!* Бенедиктов. Море.

²⁹¹ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. — М.: Книга, 1989. — Т. I. Ч. I. А—Д. — С. 127.

²⁹² Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2010. — Т. I. — С. 69—70.

2. Человек богатырского роста и телосложения, сильный и смелый. Одобрительное. — *Молодой малый, широкоплечий богатырь, работник... взялся проводить [Нехлюдова].* Л. Толстой. Воскресение²⁹³.

И здесь естественным образом напрашиваются рассуждения М.М. Маковского: «Язык иногда уподобляют собранию давно забытых, мертвых метафор. И это не случайно: огромное количество слов, трудно поддающихся этимологическому анализу, в действительности оказываются старыми метафорами, давно утратившими какие-либо семасиологические связи в языке»²⁹⁴.

Также активное употребление с образной семантикой находят в языке дериваты «богатырский», «богатырство»:

Богатырский. Языковая метафора. Могучий, сильный, как богатырь. Одобрительное. — *Это был богатырского сложения человек, еще молодой и красивый* (А.П. Чехов. Остров Сахалин).

«Говорил только “мама”, “папа”, теперь вот и “дядя”! У-ух ты, умница моя! Ух ты, ушкуйник сибирский! — забирая у меня ребёнка, чмокала его всюду, наговаривала Лариса, водворяя малоего в неуклюжую деревянную качалку. Малыш ревел во весь богатырский голос, тянул руки к маме. Я выковырял ревуна из качалки, поглядел на него и сказал, как командир Арутюнов: “Прекратить!” Малец перестал плакать, прижался ко мне. Конечно же ему хотелось к матери, но и дядя, на худой конец, ничего» (В. Астафьев. Обертон (1995—1996)).

«Праздности, если угодно, — поддержал его профессор Долгушов. — Душевного равновесия, если угодно... — Но вам пока и не предлагают физического труда, сколько я понимаю, — вступил молодой Борисов, фонетист и большой друг футуриста Мельникова. Он был высок, толст, сказочно силен, обладал при этом мягкими

²⁹³ Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. — Томск: UFO-Plus, 2007. — С. 8.

²⁹⁴ Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике: учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1989. — С. 32.

манерами и сочным басом; **богатырский** облик довершала светлорусая борода. — Предлагают записать рассказы рабочих, просмотреть архив — это же не снег чистить, в конце концов? Они пока проявляют уважение к науке — другое дело, что уважение внешнее, присущее людям малокультурным. Они уважают тело культуры, а не дух ее» (Д. Быков. Орфография (2002)).

Богатырство. Собственно образное слово. Антропоморфизм. Сила, удал, свойственные богатырям. Одобрительное. — Я вспомнила /Про богатырство дедово: /— Ты, дядюшка, — сказала я, /— Должно быть, богатырь. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо²⁹⁵.

«Она как бы исторгала из себя мой дух, хотя я никогда не говорил с кавказским акцентом. Она как бы озвучила то, чего не было, но должно было быть, а я позорно скрывал то, что должно было быть, хотя и не было. Иногда ярость бывает талантлива. Истинное **богатырство**, и умственное и физическое, узнается по тому, что всегда немного стесняется своего избытка сил, боится неосторожным движением сломать что-нибудь или невольно выставить кого-нибудь глупцом. Деликатность силы — вот высшее благородство! Утро. Солнце» (Ф. Искандер. Понемногу о многом // «Новый Мир», 2000).

«...Этот нечёткий идеал народности соединял в себе представление о грандиозной эпической личности и окружающей её эпической жизни, которая не противостоит **богатырству** отдельно от человека, а естественно порождает это **богатырство**. Этот идеал был внутренне противоречив и в дальнейшем мог получать и действительно получал весьма различные толкования. В нем было скрыто и анархическое отрицание государственности как таковой, и протест против бюрократической государственности, и критическое отношение к европейской цивилизации, и романтическое отрицание романтизма, и многое другое» (Ю.М. Лотман. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция (1991)).

²⁹⁵ Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. — Томск: UFO-Plus, 2007. — С. 8.

Согласно В.Г. Демьянову, есть основания утверждать с полной определенностью, что уже в др.-русском языке существовал большой пласт иноязычных слов в знач. не только предметном, но и личном, который и формировал довольно мощную аналогическую базу для оформления вновь поступающих в ст.-русский язык заимствований → *богатырекъ* ('богатырек', 1642 г. для XVII в. после падения редуцированных и перехода *е* → *о*, конечно, [*р'ок*]) → *богатырка* ('богатырку', вин., 1737 г. ~ XVII—XVIII вв.) → *богатырский* ('богатырьскую', вин. ед., XVII в. ~ XVI в.) → *богатырство* 'воинская доблесть' ('богатырство', вин., 1410 г.)²⁹⁶.

Как указывают современные ученые, «слово полюбилось русскому народу, возможно, не только благодаря первоначальному значению — *герой, сильный и могучий человек-воин*; но еще и потому, что народная этимология соотносила его со словом *Бог* и с созвучными во второй части святыми словами *монастырь* и *псалтырь*. Как бы то ни было, слово *богатырь* вызывает в языковом сознании русских ассоциации с *Ильей Муромцем*, канонизированным после смерти в святые, и с картиной художника В. Васнецова «Три богатыря», с поэмой М.Ю. Лермонтова «Бородино» <...>, с фильмами о Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). В наши дни *богатырями* называют и крепких младенцев, и сильнейших спортсменов»²⁹⁷.

И еще примеры из художественной литературы.

«Я целиком была там, со своими. Какие бы они ни были. Даже с малосимпатичным Михаилом Михайловичем. Уже не говори о Владимире Степановиче — он несколько раз заходил к соседке, великан-богатырь с древнерусским бородатым, спокойным лицом, какой-то Добрыня Никитич или Вольга Святославич. Удивительные у него были руки — большие, длиннопалые, руки умельца, ар-

²⁹⁶ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. — М.: Наука, 2001. — С. 311.

²⁹⁷ Брагина М.А., Дронов В.В., Красс Н.А., Синячкин В.П., Тарасов Е.Ф. Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка: учеб. пособие / под науч. ред. В.М. Филиппова. — М.: РУДН, 2008. — С. 18.

тиста тонкой работы; каждый палец жил своей особой, талантливой жизнью. Каждый раз, когда он приходил, я любовалась на его руки. Это помогло мне не слышать вздорных претензий соседки» (И. Грекова. Перелом (1987)).

«Все её страницы были разрисованы красками, тщательно и трудолюбиво. Я перевертывал хрупкую на морозе бумагу, заиндевелившие яркие и холодные наивные листы. И я рисовал когда-то — давно это было, — примостясь у семилинейной керосиновой лампы на обеденном столе. От прикосновения волшебных кисточек оживал мёртвый **богатырь** сказки, как бы sprysнутый живой водой. Акварельные краски, похожие на женские пуговицы, лежали в белой жестяной коробке. Иван Царевич на сером волке скакал по еловому лесу. Ёлки были меньше серого волка» (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954—1961)).

Савелий, богатырь святорусский
С большущей сивой гривой,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала всё боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну распрямится?

(Н.А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо: «В каком году — рассчитывай...» (1865—1877)).

Бурав — буравить

Варианты в КДРС: бѹровъ бѹравень бѹравль бѹровль

В одной из карточек перед данным примером читаем: *бурав* — инструмент для сверления дыр. Затем: всякіе желѣзные инструмѣнты, а нмянно: топоры, косы, серпы, бѹравы, скobelи, и долоты осматривать, старое починивать (Флор. Ек. 1775 ~ 1738 г. 132).

...размѣрительной жезлъ, молотъ, а на концѣ его буравъ доброн, иглу острѣю... (Бринкс. Опис. Артил. 1710. 56).

Да 11 буравовъ железныхъ, трѣбы вертятъ (Арх. Стр. I, 481. 1568 г.).

Да тебе жъ бы, господине, велѣтъ здѣлать судовыхъ железныхъ снастей, чѣмъ суды делать: двѣ сковели, двѣ оборотки, два буро́ва, напарью болшѣю (Петлин, 267. 1618 г.).

За 30 великихъ буравовъ, за буравъ по 4 денги, и того 75 гүлденъ (ДАИ V. 1667. 232).

Два буро́ва (= буравъ (Монг. II, 264).

Роспис мастерскимъ снастямъ которые здѣланы ... к водопропускному дѣлу ... 2 буро́ва болшихъ мѣрою, напарн и буравы по две сажени с лохтемъ (Арх. Гамеля. № 17. 1628 г.).

Список съ росписи Лункинымъ животомъ Чистякова: ... колчанишка, замокъ самопальной, буравень, топаренка (Ворон. а., 210. 1633 г.).

На мельничномъ дворе изба, на мельнице 6 насок, топор просечной, напарья, буровль, 2 пешни, молот (Хоз. Мор. I, 161. 1667 г.).

Пшечного припасу: ... 10 мѣшковъ юфтеныхъ, въ чемъ порохъ носятъ, 1 буравль болшой, 1 долото (ДАИ X, 110. 1682 г.).

А буде которой иноземецъ заскорбитъ рѣкою, провертеть здоровѣю рѣкѣ буравомъ, вынять мозгъ и помазать болная рѣка, и будетъ легокъ и здравъ безъ обенѣ рѣк (Какъ лечить иноземцевъ XVIII в. ~ XVII в. 248).

«Словарь тюркизмовъ в русскомъ языкѣ» Е.Н. Шиповой: бура́н бура́вль (вор.), бураве́ц (тер., ворон., калуж.) инструментъ для

просверливания дыр, сверло (Даль, 1, 142; СРНГ, 3, 279). Ср.-рус. (XVI в.) *буравъ*; Норстет, 1780 *буравить*; Сл. акад., 1847 *бурить*. Как замечает Дмитриев, *бурав* является отглагольным существительным, образованным от гл. корня *бор || бур* 'вертеть, крутить'. «Русское *бурав*, скорее всего, восходит к татарскому оригиналу (особый вид тат. безударного *о* русские принимали за *у*)» (Дмитриев, 1958, 22). «Это слово в этимологическом отношении отличается от созвучного *бур*» (Фасмер, 1, 242, 243). «Сближение с *бур* явл. народно-этимологическим» (Шанский, 1Б, 228, 229). Предполагается, что *бур* в знач. 'орудия для сверления земли' явл. заимств. нем. *Bohr*. Огиенко считает *бурав* заимств. из тур. (1915, 35). Радлов *бурау* (казан.) = *бруу* бурав (4, 1817); *бургу* (каз., тур.) = *бүрү* буравчик, сверло, коловорот <...>; *бура-* (каз.) буравить, винтить, завести часы <...>; *пургу* (тел., алт., леб., шор., саг., койб. от *пурга+у*) винт <...>; *бур-* (тур., крым., ком., каз.) 1. вертеть, переворачивать, скручивать; 2. (кирг.) отворачивать <...>; *парма* (узб.) бурав <...>; *пур-* (алт., леб., тел., шор., бараб.) вертеть, свертывать, винтить <...>. Каз. *Бұрау* 1. винтить, закручивать; 2. закручивать; *бұрама* винтовой; закручиваемый; *бұранда* винт (Каз.-рус. сл., 1954)²⁹⁸.

Буравить. Языковая метафора. Пристально и внимательно смотреть, словно сверлить взглядом. — *Он не смотрел, но всматривался, пронизывал, буравил спокойными зрачками* (Полонский. Д. Фурманов).

«Я отвечаю за каждого из вас и каждого из вас доставлю назад живым или мертвым. Увлекаемый, как в дикой сказке по лесной дороге, зажатый, скрученный, Василий Иванович не мог даже обернуться и только чувствовал, как сияние за спиной удаляется, дробимое деревьями, и вот уже нет его, и кругом чернеет бездейственно ропщущая чаща. Как только сели в вагон и поезд двинулся, его начали избивать, — били долго и довольно изощренно. Придумали, между прочим, буравить ему штипором ладонь, потом ступню. Почтовый чиновник, побывавший в России, соорудил из

²⁹⁸ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата, 1979. — С. 95.

палки и ремня кнут, которым стал действовать, как черт, ловко Молодчина! Остальные мужчины больше полагались на свои железные каблуки, а женщины пробавлялись щипками да пощечинами» (В.В. Набоков. Облако, озеро, башня (1937)).

«— Смотри, окорок заберу! — раздраженно сказал Шурасик. Пельменник перестал **буравить** его единственным глазом и взял окорок. — Совсем народ шутки перестал понимать! Слышь, ты там скажи ребятам, чтоб в другой раз пива приносили. А то на сушняк ничего не лезет, — зевнул он и убрал ногу» (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)).

«САНТА-БАРБАРА, САНТА-БАРБАРА...» Это я в том плане, что была такая песенка у Леонтьева. И поклонникам американского мыла совершенно незачем **буравить** глазами страничку в поисках знакомых имён или, ещё хлеще, информации, когда же любимый сериал начнут показывать снова! Это вряд ли. А вообще, чего это все так на сериалы ополчились? Кто-то из нас их любит, кто-то клинически ненавидит, мнений полно, сериалов тоже. («Санта-Барбара, Санта-Барбара...» (2004) // «Уральский автомобиль» (Мин-асс), 2004.02.03).

Палачь

Палачь «исполнитель смертной казни»:

полачь **Диомни**, **полачи**. **Диоминъ**, **полачѣи** (Речь тонкосл. греч. 2, 204—205. XVI в.)

Убиенъ **высть** нареченный царемъ **Федоръ** **Борисовичъ**... **палачи** его **удавиша** новѣлниемъ князя **Василія** **Голицына** съ **товарищи** (Сказ. о Гр. Отрепьеве, 731. XVII в.).

Этимологический словарь современного русского языка А.К. Шапошникова свидетельствует:

Палач — человек, который приводит в исполнение приговор о смертной казни, производит пытки; перен. жестокий мучитель, угнетатель; прилаг. **палаческий**. «В русском языке XVI—XVII вв. **палачьникъ** и **палачь** — тж. Англ. агент Дж. Горсей отм. **pallac[h] nicks** в 1573—1580 гг., затем в 1586 г. упом. **pollatchy** — **le bourreau**, а в 1618—1619 гг. Р. Джемс также упом. **pollatch** — **the exe-**

ationer. Собств.-рус. сокращение производного с суф. -**никъ** от **палашъ** вид сабли с прямым широким лезвием». Первоначальное **палашьникъ** в народном речевом обиходе изменилось в **палачьникъ** (ср. **калашъникъ** и **калачъ**), а затем упростилось до **палачъ**»²⁹⁹.

*«Не могу сказать вам точно, что она пыталась спеть. Может быть, еврейскую песню, может, украинскую или русскую, а может «Интернационал», гимн нашей юности, наших надежд... И она продолжала бормотать, бессвязно, неслышно, даже в этой мертвой тишине. **Палач** вбил гвоздь в правую руку, потом в левую, и она что-то бормотала, пока не смолкла, не затихла, и висела, распятая на кресте. Все стояли на своих местах, все смотрели на неё, и моя мать смотрела на неё, на свою дочь, распятую на кресте, и маленькая Оля смотрела и маленький Игорь...» (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975—1977)).*

*«Надзиратели сразу подхватили осуждённого за руки, оторвали от земли, понесли на платформу перед станком. Один из надзирателей — третий — вдруг очутился сбоку, поднял верхнюю часть деревянного ошейника, и **палач**, подойдя, сейчас же ткнул туда голову осуждённого. Что-то щелкнуло. Это закрылся ошейник. Осуждённый лежал в жёлобе, голова его была по ту сторону» (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)).*

*«Сегодня, да, пока еще не полностью. Прилетел в Красноярск. Встречают меня в аэропорту два десятка трудящихся. Трясут плакатом «ЧУБАЙС — **ПАЛАЧ** РОССИИ!» Все правильно. Все на месте. Все как надо» (А. Чубайс. Больше наглости! (2003) // «Советская Россия», 2003.09.01).*

«В них актриса живет с яростным бесстрашием, проигрывая биографию, судьбу, женское естество своей трагической героини. В ее монологах нет проходных мелочей. Существенно все:

²⁹⁹ Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2010. — Т. 2. — С. 104—105.

и звенящая властность голоса, и отточенность каждого жеста, каждой позы, и небрежное изящество, с которым она носит свои туалеты. Победа и поражение, жертва и палач, красота и уродство — все сразу, все едино, как и случается в реальности. Делали постановщик К. Серебренников ставку исключительно на одну Неелову? Сомнительно, хотя, надо полагать, знал, что ее исполнение затмит все остальное. В общем решении спектакля чувствуется замах на нечто глобальное, вселенское, с его загадками и тайными силами» (Мелькать или не мелькать? (2003) // «Театральная жизнь», 2003.04.28).

Рассмотренные слова кроме своей образности играют роль и в описании событий именно с гиперболизацией той или иной ситуации или человеческих достоинств. Согласно Л.П. Крысину, «гипербола — это прием выразительности, применяемый говорящим с целью, во-первых, обратить внимание слушающего на данную ситуацию или ее свойства и, во-вторых, создать у слушающего преувеличенное представление об этой ситуации или о ее свойствах. Гипербола обычно имеет место в высказывании. При этом высказывание должно быть соотнесено с ситуацией — само по себе оно часто не является гиперболическим»³⁰⁰.

Из приведенных примеров видно, что в текстах художественной литературы данные слова играют «оценочную» роль (например, свойства предметов, расстояний), «усилительную» роль (например, различных действий, той или иной ситуации, события), «уничижительную» роль (например, характера и действий людей) и т.д. И, как утверждает Л.П. Крысин, «стремление создать у окружающих преувеличенное представление о собственных слабостях или, напротив, достоинствах (это, очевидно, зависит как от характера человека, так и от ситуации), о свойствах собеседника, третьих лиц, предметов, событий и т.п. вообще в природе человека, и даже не человека как такового, а говорящего. Рассказчик, и в особенности участник диалога, постоянно усиливает и «расцвечивает» свою речь с помощью

³⁰⁰ Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — С. 251.

разнообразных приемов: употребляя эмоциональные слова и выражения, метафоры, прибегая к сравнениям, жестикулируя и т.д. Средства гиперболизации играют в этом далеко не последнюю роль»³⁰¹.

Он объясняет причины гиперболизации в устной и письменной речи, которые лежат в области психологии речи: «Во многих случаях говорящему выгодно представить ситуацию как обладающую некоторым признаком Р в максимальной степени — для того, например, чтобы подчеркнуть некоторые собственные свойства или свойства других людей»³⁰².

В.П. Синякин отмечает, что «немало заимствований из тюркских языков за период становления русской языковой культуры сформировали особый внутренний план сознания носителя данной культуры, стали концептообразующими — концептуальными для русского сознания. Что, естественным образом, не могло не отразиться в созданных русским народом художественных образах»³⁰³. И в качестве примера приводит такие слова и фразеологизмы с иллюстративными материалами из художественных произведений и устного народного творчества, семантическая наполненность которых языковой картиной русской действительности не подвергается сомнению:

Ямщик (...в той степи глухой умирал *ямщик*; *Ямщик*, не гони лошадей; В долгих песнях *ямщика*: то раздолье удалое, то неясная тоска...);

Курган (Спят *курганы* темные...; В том *кургане* похоронена война...).

Изюм (заменивший мед и символизирующий Солнце — Царство Божие).

Как он пишет, достаточно рельефно тюркизмы выражены в русской мифологии (былинах, сказках):

Кощей (там царь *Кощей* над златом чахнет, там русский дух, там Русью пахнет; и *Кощей Бессмертный*, и *Кощеюшка*).

³⁰¹ Там же. — С. 254.

³⁰² Там же. — С. 253.

³⁰³ Синякин В.П. Историко-культурный слой тюркизмов в русском бытовом сознании // Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия: сб. науч. тр. по мат-лам Круглого стола. — Астана, 2008. — С. 132—147.

Бурый, каурый (Сивка-бурка, серая каурка из сказки).

Бисер (Не мечите *бисер* перед свиньями).

Сермяга (сермяжная / сермяжья правда).

Деньга, алтын и полтина, казна, казначей.

Басурман (пренебрежит. к тюркским народам).

По наблюдениям Г.Х. Гилязетдиновой, одним из закономерных видов изменения значения восточного слова является метафоризация, которая представлена реже, чем явления метонимического характера. Исследуя язык произведений Московской Руси, она указывает на процессы метафоризации, являющиеся хотя и редкими, но достаточно показательными, поскольку именно метафора, как особое средство выразительности, отражает глубину вхождения ориентального слова в лексическую систему русского языка.

Ср., например, *бисер* 'драгоценность' (по отношению к Христу) как символ высшей степени истины, духовной ценности, *небесный чертог* 'небесная обитель, рай', *Ноев ковчег* как символ спасения мира и др. При этом метафорическое использование отдельных заимствований продолжает развиваться и функционировать в системе образных средств литературного русского языка нового и новейшего периодов. Данные метафоры в литературном языке нового времени использовались и как поэтические элементы текста, и для выражения иронически-шутливого отношения к объекту оценки (ср.: *ковчег* — 'большое, ветхое, старомодное судно, повозка', *чертог* — 'о комнате, помещении')³⁰⁴.

Развитие значения как результат ассоциации по смежности наблюдается у заимствованных существительных конкретно-предметной семантики. Ср. название ткани → наименование куска ткани определенного размера (*зуфь* 'шерстяная ткань' → *четыре вишневых зуфы*); наименование сосуда → наименование меры жидкости, помещающейся в этом сосуде (*бадьа* → *дехтю 2 бадьи*) и др.

³⁰⁴ Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011. — С. 19.

«Подвижность» и «движение» словарного состава, как правило, сопровождается различными трансформациями в лексической структуре языка. Это можно увидеть на примере слова *‘караван’*, проследив его исторический «путь» «от Востока до Запада», процесс его семантизации, «пережитые» им семантические и фонематические трансформации и приобретенную культурную коннотацию.

Длинная история адаптации слова «караван» в русском языке начинается задолго до 1462 г., однако мы начинаем описание именно с этого времени, когда слово было зафиксировано в «Хожении священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461—1462 гг.» и в ряде других памятников:

И пондохом на горѣ Синаискѣю въ бо мног каровано со-
правъ, десятъ<ъ> тысящъ велеблюдовъ и людемъ мног<о>, идо-
хомъ .еі. днен, пѣтъ<е> шествѣя отъ Егѣпта до Синаискія горы
(Х. Варс., 14. XVII в. ~ 1462 г.)

(Ермак) разбивал на Оке и Волге и на море сѣды и катаргп,
торговые караваны въ скопе съ 5000 человекъ (Рем. Лет. 313)

Пришел на Тюмень полем из Бѣхарскіе земли отъ царя
Имангѣла посол Чабак Балыков, да с ним кашевар, да с ними
же в кароване пришли всякихъ бѣхарскихъ торговыхъ людей и с
кашевары 19 человекъ (Гр. Сиб. Милл. 1622 г. II, 287)

...и они въ Бѣхарцы и юргенцы съ карованы своими шли
на караганское пристанище для торгѣ жѣ съ своими товарами...
(ДАИ IV. 1661, 258).

Слово «караван» в современном русском языке — общеизвестное, под ним чаще всего понимается «группа вьючных животных, перевозящих кладь и людей в пустыне или в степи». Анализируемое слово в памятниках письменности часто существует в значении — «флот», «морской флот». Например, в «Лексиконе кокабулам новым по алфавиту» дается следующее определение: «Флотъ — морскіи караван (Лекс. в. н. 380).

Караван употребляется в сочетании со словом «воинской» и памятнике деловой письменности «Вести-куранты», которые содержат различные сведения о событиях, происходивших в разных странах, а также торговых людях, вернувшихся на родину, дипломатических лицах, о ярмарках, крупных политических действиях, исключительных явлениях природы и т.д.:

Изъ Лондона іюня въ 24-й день: наигъ воинской караванъ. стоитъ часть въ Гаврикѣ, а достальныя корабли въ Динстѣ и берегутьъ, чтобъ Галанскіе караванъ черезъ каналъ къ сѣверу не проходили... (Куранты, 1665. 42).

Подобное сочетание встречаем и в «Описании книги сея государства китайского или хинского»:

Ныне на том острове 72-го рода построены по берегу морскому и тамо есть многия корованы воинскія... (Опис. гос. Кит., 109 об.).

Как видно из контекстов, различные фонематические варианты слова **караван** и **корован** применяются в сочетании со словом «морской». Приведем еще примеры:

Въ нынешнемъ... 206 году, ...по указу великого государя... приняты въ его... службу для морского каравана на кораблях иноземцы стюраны, матрозы, плотники и иныхъ чиновъ, которые изъ Амстердама отпущены къ Москве (А.И. 12 Отп. Рос. въ Гол. пос. 68. 1697); И бысть разбойникъ и ходилъ по морю на судахъ... И множество ихъ морскихъ коровановъ собра богатства и силы чѣмъ оуже и самому китайскому црю богатствомъ равенъ есть (Книж. о покор. Кит., 188 об. 1731).

При работе с Картотекой ДРС мы обнаружили иллюстративный материал, где имеется помета с вопросительным знаком, что в данном контексте вероятно обозначает затруднение составителя картотеки о каком караване идет речь:

Изъ Китай великой караванъ вышелъ камокъ, сказываютъ
коши 40000 косяковъ [помета: *верб. караван?*] (ВН (Птр. I — 656)).

В памятнике, датированном 1710 г., под названием «Генеральные сигналы надзираемые во флоте его царского величества» обнаружено параллельное употребление в контексте слов **караван** — **флот**:

Бгда **кораванъ** или **флотъ** стоитъ въ линен боеваго строю,
уставя марсъзенлы противъ вѣтрѹ, и адмиралъ похочетъ
чтобы оны брасы отпущали, и тогда надлежитъ ему желтон
флакъ съ флагштока съ форстенга распустить... (Г. сигналы
фл. 1710. 82).

Как видно из примера (текста начала XVIII века), слово **караван** посредством союза *или* одновременно употребляется со словом «флот». Возможно, это объясняется «свободным» лексическим нарыированием слов в памятниках. В дальнейшем слово «караван» встречается в памятниках русской письменности XVIII века, например, в следующем фрагменте:

Караванъ мой, караванъ, / Главный, явный караванъ! /
Стой, не расхондися! / Я в этом караванѣ / Ходила — гуля-
ла; / Я ходила, я гуляла, / Танец заводила... (ВНП, Т.IV, 661.
XVIII в.).

Последний пример из «Великорусских народных песен», собранных А.И. Соболевским», извлечен из Картотеки, в которой слово **караван** ассоциируется, согласно определению словаря В.И. Даля, с «толпой или ватагой, сборищем на ходу». Кроме этого толкования в словаре В.И. Даля дается несколько обозначений анализируемого слова: «поезд», «обоз», «сборище путников», «хоровод», бывает «торговый, выучный караван — верблюды с кладью», «водяной караван — сборище речных барок, идущих вместе», также говорили «народ караванами ходит — толпами, патагами»³⁰⁵.

³⁰⁵ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. — М.: Эксмо, 2002. — С. 311.

Таким образом, приведенные примеры со словом *караван* с вариантами *корован*, *кораванъ* дают повод говорить о вариативности слов *караван* (с различной семантикой: воинский караван, верблюжий караван, морской караван) со словом *флот* (морской флот).

На основе слова «караван» в русском языке появляется сочетание «караван-сарай», наиболее ранняя фиксация его обнаружена в памятнике письменности 1515 г. в виде варианта карва-саран:

Здѣсе на Москвѣ торгового человѣка Алея бурсынина въ животѣ не стало, а товаръ его наши приказчики написали въ карва-саран (Крым. д. П, 125. 1515 г.).

В памятниках русской письменности слово караван-сарай обозначает 'постоялые дворы', 'гостиные дворы' на торговых путях и в городах Ближнего и Среднего Востока. Например:

Въ 17 день [июля] прѣѣхали въ Генджѹ въ овѣдѣ, стали въ караванѣ-сарай (Арс. Сух. 103. 1653 г.).

При этом Картотека ДРС свидетельствует о различных вариантах подачи и толкования данного слова в памятниках, как:

- *карасамраи*: ...а по дороги отъ Шаврани до Шамахи стоятъ три карасамран [в КДРС дана помета: *караван-сарай* (постоялый двор)], а по руски гостиные дворы каменные крѣпки и добры с амбары и с конюшнями и с вороты (Кот. 82);

- *крмюсарѣи*: А мѣсто Гавза а баня въ немъ пребогъ, а идетъ вода горячаа изъ горы; а въ томъ мѣстѣ армоурагъ и крмюсарѣи [здесь дана помета: *караванъ серай*], кто ни придетъ отъ какия вѣры, всякого упокоивають, и кормягъ и поятъ; а чинилъ Магнетъ Паша Издыромъ Баязытовъ внукъ, а ходу до него 20 дни... (Хождение гостя Василия. 1465—1466 гг. 2 стр.);

- *корванъ сарай*: Казбинские де торговые люди многие его знаютъ, что онъ сидѣлъ на корванъ саран въ лавкѣ, продавалъ соболи (Посольство Барятинского, 478. 1619 г.);

- *кермасарай*: По улицамъ и по кермасараемъ (Х. г. Вас., 6. XVI в. ~ 1466 г.);

- *крамсарай*: Отъ носки киндяковъ исъ Красильного ряду до крамсарае, дано аммаломъ с тысячи киндяковъ по полу-полтинѣ (ДТП III, 1467, 1665 г.);
- *кормесарай и кермосарай*: .ДІ. тысящъ кормесараевъ, а комаръ въ кермосаран много (Ег., 70. XVI в.);
- *кирмо-сарай*: И селянинъ его волново вынесъ на кирмо-сарай да покинулъ, а съ нимъ покинулъ 300 алтынъ, а ска-залъ зауморщикомъ, что болѣ того у него нѣтъ ничего (Крым. д. I, 297. 1500 г.).

В работе В.Г. Демьянова встречаем следующую интерпретацию слова *сарай* по отношению к категории числа: «*Сарай* ‘дворец’ (из тур., кыпч., тат. *sarai* ‘дом, дворец’) употребляется во мн. числе в Ст. сп. И.П. Новосильцева (1570 г.): «был в *сараех*, а прозвище *сараем* Кондиль, а приезжает в те *сарай* для потехи». Мн. ч. объясняется, по-видимому, не тем, что им обозначается какое-то множество дворцов или какая-то совокупность строений, дворцовый ансамбль. Дело, видимо, в тюркской форме с окончанием *-и* (тюрк. *j* ослаблялось в *i*), воспринимавшейся в русских текстах как слово, близкое по значению к топониму во мн. ч. с окончанием *-и*. Не исключено, что в *сараех*, *сараем*, *сарай* в словоформах, воспринятых с живого произношения, как это типично для статейных списков, флексия была в подударном положении *сараѣх*, *сараѣм*, *сарай* и в последнем случае образовывала самостоятельный слог: **са-ра-ѣ**»³⁰⁶.

Возможно, внешний облик восточных слов объясняется здесь главным образом, возможными фонетическими модификациями, происходившими в русском языке древне- и среднерусского периода. Между тем, часть изменений, возможно — результат простой порчи или ошибки при переписывании рукописи, однако — это лишь какой-то процент, исключить который помогает широкий сравнительный фон, подтверждающий, как правило, выявленные закономерности.

³⁰⁶ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. — М.: Наука, 2001. — С. 172.

Слово *карасамрай* часто заменяется русскими словами «гостиный двор»:

А около майдану ряду, и кафы, и гостиные дворы: мечети — все каменные. А гостиных дворов, сказывают, вольности, а все каменны (Хожд. Ф. Кот., 42, 1642). В русском языке иноязычному слову *карасамрай* семантически соответствует словосочетание *гостиный двор*, поэтому в дальнейшем в употреблении слова *карасамран*, вероятно, не было необходимости.

Н.Ж. Шаймерденова отмечает: «Памятники русской письменности, в которых нашли отражение дипломатические и торговые контакты с народами восточных стран, иноязычные (тюркские) слова объясняются, как правило, с помощью глосс»³⁰⁷. Она пишет, что в следующей иллюстрации

А по дороги от Шавранн до Шамахи стоятъ три карасамран, а по руски гостиные дворы каменные крѣпки и добры с амбары и с коняшнями и с вороты (Х. Котова, 82, 1624 г.)

купец Ф. Котов при описании чужой страны употребляет тюркизм *карасамрай*, который представлен в сопровождении глоссы-словосочетания *гостиные дворы*. Такого рода тюркизмы при первом употреблении даются с помощью глосс, а в дальнейшем, становясь более или менее известными, применяются без глосс — варьируются со словами общеизвестными или могут вступать в синонимические отношения с исконно-русскими словами. «При использовании этого приема, — отмечает Н.И. Гайнуллина, — филологическая мысль древнего книжника обнажается до предела, когда видишь совмещение прямого и символического смыслов в слове, проявляющем такую свою особенность, как синкретизм»³⁰⁸. О приеме глоссирования исследователь пишет: «Однако этот способ древними книжниками особенно хорошо был освоен в тех случаях, когда необходимо было семантизиро-

³⁰⁷ Шаймерденова Н.Ж. Глоссы как феномен текста. — Алматы: Борки, 1997. — С. 79.

³⁰⁸ Гайнуллина Н.И. Истории русской грамматической мысли (донациональный период). Мат-лы к спецкурсу для магистратуры: учеб. пособие. — Алматы: Казак университеті, 2004. — С. 15.

либо неизвестное или малопонятное слово, чаще всего в текстах энциклопедической направленности. Тогда рядом с неизвестным словом появлялся его семантический эквивалент в виде синонима или квазисинонима»³⁰⁹.

Решение вопроса происхождения слов **караван** и **каравансарай** в лексикографической практике остается дискуссионным. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера отмечается, что слова «караван» и «каравансарай» вошли в русский язык через французский *caravan* из перс. *kārvān* «караван верблюдов» и *caravan-sérail* или нем. *karawansehai*, которые восходят к персидскому *kārvān serāi*. Примечательно, что в словаре ставится под сомнение то, что слово «караван» в отличие от «каравансарая» заимствовано с Востока³¹⁰.

В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой мы встречаем следующее определение слова «караван»: «группа домашних животных, перевозящих грузы, людей (в пустыне, степи)», а этимология дается следующая: «в каз.яз. *керуен* караван заимств. из перс. *каруан* (перс.-рус. сл., 1960, 391). Огиенко считает, что в рус. яз. *караван* вошло из тур. яз. (1915, 35)»³¹¹. По данным словаря слово «караван» существует во многих тюркских языках — «*караван* (тоб., перс.) *караван* (2, 165); *керібан* (тар. = карван караван (2, 187); *карван* (тур., чаг., аз. из перс.) *караван* (2, 1107); *kārwān* (крым.) = *kārwān* (там же). Ср. кирг. *кербен*, узб. *карвон*». А этимология слова «караван-сарай» в словаре вовсе отсутствует.

Отметим, что в «Историко-этимологическом словаре» П.Я. Черных не обнаружено толкования анализируемых слов, а в словаре В.И. Даля отмечены слова: «*караван-сарай*», обозначающее «род пристанища, постоялого двора в Азии, для путников и караванов»; «*караваничик*» — «человек, принадлежащий к каравану»; «*караванбаши*» — «голова, староста азиатского каравана, избираемый сами-

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1986—1987. — Т. IV. — С. 190.

³¹¹ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата: Наука, 1976. — С. 164.

ми путниками из числа бывалых; при нем состоит караванный во-
жак; и ему все повинуются»³¹².

Хотя слово *сарай* в славянских языках считается тюркизмом (А. Преображенский, Н.К. Дмитриев), по мнению И.С. Козырева, в русском языке оно бытует со значением, нехарактерным для тюркских — ‘навес на столбах’, ‘нежилое строение для скота, дров, корма и т.п.’. Он относится с недоверием к утверждению о древнерусском периоде заимствования (Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961) и предполагает, что наиболее вероятным языком, из которого заимствуется слово *сарай*, является татарский³¹³.

Первые случаи употребления этого слова отмечены в XIV—XV вв. Например, у Д.М. Мейчака встречается следующий пример:

*«А мне Ивану болшему досталос дворище от Борисоглебского межи да две кледки да хлев подъ кледками да пол-сарая да заплотина под тем сараем»*³¹⁴.

Широкое употребление слова *сарай* в значении ‘навес на столбах’, ‘нежилая хозяйственная постройка’ наблюдается в русском языке в XVI—XVII вв.: «**ДЕЛАЛИ сарай на ки(р)пичь**» (КБМ, л. 14 об.—15 — Книга расходная Дорогобужского Болдина монастыря. Рукопись ЛОИИ, к. 124, № 139); «**и дрова готовити и саран дѣлати**» (ААЭ, I, 450 — Акты, собр. в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук, т. I—V. СПб., 1836); «**Да нами же половникамъ поставити сарай на 7 столбахъ**» (АХУ, II, 951 — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. 2 (1500—1706 гг.) — РИБ, т. XIV. СПб., 1894).

³¹² Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. — М.: Эксмо, 2002. — С. 311.

³¹³ Козырев И.С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974. — С. 14—15.

³¹⁴ Мейчак Д.М. Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива министерства юстиции... «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве юстиции». — Кн. IV. — М., 1884 (цит. по: Козырев И.С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках. — М.: Наука, 1974. — С. 14).

Итак, суммируя все предположения, можно представить слово **караван-сарай** во всех существовавших вариантах следующим образом: **карасамран**, **карва-саран**, **крмюсаръѣн**, **корвантъ-сарай**, **караван-сарай**, **кермасарай**, **крамсарай**, **кормесарай**, **кормосарай**, **кпрмо-сарай**.

А.К. Курышжанов указывает на то, что термин *кермен* зафиксирован в средневековых тюркско-арабских словарях XIII—XV вв., причем уже старейший из них отмечает, что слово *кермен* менее известно, чем его синоним *шаһр* (персидское слово). «Особый интерес вызывает форма *кербен* <...> ‘крепость, стена’ в труде араб-филолога Ибн-Муханны, где выражена контаминация с персидским <...> *карван* ‘караван, обоз’, что произошло, вероятно, в названии караван-сарая <...> *карван сарай*». Слово *кермен* было употребительно и в армяно-половецком языке (кыпчакском славянизированном языке польско-украинских армян)³¹⁵.

Источники свидетельствуют, что тюркский термин *кермен* рано проник в древнерусский язык, перейдя в нем в полногласную форму *керемень* и контаминировавшись с персидским словом <...> *карван*, что началось еще на тюркской почве, где, как уже указывалось выше, араб-филолог Ибн Муханна зафиксировал форму *кербен*. Термин *керемень* (<*кермен*>) встречается в памятнике русской письменности: в «Записках Игнатия чернеца о путешествиях митрополита Пимена в Царьград и Иерусалим» («Сказания Русского народа», Т. 2, Кн. VIII. — С. 106) в неправильном прочтении:

«Тамо естъ икеремень <вместо: и керемень> саран поставленъ недоходя Иерданя рѣки с пять верстъ. Интересно, что и более позднем издании эта форма также осталась: Тамо естъ икеремень сарай, поставленъ не доходя Иордана реки съ пять керстъ <...>».

Таким образом, термин *керемень* (*кермен*) прочно контаминировался с термином *кервен* (сравним: каз. ‘керуен’), т.е. ‘караван’.

³¹⁵ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. — М.: Наука, 2006. — С. 443.

вследствие чего наряду со словами *караванъ-сарай*, *карвасарай*, *корванъ-сарай* стали распространяться такие варианты (или ошибочные формы), как *кермасарай*, *кормесарай*, *кормосарай*, *кирмосарай*, *карасамран* и т.д.

Следует также отметить, что термин *кермен* встречается преимущественно в топонимии Южной Руси и в русских памятниках передавался термином *городок* (*Ферахкерман*, *Исламкерман*, *Шахкерман*, *Джанкерман* и т.д.)³¹⁶.

В современном русском языке слово *караван-сарай* вышло из употребления, но наблюдается употребление словосочетания *гостиный двор*, которым часто именуются универсальные магазины (супермаркеты), торговые дома, иногда гостиницы.

В свою очередь К. Сапаров в современном русском языке слово «караван-сарай» относит к архаизмам, к которым, по его мнению, «пишущие прибегают в целях воссоздания исторического колорита той или иной эпохи»³¹⁷.

Таким образом, выявлено 9 лексических вариантов слова «караван-сарай», обозначающего «гостиные дворы», «постоялые дворы». Однако, не менее интересен и следующий пример:

Апрѣля въ 26 день всѣ поклонницы пошли во всѣ дороги, каждый въ свою страну, по морю и по сѣху. Поѣхали изъ Іерусалима въ понедѣльник на ѳоминой недѣлѣ, съ ними же и азъ Арсеній поѣхалъ... Въ 27 день поѣхали по ѹтру, ѣхали до полудня, ночевали у пѣстаго хана [здесь в КДРС дана помета 'постоялый двор'] (Арс. Сух. 90).

В приведенном примере из «Проскинитария Арсения Суханова», как мы видим, в значении 'постоялый двор' выступает слово

³¹⁶ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. — М.: Наука, 2006. — С. 445.

³¹⁷ Сапаров К. Экзотическая лексика тюркского происхождения в современном русском литературном языке (на материале заимствований из узбекского, казахского, туркменского, киргизского и каракалпакского языков): автореферат дис. ... канд. филол. наук. — М., 1991. — С. 11.

хан, после которого в Картотеке А.И. Соболевским дается пояснение «постоялый двор».

Примеры с пометой А.И. Соболевского «постоялый двор» к слову хан можно встретить очень часто. Приведем другой контекст с употреблением «хан» в значении «постоялый двор» уже без объяснения — пометы:

...тутъ была Вивсаида, а нынѣ пусто, токмо стѣны многы знать, развалились; тутъ переѣхали рѣкѣ маленькѣ, потомъ другѣю, по чрево коню, шириною сажени четыре и впади въ море Тиверіадское. Изъѣхавъ море было село, раззорено все, токмо ханъ цѣль стоитъ пустъ. Тутъ полднѣвали и ночевали... [в КДРС дана помета: А.С. — *постоялый двор*] (Арс. Сух., 91).

Тюркизм хан обозначает социальный статус людей Востока. Об этом свидетельствует «Словарь тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой, где слово хан толкуется как «титул монарха, правителя в некоторых восточных странах»³¹⁸. Например: Въ 18 день ходилъ Арсеніи къ католикосу челомъ ударить на кормѣ, и католикось ѣнялъ Арсеша ѣ сева овѣдать, посадилъ подле себя съ левой рѣки, и сидя говорилъ: ханъ де нанигъ аще и вѣсѣрманъ, а къ намъ де милостивъ, отъ него къ намъ никакой оиды нетъ (Арс. Сух. 106).

В указанном словаре приводится лишь перечень источников (в том числе — лексикографических), где упоминается слово «хан» — все они выступают в значении «хан, царь, император, каган». В приводимых ниже примерах оно носит скорее экзотический характер, так как значение этого тюркизма несет в себе понятия «родовые, должностные, почетные звания людей» и вводится в контекст с помощью глоссы:

И шахъ ево пожаловалъ, подъ свою рѣкѣ принялъ и назвалъ его ханомъ, а по руски царемъ, и положилъ на него чол-

³¹⁸ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата: Наука, 1976. — С. 361.

мү, и въ Кызылбашеуъ ходить въ чѣлмѣ... (Посольство Тихан. 1615г. 299).

В словаре Е.Н. Шиповой анализируемое слово в значении «двор» или «постоялый двор» не обнаружено.

В отличие от данного источника, в словаре М. Фасмера представлены следующие этимологии слова «хан»: 1. «Хан I «азиатский титул», др. — русск. *ханъ*, Афан. Никит., Котошихин 187 и др., еще раньше — *канъ*. Заимств. из тур., уйг., чагат. *хан* «хан, император» (Радлов 2, 1662). <...> Рамстедт ищет источник этого титула в кит. Неверно объясняет это слово Штегман — из «*хаганъ*»; 2. «Хан II «постоялый двор, трактир», южн. Из тур. *хан* — то же от перс. *хат* «дом»³¹⁹.

Вероятно, в казахском языке слова *асхана*, *дәріхана*, *кітапхана*, *ойынхана* и т.д. получили распространение от второго значения слова «хан». По наблюдению Э.Д. Сулейменовой, активное образование в казахском языке новых эргонимов с компонентом — *хана* в значении «дом, помещение, жилище» с неизбежностью отразилось и в русском языке: в настоящее время помимо привычной *чайханы*, на вывесках появились *мейрамхана* (ресторан), *зертхана* (лаборатория), *емхана* (поликлиника, амбулатория), *аурухана* (больница), *кітапхана* (казахское *кітапхана*; библиотека), *дарихана* (казахское *дәріхана*; аптека), *ойынхана* (казино), *қымызхана* (казахское *қымызхана*; при наличии уже освоенного русским языком слова *кумыс* используется транслитерированное *қымызхана*; кумысная) и т.д.³²⁰

Итак, результаты наблюдения над судьбой слова *каракан-саран* позволяют делать вывод, что возможно данное слово в памятниках русской письменности свободно варьировалось со словами *постоялый двор*, *гостинный двор*, в то время как последние сочетания варьировались или были синонимичны со словом *хан*. Для полноты излагаемых суждений отметим, что оно встречается уже в «Слове

³¹⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1986—1987. — Т. IV. — С. 221.

³²⁰ Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Казак университеті, 2011. — С. 99.

о полку Игоре́ве», а впервые упомянутый в памятнике XII в. «Повести временных лет» хазарский титул *каганъ* имеет более позднюю передачу этого слова как *ханъ* и *канъ* (XV—XVI вв.)³²¹.

Выбор одной из данных лексических единиц, вероятно, зависел от места происхождения памятника, как это определяет Х.Х. Махмудов, политической, территориальной и временной обусловленности; от темы, сюжета того или иного памятника; наконец, от вкуса и знаний автора или переписчика произведения.

3.4. Особенности семантической адаптации тюркизмов в современном русском языке: XIX—XXI вв.

Роли и функции тюркизмов на материале современных текстов и включения их в учебные материалы посвящены работы В.П. Синячкина, который отмечает: «...более детальное исследование некоторых заимствований подводит нас к выводу о том, что за тюркизмами, «вросшими» в русскую культуру, кроется гораздо больше, чем то, что мы видим на поверхности. Я имею в виду не только историю взаимоотношений и взаимосвязей между земледельцем и кочевником, но и историю языковых взаимодействий между ними, наложивших свой отпечаток на русский язык»³²².

Семантическая адаптация тюркизмов в более поздние периоды развития русского языка имеет свои особенности и это связано с экономическими, геополитическими, историческими фактами развития евразийских этносов. Известный казахстанский лингвист Э.Д. Сулейменова пишет: «Республика Казахстан — страна с шестнадцатимиллионным населением, занимающая значительную часть территории Евразийского континента, долгие годы была

³²¹ Романова Г.Я. Иноязычная лексика в историческом словаре (на материале тюркских заимствований) // Теория и практика русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 126.

³²² Синячкин В.П. Историко-культурный слой тюркизмов в русском общественном сознании // Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия: сб. науч. тр. по материалам Круглого стола. — Астана, 2008. — С. 132—147.

страной-реципиентом для многочисленных переселенцев. Наиболее ощутимыми для демографических сдвигов были столыпинские массовые переселения русских и украинских крестьян на территории, изъятые у казахов; драматическая принудительная депортация в предвоенные, военные и послевоенные годы репрессированных народов (корейцев, чеченцев, немцев, греков, ингушей, крымских татар, финнов, голландцев, рушанцев, рутульцев, татов, талышей и многих-многих других); исправительно-трудовые лагеря КарЛАГ, СтепЛАГ, «Долинка», «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины); приезд в страну более двух миллионов целинников; масштабные оргнаборы из разных регионов СССР в промышленность, которые проводились согласно идее превращения Казахстана в мощную аграрно-индустриальную республику. Так в Казахстане появились малые города и поселки городского типа с преимущественно славянским населением»³²³.

Процесс адаптация тюркских слов на современном этапе имеет следующие особенности. Если в предшествующие столетия — с XI по XVIII в. тюркизмы в древние тексты вводятся приемом глоссирования и в русском языке проходят стадию вариативности как показатель их успешной адаптации, то в XIX—XXI вв. дальнейшая транскрипция глосс приводит к появлению примечаний и лингвистических комментариев в виде подстрочных ссылок.

Подстрочные ссылки довольно часто встречаются в различных художественных произведениях, особенно много их в переводной литературе и в произведениях билингвальных (русско-тюркских) авторов. Например, в произведениях И. Есенберлина и Ч.Т. Айтматова читаем:

*«Кому успел он разбить **шанрак** или набросить навечно **тунлук**, что питают к нему такую злобу?». В сноске дается комментарий: «Шанрак — основа купола юрты; тунлук — кошма, которой закрывают дымовое отверстие» (Из И. Есенберлина).*

³²³ Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Казак университеті, 2011.

«На панические вопли Акбары в нору просунулся ее волк — Таишчайнар, находившийся с тех пор, как волчица затяжелела, большей частью не в логове, а в затишке среди зарослей. **Таишчайнар — Камнедробитель**, — прозванный так окрестными чабанами за сокрушительные челюсти, подполз к ее ложу и успокаивающе заурчал, как бы прикрывая ее телом от напасти» (Из Ч.Т. Айтматова).

«Да и ростом **акджалы**, **то бишь сивогривые**, превышали обычных волков Прииссыккульского нагорья. А если бы кто-нибудь увидел Акбару вблизи, его бы поразили ее прозрачно-синие глаза — редчайший, а возможно, единственный в своем роде случай. Волчица прозывалась среди здешних чабанов **Акдалы**, **иначе говоря, Белохолкой**, но вскоре по законам трансформации языка она превратилась в Акбары, а потом в **Акбару — Великую**, и между тем никому невдомек было, что в этом был знак провидения» (Из Ч.Т. Айтматова).

«Он повернул голову, искоса посмотрел через плечо и, выпрямившись, спокойно сказал:

— Нет, **агай***, не могу».

«*Агай — почтительное обращение к старшему (букв.: старший брат)».

«Я лишь теперь заметил на улице у коновязи оседланных плотных лошадей, пришедших, видно, издалека. Приподнялся за рулем, наклонил через **дувал***».

«*Дувал — глинобитная ограда».

«Долго ждать не пришлось; открывается калитка, и выходит мать и старик, чернобородый, грузный такой, два ватных халата на нем: нижний плюшевый, верхний вельветовый. В руке **камча*** хорошая».

«*Камча — нагайка» (Из Ч.Т. Айтматова).

Издатели широко применяют комментарии, особенно при подготовке к печати произведений классиков русской литературы XIX—XXI вв.

Семантизация лексических единиц является текстовой реализацией конкретной метаязыковой операции — раскрытия семантики. По своим структурно-семантическим и функциональным признакам семантизация близка к логическим и отчасти лексикографическим определениям. Текстовая и внетекстовая семантизация подчиняется общим логическим законам, а также прагматическим требованиям, предъявляемым к процессу коммуникации. Коммуникативная функция раскрытия семантики сводится к усилению связности и ясности текста для участников коммуникации — автора и читателя, между которыми находится издатель. В этом случае выделяется когнитивный уровень (экспликация фоновых знаний) и эмотивный уровень (отношения автора, издателя к описываемому). Здесь важно выявить, насколько удачно введен тот или иной комментарий и позволяли ли он сделать этот процесс коммуникации действительно продуктивным.

В начале XX в. процесс заимствования в русский язык из тюркских и варьирование слов заметно утихает, и на первом плане оказываются:

- языковая политика развития русского языка и национальных языков СССР;

- изменение геополитической ситуации после распада СССР и с созданием Содружества независимых государств.

По исследованиям Э.Д. Сулейменовой, «тезис о наличии и необходимости дальнейшего увеличения общего лексического фонда языков народов СССР был напрямую мотивирован планомерно и жестко регулируемым процессом сближения / слияния наций с общей интернациональной (советской) культурой.

В национальных языках стал целенаправленно формироваться общий словарный фонд, основу которого составляла интернациональная лексика греко-латинского, арабского, итальянского и другого происхождения, так называемые *советизмы*, обозначающие явления и понятия советской идеологии и действительности (*партия, совет, колхоз, совхоз, социализм, коммунизм, съезд, философия, бригада, звено, совнархоз, книготорг, райком, райисполком, сельсовет, лейтенант, майор, маршал* и многие другие), а также слова языков народов СССР, обозначающие главным образом

культурно-бытовые реалии (например, тюркизмы и казахизмы различного времени: *айран, аксакал, акын, арба, аркан, архар, арык, аул, базар, башлык, бешбармак, буран, кавардак, казан, калым, карагач, катык, кумган, кумыс, манкурт, сайга, саксаул, такыр* и многие другие).

Русский язык стал практически единственным проводником интернациональной лексики: заимствования контролировались, и их источником, нормирующим произношение и написание, мог быть только русский язык. Подобная централизация процесса заимствования (а значит, и образования общего лексического фонда) сделала влияние русского языка неограниченным»³²⁴.

М.В. Орешкина отмечает активное вхождение тюркских слов в русский язык с середины XX в.: «...близкие исторические контакты русских с тюркскими народами, начавшиеся задолго до появления первых письменных памятников на Руси, значительно усилились в последнем столетии. На современном этапе русский язык взаимодействует в той или иной степени более чем с 25 тюркскими языками нашего Содружества. Отражением этих интенсивных языковых взаимоотношений явилось активное проникновение в 60—90-е годы XX в. в русский язык значительного количества новой тюркской лексики, в частности, из тюркских языков Средней Азии и Казахстана»³²⁵.

Современный исследователь иноязычных слов в русском языке Е.В. Маринова отмечает, что для каждого периода в истории русского языка характерно своё «сочетание» тех или иных форм заимствования. На рубеже тысячелетий по-прежнему преобладающей является форма письменного заимствования. Появляется новый источник письменного заимствования — электронные СМИ. Устная же форма заимствования характерна для некодифицированных сфер языка (жаргонов), которые выступают в качестве языковых реципиентов независимо от литературного языка. Она отмечает, что заимствованные слова на современном этапе поступают в рус-

³²⁴ Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Казак университеті, 2011. — С. 60.

³²⁵ Орешкина М.В. Особенности освоения тюркских слов в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1992. — С. 3

ский язык в подавляющем большинстве случаев прямым путём, но и опосредованное заимствование имеет место. Например, такие ориентализмы, как *гуру*, *зомби*, *суши*, «проникли» в русский язык не напрямую из восточных языков, а через язык-посредник (американский английский). Особенностью данных форм заимствования в настоящее время является то, что и языком-донором, и языком-посредником выступает один и тот же язык — американский вариант английского языка³²⁶.

Таким образом, по наблюдениям Е.В. Мариновой, в русскую речь конца XX — начала XXI в. активно входят англицизмы (точнее — американизмы, под которыми понимаются слова или выражения, свойственные американскому варианту английского языка. — М.Б.), которые чаще проходят этапы формального варьирования, нежели семантического. Значимыми при формальном варьировании слова оказываются причины внутреннего характера, например, передача одного и того же иноязычного прототипа разными способами — транскрипцией и транслитерацией (ср.: *супервайзер* — *супервизор* от англ. supervisor); преобладание среди фонематических вариантов вокалических, не совпадающих в каком-либо гласном звуке (*браузер* — *браузер* от англ. browser; *фан* — *фэн* от англ. fan), и консонантных, различающихся наличием / отсутствием отдельного согласного звука (*андеграунд* — *андерграунд* от англ. underground; *перформанс* — *нефоманс* от англ. performance; *эйджизм* — *эйджеизм* от англ. ageism и др.); вариантность в передаче чуждой фонетической единицы (*вокмен* — *уокмен* < workman); разные способы передачи гласной [э], передаваемой английской буквой «а», — варианты *аккаунт* — *эккаунт* и др.

По-прежнему на появление формальных вариантов иноязычных слов оказывают влияние принцип аналогии (см. ненормативный акцентный вариант *бармен* — по аналогии со словами *шоумэн*, *яхтсмен* и др.); тенденция к перемещению ударения в многосложных словах в середину слова (*маркетинг*, *граффити* — ср. нормативные *ма́ркетинг*, *граффити*); удобство произношения (апо

³²⁶ Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX-начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008. — С. 14.

гель — кегль, промоушен — промоушн и др.); колебания нормы на объективно слабых участках орфографии: слитное — дефисное — раздельное написание заимствований, с этимологической точки зрения представляющих собой сложные слова или сочетания слов (*массмедиа* / *масс-медиа* / *масс медиа*); написание двойных согласных (*оффшор* — *офшор*).

На рубеже XX—XXI вв. отмечается появление формальных вариантов новых разновидностей. Так, среди акцентных вариантов иноязычных неологизмов можно выделить вариативные единицы, различающиеся наличием / отсутствием побочного ударения (*бил-борд* — *билборд*); среди орфоэпических вариантов — вариативные единицы, различающиеся произношением сочетания *дж*; среди графических вариантов — единицы, различающиеся наличием / отсутствием букв иного алфавита (латиницы). В электронной форме речи — «живой письменной речи» — зафиксировано новое для русской графики явление, связанное с написанием консонантных аббревиатур (*смс, ммс* — ср.: *СМС, ММС*).

Согласно Е.В. Мариновой, «усилившееся на рубеже XX—XXI вв. лексическое заимствование приводит к тому, что адаптационный механизм русского языка становится более налаженным, бесперебойным. Об этом прежде всего свидетельствуют два факта:

- ускоренный переход иноязычного неологизма на кириллицу или его одновременное функционирование в двух графических вариантах (часто в пределах одного текста);
- активное участие нового слова в деривационных процессах, в особенности в словопроизводстве»³²⁷.

Крысин Л.П. подтверждает мысли об активных процессах заимствования англицизмов в современном русском языке: «Главный вопрос, которым задается человек, слыша или встречая в тексте незнакомое слово: «Что это значит?» А если к тому же это слово иностранное, то возникает и второй вопрос: «Нельзя ли то же самое сказать по-русски?» Такие вопросы у носителей русского языка особенно часто возникают в последнее время, когда в на-

³²⁷ Там же. — С. 39.

шей речи появляются все новые и новые слова, заимствованные из других языков, преимущественно из английского (точнее — из его американского варианта). Так, в конце 80-х годов прошлого столетия в наш повседневный язык вошло множество экономических и финансовых терминов, и почти все они — иноязычные по происхождению: *бартер, брокер, ваучер, дилер, инвестор, инвестиции, консалтинг, приватизация, тендер, фьючерный* и т.п., позднее к ним добавились *дефолт, профицит* и нек. др.»³²⁸.

Вхождение огромного числа тюркизмов через русско-тюркские языковые контакты не ограничивается обогащением лексического состава только русского языка. Так, например, интересен тот факт, что посредством русского языка в английский попало свыше 60 тюркизмов, как *ataman, koumiss, irbis, shashlik* и мн. др., а через польский язык в английский попали слова *hetman, uhlan* и др. Некоторые же исследователи относят к тюркизмам гуннского периода такие слова современного английского языка, как *beech, body, girl, beet, book, king* и т.д.³²⁹. Так, последние исследования свидетельствуют, что тюркизмы проникали в английский язык в XI—XIII вв. через старофранцузский, на котором говорила правящая верхушка Англии. Прямые контакты англичан с тюркскими племенами начинаются во времена крестовых походов, в которых принимали участие и английские феодалы со своими воинами. Эти контакты оказывали положительное воздействие на европейскую культуру. Так, с 1096 по 1270 г. было предпринято восемь крестовых походов в Палестину для «освобождения гроба господня». Результатом таких грабительских, завоевательных походов крестоносцев оказались благоприятные последствия: на Западе начали мыть руки перед едой, стали выращивать рис, лимоны, абрикосы, арбузы, употреблять в пищу тростниковый сахар, научились изготавливать шелковые ткани и зеркала, стали лучше обрабатывать металлы³³⁰.

В 2010 г. вышла в свет содержательная монография Л.С. Баймановой «Тюркизмы в лексической системе немецкого языка», в

³²⁸ Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — С. 19.

³²⁹ <http://karabakh-doc.gen.az/ru/turkologiya/trk023.htm>.

³³⁰ <http://www.sql.ru>.

которой автор описывает закономерности освоения тюркизмов в системе немецкого языка на лексическом, фонетическом, грамматическом и словообразовательном уровнях с учетом данных других языков. Она отмечает, что «культурные» слова — слова, обозначающие хорошо известные объекты современной культуры, пришедшие из самых отдаленных географических ареалов и цивилизаций вместе с обозначаемыми объектами — «внедрились» во многие европейские языки, поскольку обозначаемые ими объекты стали сегодня достоянием всеобщей культуры. «...история этих слов ведет нас к эпохам крестовых походов, к временам длинных и опасных путешествий в отдаленные страны, к караванам с восточными товарами, следовавшими по великому «Шелковому пути»³³¹. Так, Л.С. Байманова приводит ряд слов, вошедших в немецкий язык собственно тюркских слов — *der atabeg, der kalpak, der fes, der kaviar, der basar, der hanf, die horde*, так и посредством тюркских языков из арабского языка, как *der diwan, das sofa, kaftan, die karaffe, die algebra, altair, makramee, wega*.

Прослеживая исторический путь тюркского слова «йогурт», Л.П. Крысин доказывает его появление в русском языке через посредство английского языка. Приведем некоторые фрагменты его анализа:

Йогурт. «Этимологически, по своему источнику, это тюркизм. Более точно — заимствование из турецкого языка. В турецком это слово имеет ударение на втором слоге: *yôğurt*. Но дело в том, что в русский язык слово попало не прямо из турецкого, а через посредство английского (по-видимому, американского его варианта). А в английском оно укоренилось с ударением на первом слоге: *yôghurt*. Такое же ударение — на первом слоге — и в немецком: *yôghurt*, также, естественно, восходящем к турецкому прототипу». «С Запада пришла и сама эта реалья — кисломолочный продукт с фруктовыми и ягодными добавками. Она вошла в наш быт сравнительно недано — вероятно, с середины 80-х годов XX в. Ее официальное торговое, а затем и обиходно-

³³¹ Байманова Л.С. Тюркизмы в лексической системе немецкого языка. — Кокшетау: Изд-во КГУ, 2010. — 173 с.

разговорное название утвердилось именно в англизированной акцентной форме: йогурт. А почему не во французской, где в слове *yoghurt* (также заимствованно из турецкого через болгарский) ударение падает на второй слог? Есть свидетельства — например, писателей В.В. Набокова, Н.И. Ильиной — того, что слово *йогурт* (именно с таким ударением) употреблялось в русском языке и значительно раньше, в 20—30-е годы. “Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык” под ред. Т.М. Капельзона (М., 1933) фиксирует это слово в форме *югурт* и, указывая язык-источник (“тур.”), дает ему такое определение: “болгарское кислое молоко, содержащее, по исследованиям Мечникова, большое количество молочнокислых бактерий; примен. как диетическое средство” (это, по всей вероятности, одна из первых словарных фиксаций слова *йогурт* — *югурт*). Болгарский “Речник на чуждите думи в българския език” (София, 1982) дает два варианта этого слова: литературное *югурт* и диалектное *йогурт* (как видим, в обоих вариантах сохраняется верность ударению в языке-источнике — турецком). По всей вероятности, есть основания констатировать двукратное заимствование слова *йогурт*: в первой половине XX в. в форме *йогурт* — *югурт* оно употребляется как экзотизм, то есть обозначение реалии, не известной на территории России (где имеется большое разнообразие названий других кисломолочных продуктов: *простокваша*, *ряженка*, *кефир*, *ацидофилин*, диалектное *варенец*, в речи русских жителей Кавказа еще *мацони*), а в конце XX века это уже полноценное заимствование, обозначающее продукт, который и производят, и потребляют жители России. И в новое время это заимствование утверждается с ударением на первом слоге: *йогурт*»³³².

Однако, по исследованию В.В. Шмелькова, наряду с бурным развитием англицизмов в русском языке конец XX в. в России характеризуется развитием интереса к своим национальным корням и истокам, к российской истории. Возвращение старого — ранее отвергнутого и запрещённого — воспринималось в этот период как нечто новое, а процесс деархаизации как процесс своего рода

³³² Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — С. 305—307.

модернизации, как продолжение прерванного пути. «Среди активных процессов в лексике русского языка нашего времени следует отметить процесс лексической деархаизации — возвращения в активное речевое употребление устаревших (в той или иной степени) слов»³³³. Согласно выводам В.В. Шмелькова, к динамическим процессам, протекающим в русском языке новейшего периода, относятся:

- резкое увеличение словарного состава за счёт заимствований;

- расширение пласта общеупотребительной лексики за счёт лексики ограниченного употребления: специальной, просторечной, жаргонной;

- пополнение словарного состава языка огромным количеством новообразований (неологизмов), созданных на базе собственных ресурсов;

- изменения в значениях многих лексических единиц, связанные со снятием чисто идеологических наслоений;

- перераспределение между активным и пассивным запасами русского языка.

В основном, следствием социально-экономических процессов стали лексические изменения хронологического характера:

- процесс утраты советизмов (активные процессы архаизации),

- процессы деархаизации некоторых утраченных в советское время слов³³⁴.

Как утверждает исследователь, создание в конце XX — начале XXI столетия новых словарей, отразивших и зафиксировавших «новое» состояние лексической системы русского языка, позволяют представить или изучать российские реалии конца XX — начала XXI столетия, новую языковую ситуацию в стране. К таким лексикографическим источникам относятся: «Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения» под ред.

³³³ Шмельков В.В. Сущность процесса лексической деархаизации в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол.наук. — М., 2010. — С. 3—4.

³³⁴ Там же.

Г.Н. Складневской (1998), «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под ред. Г.Н. Складневской (2005), «Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Складневской (2006), «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой (2007) и некоторые другие словари.

Изучая процессы лексической деархаизации в современном русском литературном языке В.В. Шмельков, предлагает тезис о том, что «возвращению в узус лексики, бывшей какое-то время малоупотребительной и неупотребительной, способствует установка общества на возрождение части духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных в ходе истории. Важное значение имеет также такой социокультурный фактор, как переосмысление исторического пути развития России и ситуация выбора дальнейшего пути развития страны. Ценность большей части возвращенной лексики бесспорна. Это огромный пласт культуры, часть традиционного сознания народа»³³⁵.

Проецируя сказанное на рассматриваемые нами вопросы, заметим, взаимообогащение лексики народов СНГ находит отражение в художественной литературе, прежде всего в переводной, и в средствах массовой информации. Это явление имеет тенденцию к росту, ибо наблюдаются расширяющиеся контакты между народами, стремление этносов, чье самосознание заметно возросло, познакомиться другие народы со своей историей, культурой, обычаями и т.д. Так, тюркские лексические заимствования, вошедшие в языковую ткань произведений русских писателей Казахстана, а также этнографизмы, активно функционируют в современной казахстанской прессе и являются единицами лексической системы русского языка.

Семантика иноязычных слов в текстах раскрывается различными способами: в самом тексте, в диалоге, в сносках, в развернутых комментариях в конце повествования. Как отмечает Н.Ж. Шай-

³³⁵ Шмельков В.В. Сущность процесса лексической деархаизации в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол.наук. — М., 2010. — С. 3—4.

мерденова, часто семантизирующий контекст является важным элементом языковой структуры, способствующим введению иноязычных слов и их активному функционированию при сохранении национального колорита и передаче культурной коннотации. По наблюдениям исследователя, мастером введения слов в тексты считается Н.С. Лесков, который довольно часто употреблял тюркизмы в своих произведениях и для экспликации семантики слов он использовал различные приемы толкования. Например, слово *хабар*, малоизвестное в XIX в., писатель использовал с пояснением лишь в произведениях с малороссийским колоритом. Н.Ж. Шаймерденова отмечает: «Разнообразные формы экспликации семантики языковых единиц в текстах выполняют функционально-коммуникативную роль. Антропоцентрический подход к данной проблеме позволяет рассмотреть текстовые пояснения как отражение мировидения, концептуальной картины мира, языковой личности»³³⁶.

Итак, с распадом Советского Союза меняется геополитическая и языковая ситуация в каждой из бывших его республик. По словам Э.Д. Сулейменовой, «русистика последних десятилетий находится в состоянии активного накопления фактов и осмысления причин и последствий центробежных тенденций развития русского языка в разных регионах»³³⁷.

Наблюдающиеся факторы изменения русского языка с точки зрения динамики языковой ситуации и положения русского языка в Казахстане, позволяют говорить о «казахизации» (диверсификации) русского языка из интернета и казахстанских газет 2010 г., которые напрямую обусловлены его постоянным контактом с казахским языком и заметно усиливающимся воздействием казахского языка на русский язык в Казахстане³³⁸. Объясняется это тем, что «геополитические изменения повлекли за собой коренные преобразования в русском коммуникативно-языковом пространстве

³³⁶ Шаймерденова Н.Ж. Экспликация семантики лексических единиц. — Алматы: Қазақ университеті, 2003. — С. 49.

³³⁷ Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Қазақ университеті, 2011.

³³⁸ Там же. — С. 81—82.

Республики Казахстан, и существовавшая всесоюзная поддержка функционирования русского языка потребовала переосмысления и использования новых ресурсов. Теперь поддержка функционирования и развития русского языка стала осуществляться уже со стороны государственных институтов Республики Казахстан, и это направление языкового планирования было объявлено в стране одним из стратегических»³³⁹.

Таким образом, если до XIX в. можно наблюдать вхождение тюркизмов в русский язык, подразумевая при этом всю лексику, которая заимствуется из восточных языков (здесь имеются в виду слова из языков Средней, Центральной Азии, Ирана, Персии, арабских языков и т.д.), то в XX в. приходят слова, заимствуемые из языков бывшего Советского Союза, а после этого — из языков титульных наций СНГ. Это лексика, терминологически заканчивающаяся на *-изм* и пришедшая на смену тюркизмам, называемая *казахизмами, узбекизмами, киргизизмами* и т.д.

Дефиниция термина согласно «Словарю по языкознанию. Тіл білімі сөздігі» следующая: «Казахизмы — слова и выражения, заимствованные из *казахского языка* и воспринимаемые как иноязычные, чужеродные элементы, например, в русском языке *апа, айран, курук, бари-бир* (бәрі-бір)»³⁴⁰.

В работе Б.Б. Абилхасимовой можно обнаружить следующую дефиницию: «Казахизмы — это лексические единицы, заимствованные русским языком из казахского или через посредство казахского языка»³⁴¹. Среди фактического материала исследователя можно обнаружить примеры из русскоязычных газет со следующими словами-казахизмами: *аксакал, бата, куырдак, согым, домбыра, баурсак, джигит, жуз, мырза, калым, джайляу, жырау, бакын, куйши, лаушы, наксуер, жесир, келыншек, конакасы, каин, жезде, ханым, токал, байбише* и мн. др.

³³⁹ Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Казак университеті, 2011. — С. 84.

³⁴⁰ Словарь по языкознанию. Тіл білімі сөздігі. — Алматы: Гылым, 1998.

³⁴¹ Абилхасимова Б.Б. Казахизмы в русскоязычных газетах Казахстана (2-я половина XIX и конец XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 2002. — С. 6.

Э.Д. Сулейменова пишет: «В устную и письменную русскую речь сегодня стремительнее, чем прежде, продолжают входить казахские слова (их называют *казахизмами*, тем самым отделяя от *тюркизмов*, а также *регионализмами*, *словами-реалиями*, *локализмами*, *экзотизмами*, *безэквивалентной лексикой*, *казахскими вкраплениями*, и разноречием в отношении функционирования казахских слов в русском языке не ограничивается только этим терминологическим рядом)»³⁴².

Дифференциация языковых элементов происходит первоначально в устной форме, то есть отражается в разговорной речи. Отличия, возникающие в этом слое, первичны, в дальнейшем они находят отражение в литературном языке, но не сразу и не обязательно полностью. В русскую речь (письменную и устную) входят единицы казахского языка разной степени освоенности, как безэквивалентные, так и эквивалентные, принадлежащие различным сферам употребления. К казахизмам относятся слова: *аким*, *мажислис*, *маслихат*, *тенге*, *казы*, *тоғузмалак* и мн. др.

Как утверждает Н.Ж. Шаймерденова, «в любом языке существует такая группа слов, которая обозначает предметы, явления и понятия, не бытующие у других народов. Например, такие слова, как *дастан*, *айтыс*, *күй*, *нар*, *соил*, *шокпар*, *казы* и другие, функционируют в русском языке в качестве экзотизмов. В казахском языке активно функционируют многие слова, которые вошли и в русский язык благодаря языковым контактам (главным образом общественно-политическая терминология)»³⁴³.

По наблюдениям Э.Д. Сулейменовой, этнические и демографические характеристики Казахстана резко изменились в первые годы независимости: во-первых, возросла как абсолютная численность казахов, так и их доля в населении республики; во-вторых, произошло увеличение одних (узбекской, уйгурской, таджикской, чеченской и т.д.) и уменьшение других (русской, украинской, белорусской, немецкой, татарской и т.д.) диаспор, что привело к перераспределению удельного веса диаспор между собой; в третьих,

³⁴² Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Қазак университеті, 2011. — С. 91.

³⁴³ Шаймерденова Н.Ж. Экспликация семантики лексических единиц. — Алматы: Қазак университеті, 2003. — С. 50.

ощутимой для языковой ситуации оказалась внутренняя миграция, связанная с процессами урбанизации, переносом столицы, изменением административно-территориального деления северных областей. При этом, процессы урбанизации сказались на росте казахской языковой компетенции в городах, в которых возобновляются традиции использования казахского языка и иницируются языковые новации; с другой же стороны, — на заметном снижении общей русской языковой компетенции; в четвертых, соотношение этносов и языков в Казахстане напрямую зависит также от возрастных показателей; в пятых, по численности референтных этносов тюркские (60,5%) и славянские (34,6%) языки в 1999 г. противостояли остальным языкам (4,9%), что позволяло уже тогда прогнозировать увеличение в короткое время тюркоязычной части населения страны³⁴⁴.

По замечанию Э.Д. Сулейменовой, «русский язык сохраняет весь объем функций: он по-прежнему используется как средство кумуляции и приобретения разнообразной информации, идеологического воздействия, средства и объекта образования (русский язык — это язык детских образовательных учреждений, средних общеобразовательных и иных школ, вузовского и послевузовского образования; обязательный учебный предмет, входящий в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании), составная часть духовной культуры казахстанского общества и мощное коммуникативное средство в устном бытовом, а также письменном официальном / неофициальном общении, в науке, во всех видах средств массовой информации, интернете. Кроме того, русский язык как носитель значительного объема научной и культурной информации имеет сложившуюся историко-культурную традицию использования среди нерусского населения: фактически ко второй половине XX в. русский язык стал языком межнационального общения в пределах Казахстана и в настоящее время продолжает оставаться таковым для всех народов, проживающих в стране»³⁴⁵.

³⁴⁴ Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Казак университеті, 2011. — С. 7.

³⁴⁵ Там же. — С. 85.

Э.Д. Сулейменова утверждает, что «качество» русского языка казахстанцев сохраняется. Объясняется это тем, что он продолжает функционировать в полном объеме своих форм существования (кодифицированный литературный язык, разговорный язык, просторечие, социальные диалекты), не испытывает влияния никаких территориальных диалектов в виду их отсутствия.

Однако, несмотря на названные особенности, русский язык в Казахстане испытывает все более возрастающее воздействие со стороны казахской культуры и казахского языка³⁴⁶. Об этом очень убедительно пишет Ж.Д. Маликова, изучая лингвокультурологические парадигмы прецедентных текстов в казахстанских газетах на русском языке. Исследователь доказывает положение о том, что прецедентные тексты в казахстанских газетах на русском языке в условиях языковой системы Казахстана характеризуются национально-культурной спецификой, что свидетельствует о позитивном характере их использования. Русский язык в Казахстане, функционирующий в окружении казахского языка, вбирает в себя лексические единицы, характерные казахстанскому обществу в целом³⁴⁷.

Не углубляясь в вопросы терминологического обозначения иноязычных слов в русских газетных текстах, Ж.Д. Маликова анализирует практический материал и выявляет наличие в прецедентных текстах слов тюркского происхождения, составляющего 14,29% от имеющегося количества, что свидетельствует о позитивном характере использования подобного рода вкраплений. Приведем примеры (выделение наше. — М.Б.): «*Когда поют акимы*» (Каз. правда, 2005.10.18), «*Утром — чай, в обед — казы, на ночь — кюй Курмангазы*» (Караван, 2009.11.13), «*Хижина дяди бая*» (Караван, 2005.02.11), «*Виват, тоғузумалак*» (Каз. Правда, 2004.02.05), «*Пан — всему голова*» (Каз. правда, 2004.07.06), «*Алдар-көсе, Ходжа Насреддин и все, все, все*» (Каз. правда, 2004.03.20), «*О, Мамылис! Куда ты мчишься, словно птица-тройка?*» (Караван, 2009.11.13) и т.д.

³⁴⁶ Там же. — С. 90.

³⁴⁷ Маликова Ж.Д. Лингвокультурологическая парадигма русских прецедентных текстов (на материале казахстанских газет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кокшетау, 2010. — С. 6.

Согласно выводам исследователя, «употребление в русских прецедентных текстах фоновых слов-реалий выполняет несколько функций:

- вводит в бытовую сферу Казахстана, отражая национально-культурную специфику государства;
- способствует скорейшей адаптации казахских слов и выражений, отражающих специфические черты и местный колорит;
- культуроносные единицы языка в прецедентном тексте, семантика которых отражает казахскую культуру, рассматриваются нами в качестве вместилища знаний о стране»³⁴⁸.

Таким образом, экстралингвистический план позволяет соединить слово и явление, помогает войти в круг вещей и идей, понятий и событий, выделить национальные особенности в семантике слов, не утратив общезыковых и общечеловеческих связей. Сложная многоплановая картина жизни слова отражает бытие общества, народа, и постижение его начинается с познания языка этого народа. Восприятие слова во всей его семантической глубине создает предпосылки для понимания жизни, истории, материального и духовного богатства того этноса, из языка которого заимствуются слова.

Казахстанские исследователи М.М. Копыленко, З.К. Ахметжанова, Т.У. Жолтаева называли казахизмы *словами-реалиями*. Они предложили следующую тематическую классификацию таких слов:

а) обозначение лиц по какому-либо признаку — по возрасту, родственным связям, имущественным отношениям, происхождению, по занимаемой должности, роду занятий, основному ремеслу, по отношению к воинской обязанности, например, *джигит, келін бай, кедей, ак-сүйек, бий, нукер, акын*;

б) обозначение административных установлений — единиц управления, населенных пунктов, административных сооружений, распоряжений и других, например, *аймак, аул, зиндан*;

³⁴⁸ Маликова Ж.Д. Лингвокультурологическая парадигма русских прецедентных текстов (на материале казахстанских газет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кокшетау, 2010. — С. 10.

в) обозначение предметов быта — наименования, связанные с жильем, утварью и посудой, одеждой и украшениями, орудиями труда и оружием, музыкальными инструментами, продуктами питания и блюдами, например, *шанырак, дастархан, кесе, кумган, чапан, кимешек, аркан, курук, кобыз, айран, куырдак*;

г) обозначение обычаев, игр и других этнографических понятий, например, *суюнши, айтыс, жоктау, аламан-байга, тамга*;

д) обозначение культовых понятий, например, *албасты, ас, тана, балбал, медресе*;

е) названия животных (домашних и диких) и растений, например, *арлан, аруана, тай, тугай, кизил, балгын, кокпек*;

ж) обозначение явлений природы и организации животноводства, например, *такыр, сарыкар, тамыз, кунгей, коген, кыстау, джус*¹⁴⁹.

В настоящее время все чаще наблюдается изменение графемно-фонетического оформления давно известного (заимствованного) поркизма, а также неверное семантическое наполнение слова и его перевода. Так, некоторые тексты насыщены казахской безэквивалентной лексикой с непривычными буквенно-звуковыми сочетаниями (ср.: *сандык* при наличии в русском языке успешно освоенного поркизма *сундук*), казахско-русскими омонимами, провоцирующими неправильные ассоциации (*шестиканатная* юрта — это юрта, поддерживаемая не шестью *канатами*, а шестью сегментами основания юрты), непривычными производными (*кошомный* от *кошма*) и т.д.

В русский язык Казахстана вошло множество слов, связанных с национальной спецификой страны. Это могут быть наименования людей, названия народных обрядов и традиций, национальных праздников, исторических событий и их героев, ритуалов, символов, одежды и предметов обихода, реалий творческой деятельности, блюд национальной кухни. Например, *аксакал, батыр, бастык, шашу, бата, хадж, садака, чапан, борик, дастархан, кесе*,

¹⁴⁹ Копыленко М.М., Ахметжанова З.К., Жолтаева Т.У. Казахское слово в русском художественном тексте. — Алма-Ата, 1990; Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Казак университети, 2011. — С. 91—92.

казан, акын, кюй, кобыз, терме, макал, бесбармак, жанбас, шельпек, каймак, согым, казы, наурыз, Байтерек, «актабан шубырынды», Алпамыс, ораза, ораза-айт и мн.др.

«Подобные и многочисленные иные факты позволяют говорить о наблюдающемся расширении лексического состава русского языка в Казахстане как давнем ареале его функционирования. Казалось, казахские слова — единицы иной духовно-культурной стихии — входят в русский язык, отражая чужие особенности восприятия мира, ценности, феномены и артефакты. Тем не менее, они осваиваются русским языком с большей или меньшей степенью органичности, привнося в общение новые номинации, актуальные для жителей общей территории и единого коммуникативного пространства»³⁵⁰.

Е.А. Журавлева, изучая региональный (национальный) вариант русского языка в Казахстане, считает, что практику использования в русской речи лексических единиц казахского языка можно назвать типичным явлением для настоящего времени, поскольку действительность, окружающая носителя языка, требует употребления адекватных для ее отражения средств. «Мы сталкиваемся с проблемой «языкового дефицита», под которым понимается нехватка языковых средств для адекватного функционирования языка в определенной сфере. Благодаря регулярности и частотности воспроизведения данные единицы теряют свой “чуждый” характер и воспринимаются как естественные компоненты лексической системы родного языка»³⁵¹.

Е.А. Журавлевой выделяются следующие понятийные сферы, включения регионализмов, которые наиболее частотны: официально-деловая сфера, социально-культурная, сфера повседневного общения, массовой коммуникации. «Особое место занимает «топонимическая» сфера, предполагающая знание большого корпуса топонимов, антропонимов, онимов и др. данной страны»³⁵².

³⁵⁰ Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Казак университеті, 2011. — С. 93.

³⁵¹ Журавлева Е.А. Русский язык в полиэтнической среде Казахстана: лингвистический аспект // Сб. мат-лов конф. «Русский язык в контексте этноязыковых процессов Республики Казахстан». — Астана, 2008. — С. 20.

³⁵² Там же.

«Выход» в норму единиц, пришедших в русский язык из казахского, должен предваряться фронтальными наблюдениями над узусом, сопровождаться унификацией, систематизацией и стандартизацией нормативных реализаций, нормализующей деятельность не только лингвистов, но и специальных организаций, а также общества в целом — только так можно преодолеть наблюдающийся графический, фонетический, морфологический и морфологословообразовательный разнбой»³⁵³.

Источником дальнейшего изучения «жизни» тюркского слова в современном русском языке часто выступают художественные произведения (прием сплошной выборки и следующий за этим анализ экцерпированного материала), а также лексикографические источники (толковые и двуязычные словари, словари языка писателя и т.д.). При этом исследователями не учитывался тот семантический объем слова, который оно приобретает в живом «действующем» языке, на разных уровнях существования языка, возможности появления формальных и семантических вариантов слова в диалектах, в устной речи и т.д. Следовательно, как писал академик В.В. Виноградов, «...субъективные свидетельства современников о семантическом строе слова, о восприятии его в ту или иную эпоху должны быть процежены через сито исторических фактов», при описании тюркизмов в русском языке недостаточно ограничиваться определенными хронологическими рамками — важно учитывать «жизнь» слова на всех уровнях языка, на всех этапах его развития. Ведь важно и интересно наблюдать, какую семантическую и внешнюю «окраску» они приобрели в русском языке на рубеже веков.

³⁵³ Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Казак университеті, 2011. — С. 103.

TURCO-SLAVICA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

4.1. Тюркско-славянские языковые контакты на перекрестке времен и цивилизаций

Лингвистические исследования тюркских и славянских языковых контактов, как известно, имеют давнюю традицию, однако общие тенденции современной мировой и отечественной лингвистики позволяют наметить новые аспекты изучения тюркско-славянской проблематики, касающейся диалога двух параллельных, но вместе с тем исторически перекрещивающихся линий. В настоящем исследовании под «языковыми контактами», вслед за авторами словаря социолингвистических терминов — Э.Д. Сулейменовой, Н.Ж. Шаймерденовой, Ж.С. Смагуловой, Д.Х. Акановой, мы понимаем «взаимодействие двух и более языков вследствие особых географических, исторических и социальных условий, оказывающих влияние на структуру и словарный состав одного или многих из них»³⁵⁴.

Славянские этносы в силу геополитических и экономических причин постоянно были вынуждены находиться во взаимодействии с другими этносами и культурами. По мнению славянского этнолога К. Мошинского, «...этнографические факты констатируют, что уже в “первобытных” условиях жизни и даже при очень редкой заселенности взаимное перекрещивание культурных влияний было очень сильным либо благодаря интенсивному обмену культурными ценностями посредством примитивной, но по-

³⁵⁴ Элеуметтік лингвистика терминдерінің сөздігі. Словарь социолингвистических терминов / Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова, Ж.С. Смагулова, Д.Х. Аканова. — Астана: Арман-ПВ, 2008. — С. 284.

рой удивительно интенсивной меновой торговли, либо благодаря постоянным войнам, приводившим к обмену женщинами...»³⁵⁵.

Г.В. Вернадский в книге «Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры» пишет: «Русские в настоящее время расселились по территории чуть не всей Евразии, преобладая по численности среди евразийских народов. В Средние века положение было иным. Большинство территорий Евразии было заселено народами турко-монгольскими. По приблизительным соображениям можно думать, что в XIII—XIV вв. численность турко-монгольских племен на территории Евразии (около 10 млн человек) более или менее соответствовала численности русского народа, занимавшего тогда лишь часть Западной Евразии»³⁵⁶.

Известный казахстанский лингвист Н.Ж. Шаймерденова отметила на первом международном конгрессе русистов в г. Астане, что «изменения, наблюдаемые на всем постсоветском пространстве в новых геополитических условиях, приводят к переосмыслению ключевых понятий и складыванию новой историографии лингвистической науки. В этом отношении конец XX — начало XXI в. ознаменовалось не только распадом Советского Союза, но и возникновением национальных школ и направлений со всеми позитивными и негативными процессами, характерными для столь сложного научного феномена»³⁵⁷.

Сказанное, без сомнения, может быть отнесено и к проблеме изучения тюркских и славянских контактов, поскольку вступление в новое тысячелетие предполагает «новое» рассмотрение и осмысление достижений прошлых столетий, а их критический анализ, возможно, позволит определить новые грани исследования тюркско-славянского наследия в развитии языка, культуры, истории обоих этносов. Современный славист А.Д. Дуличенко утверждает:

³⁵⁵ См.: Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — М.: Наука, 2003. — С. 58.

³⁵⁶ Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. — С. 6.

³⁵⁷ Шаймерденова Н.Ж. Русистика в Казахстане: тенденции и перспективы // Мат-лы I междунар. конгресса «Русский язык и литература в XXI веке: теоретические проблемы и прикладные аспекты» / отв. ред. Н.Ж. Шаймерденова. — Астана, 2007. — С. 14.

«...окинуть взглядом столетие, спроецировав его (взгляд) на вековую судьбу языка, не так просто. Однако это необходимо сделать для того, чтобы за выявляемыми особенностями конкретных процессов увидеть, с одной стороны, пройденный языком путь в целом, с другой — зафиксировать стратегическое движение языка и его составляющих вперед»³⁵⁸.

В изучении тюркско-русских языковых контактов современного периода развития русского языка несомненным авторитетом обладают исследования М.В. Орешкиной, которая так обосновывает важность изучения тюркско-русских языковых контактов: «В многонациональном Союзе ССР на протяжении десятилетий русский язык взаимодействовал в той или иной мере со всеми 130 языками народов страны. В наши дни в рамках Содружества Независимых Государств тесные связи народов, а следовательно, и их языков продолжают. Несмотря на то, что происходят видимые изменения, а со временем может произойти и ослабление политических, экономических или каких-либо других государственных связей, но традиционные контакты культур, литератур и языков народов, которые были многовековыми соседями на территории бывшего СССР, утратятся едва ли. Если же учесть и то, что практически во всех бывших союзных республиках проживает значительное количество русскоязычного населения, можно предположить, что государственные связи останутся в будущем достаточно тесными, а духовные контакты наших народов, культур и их языков в дальнейшем после стабилизации обстановки укрепятся и расширятся»³⁵⁹.

При изучении языковых контактов и тюркско-славянского наследия в истории и лингвистике семантику этнонима «тюрки» и «тюркские языки» на Руси мы воспринимаем «условно», опираясь на следующие тезисы известного тюрколога И.Л. Кызласова: «Уясним главное: появление тюркских народов в истории *не связано* ни с именем, ни с самим народом *тюрк*, оказавшимся на юге,

³⁵⁸ Дуличенко А.Д. Русский язык: покидая XX век... (некоторые размышления) // Мат-лы II междунар. конгресса «Русский язык как язык межкультурного Евразии». — Астана, 2010. — С. 20.

³⁵⁹ Орешкина М.В. Особенности освоения тюркских слов в современном русском языке: автореф. ... канд. филол. наук. — М., 1992. — С. 1—2.

у Китайской стены, на 7 веков позднее — в V в. Неверно, как это бывает, возводить к нему этническую и культурную историю всех древних, средневековых и современных народов, говорящих на языках тюркской группы. Название языковой группы, принятое лингвистами, — лишь условный термин систематики. Что было бы, введи лингвисты не имена, а номера языковых семей? Важно, что *только внутри лингвистики* понятие *тюрки* имеет обобщающий научный смысл. В истории и археологии *тюрки* — лишь один средневековый народ, носивший это имя. Вторая особенность, которую надо учитывать, занимаясь историей тюркских народов, — перенос имени с одного народа на другой»³⁶⁰.

Особенностью исторического развития России как многонационального государства было то, что ее мусульманскими подданными прежде всего были народы тюркского происхождения. Взаимодействие славянских и тюркских народов, которое началось с далеких времен, находит своеобразное отражение в памятниках письменности, а также в структуре современных литературных и живых народно-разговорных языков. Именно памятники письменности позволяют наиболее достоверно восстановить историческую память и описать лексическо-семантические процессы в истории русского языка. В этом отношении очень точно отмечает З.К. Тарланов: «Язык издавна привлекался как один из важнейших источников для изучения истории народа. Это естественно, так как в языке, в его словарном составе запечатлеваются все стороны жизни народа. Умелое и критическое использование данных языка таит в себе огромные возможности для проникновения в историю, в том числе и в отдаленные ее периоды, не подтверждаемые документами и памятниками материальной культуры»³⁶¹.

Очевидный факт, что тюркизмы вошли в русский язык вследствие языковых контактов, которые характеризуются значительной древностью и начали проникать задолго до появления первых письменных памятников в Древней Руси. Как пишет В.П. Синячкин, «славянские и тюркские языки встречались и в младенчестве сво-

³⁶⁰ Кызласов И.Л. Два этапа пратюркского культурогенеза // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: мат-лы конференции. — М.: Тезаурус, 2009. — С. 167—168.

³⁶¹ Тарланов З.К. Язык и культура. — Петрозаводск, 1984. — С. 88.

ем, и в молодости. О чем свидетельствует характер заимствований лексических и грамматических материалов. При этом тюркские и славянские наречия были временами чуть постарше и поопытнее друг друга. И щедро обменивались своими наработками» <...> — фактически убежден в том, что *процветающая культура — это продукт непрерывного, многотысячелетнего контакта с другими* <...>»³⁶².

В.П. Синячкин отмечает: «из известных нам работ, посвященных тюркским заимствованиям в русском языке, мы не встретили работ, в которых подвергался бы осмыслению и описанию такой архиважный аспект, как влияние тюркизмов на формирование языкового сознания носителей русского языка. Но из русской языковой культуры, как бы ни хотелось некоторым блюстителям чистоты той иной языковой культуры, не изъять, “не выкорчевать” “родимых пятен”, свидетельствующих о периодах мира и добрососедства между славянами и тюрками. Скажу больше: не только практика, но и сознание, если хотите — душа моя воспринимает тюркизмы концептуально иначе, чем заимствования из европейских языков. Очевидно, это связано с исторической памятью: нашествие на Русь крестоносцев и еще не оформившиеся в историческую правду отношения с тюркскими племенами воспринимаются мною по-разному. Накопленная, саккумулированная, кумулятивная языковая память и внутреннее сознание русского человека не оставляют места тюркским словам, как словам “варваризм”»³⁶³.

Далее он пишет: «О миролюбивой лексике, свидетельствующей об отношениях добрососедства двух этносов, красноречиво говорят тюркизмы, которые уже давно не воспринимаются носителями русского языка как иноязычные. Некоторые тюркизмы сами тюркоязычные народы давно уже не употребляют в письменной и устной речи. В русском же языке они сохранились, представляя, таким образом, русскую языковую культуру неким музеем тюркской, отражая становление и развитие последней. Но что более важно, сформировавшиеся в основополагающие для русской культуры

³⁶² Синячкин В.П. Историко-культурный слой тюркизмов в русском быденном сознании // Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия: сб. науч. тр. по материалам Круглого стола. — Астана, 2008. — С. 132—147.

³⁶³ Там же.

концепты, и ставшие неотъемлемой составляющей русской культуры некоторые тюркизмы для других культур, да и для всего мира в целом, сочетаются со словом *русский*, служат особыми маркерами «русскости». (Сравните: *русский язык, русский сарафан, русская изба, русские пельмени...*).

Тюркизмы сыграли важную роль в обогащении словарного состава русского языка, история их появления, — как отмечает И.У. Асфандияров, — «уходит корнями в далекую древность, когда предки современного русского и других славянских народов, проживавших в средней полосе территории нынешней России, в Поволжье и лесостепных районах, граничивших со степями Причерноморья, имели в разных формах связи с соседними племенами и народами»³⁶⁴.

И.С. Козырев, описывая функционирование тюркизмов в русском и белорусском языках, отмечает, что в отличие от белорусского языка «русский язык испытывал непосредственное влияние тюркских языков в период татаро-монгольского ига, русские рано вступили в непосредственные разнообразные контакты с тюркскими народами Кавказа, Поволжья, Урала, Средней Азии, и эти контакты постепенно крепили»³⁶⁵. Но единственными источниками, свидетельствующими о вхождении и бытовании тюркизмов в русский язык древнего периода, остаются памятники письменности.

Вопрос историографии исследования тюркизмов в русском языке стал хрестоматийным, однако с современной точки зрения не лишне будет упомянуть об истории их изучения в мировой лингвистической науке.

Впервые тюркизмы (казанско-татарские, крымско-татарские, турецкие слова) в русском языке стали фиксироваться в XV—XVIII вв. Вхождение такого рода слов в русский язык происходит в силу укрепления и роста дипломатических, экономических связей с казанским и крымским ханствами и Турцией. Так, до начала XIX в. усиливаются языковые контакты с тюркоязычными страна-

³⁶⁴ Асфандияров И.У. Восточная лексика в русском языке. — Ташкент: Фан, 1991. — С. 34.

³⁶⁵ Козырев И.С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974. — С. 10.

ем, и в молодости. О чем свидетельствует характер заимствований лексических и грамматических материалов. При этом тюркские и славянские наречия были временами чуть постарше и поопытней друг друга. И щедро обменивались своими наработками» <...> — фактически убежден в том, что *процветающая культура — это продукт непрерывного, многотысячелетнего контакта с другими <...>*»³⁶².

В.П. Синячкин отмечает: «из известных нам работ, посвященных тюркским заимствованиям в русском языке, мы не встретили работ, в которых подвергался бы осмыслению и описанию такой архиважный аспект, как влияние тюркизмов на формирование языкового сознания носителей русского языка. Но из русской языковой культуры, как бы ни хотелось некоторым блюстителям чистоты той иной языковой культуры, не изъять, “не выкорчевать” “родимых пятен”, свидетельствующих о периодах мира и добрососедства между славянами и тюрками. Скажу больше: не только практика, но и сознание, если хотите — душа моя воспринимает тюркизмы концептуально иначе, чем заимствования из европейских языков. Очевидно, это связано с исторической памятью: нашествие на Русь крестоносцев и еще не оформившиеся в историческую правду отношения с тюркскими племенами воспринимаются мною по-разному. Накопленная, саккумулированная, кумулятивная языковая память и внутреннее сознание русского человека не оставляют места тюркским словам, как словам “варваризмам”»³⁶³.

Далее он пишет: «О миролюбивой лексике, свидетельствующей об отношениях добрососедства двух этносов, красноречиво говорят тюркизмы, которые уже давно не воспринимаются носителями русского языка как иноязычные. Некоторые тюркизмы сами тюркоязычные народы давно уже не употребляют в письменной и устной речи. В русском же языке они сохранились, представляя, таким образом, русскую языковую культуру неким музеем тюркской, отражая становление и развитие последней. Но что более важно, сформировавшиеся в основополагающие для русской культуры

³⁶² Синячкин В.П. Историко-культурный слой тюркизмов в русском быденном сознании // Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия: сб. науч. тр. по материалам Круглого стола. — Астана, 2008. — С. 132—147.

³⁶³ Там же.

концепты, и ставшие неотъемлемой составляющей русской культуры некоторые тюркизмы для других культур, да и для всего мира в целом, сочетаются со словом *русский*, служат особыми маркерами «русскости». (Сравните: *русский язык, русский сарафан, русская изба, русские пельмени...*).

Тюркизмы сыграли важную роль в обогащении словарного состава русского языка, история их появления, — как отмечает И.У. Асфандияров, — «уходит корнями в далекую древность, когда предки современного русского и других славянских народов, проживавших в средней полосе территории нынешней России, в Поволжье и лесостепных районах, граничивших со степями Причерноморья, имели в разных формах связи с соседними племенами и народами»³⁶⁴.

И.С. Козырев, описывая функционирование тюркизмов в русском и белорусском языках, отмечает, что в отличие от белорусского языка «русский язык испытывал непосредственное влияние тюркских языков в период татаро-монгольского ига, русские рано вступили в непосредственные разнообразные контакты с тюркскими народами Кавказа, Поволжья, Урала, Средней Азии, и эти контакты постепенно крепились»³⁶⁵. Но единственными источниками, свидетельствующими о вхождении и бытовании тюркизмов в русский язык древнего периода, остаются памятники письменности.

Вопрос историографии исследования тюркизмов в русском языке стал хрестоматийным, однако с современной точки зрения не лишне будет упомянуть об истории их изучения в мировой лингвистической науке.

Впервые тюркизмы (казанско-татарские, крымско-татарские, турецкие слова) в русском языке стали фиксироваться в XV—XVIII вв. Вхождение такого рода слов в русский язык происходит в силу укрепления и роста дипломатических, экономических связей с казанским и крымским ханствами и Турцией. Так, до начала XIX в. усиливаются языковые контакты с тюркоязычными страна-

³⁶⁴ Асфандияров И.У. Восточная лексика в русском языке. — Ташкент: Фан, 1991. — С. 34.

³⁶⁵ Козырев И.С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974. — С. 10.

ми, а в России готовятся переводчики (толмачи) и дипломатические сотрудники, владеющие тюркскими (восточными) языками.

Первые работы, посвященные изучению слов, заимствованных русским языком из языков восточных (ориентальных), относятся к XVIII в. В журналах того времени публиковались так называемые «списки» слов восточного происхождения, среди которых встречались и тюркские лексические заимствования (слова, называемые «турецкими», «татарскими» и др.). Однако, по наблюдению Д.С. Сагдуллаева, «эти первые опыты изучения тюркизмов не отличались высоким исследовательским уровнем, этимологии слов часто бывали фантастичными и порой не имели ничего общего с анализируемым словом»³⁶⁶. Первые фундаментальные работы в области изучения тюркизмов проделаны выпускниками и сотрудниками Казанского университета: Я.О. Ярцовым, И. Яковкиным, Ф.И. Эрдманом, И.Н. Березиным и др. В 1854 г. под редакцией академика И.И. Срезневского издан первый том «Материалов для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», в которых содержатся указания на возможный тюркский источник. «Материалы» оказались одним из первых опытов широкого и детального изучения тюркских лексических элементов как в самом русском литературном языке, так и в его говорах.

Интенсивное изучение тюркизмов, основанное на установлении этимологии заимствований в русском языке из тюркских и восточных языков началось с трудов Ф.И. Эрдмана, И.Н. Березина, А.А. Бобровникова, А.К. Казембека, В.В. Григорьева, С.К. Булича, Ф. Миклошича, А.О. Мухлинского (в 30-е годы XIX в.), значительный вклад в исследование тюркизмов в конце XIX — начале XX вв. внесли известные тюркологи П.М. Мелиоранский и Ф.Е. Корш.

Фундаментальные труды русских ученых (З.А. Алексеев, А.И. Беляев, А. Вышнегорский, И.И. Ильминский, С.А. Ланин, Н.С. Лыкошин, В. Наливкин, М. Наливкина) в изучении тюркских языков в дореволюционный период оставили заметный след в тюрко-славистике. Неоценим вклад в изучение тюркских языков

³⁶⁶ Сагдуллаев Д.С. Тюркизмы в творческом контексте С.П. Бородин. В материале трилогии «Звезды над Самаркандом»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1975. — С. 5.

известного ученого В.В. Радлова. Важно отметить имя известного тюрколога А.Н. Кононова, который в монографии «История изучения тюркских языков в России» подробно описывает историю изучения тюркизмов в русском языке дооктябрьского периода³⁶⁷.

Выдающийся тюрколог Н.А. Баскаков справедливо писал, что «тюркские племена оставили заметные следы в лексике восточнославянских языков — русского, украинского и белорусского, а также оказали некоторое влияние на фразеологию и грамматику этих языков»³⁶⁸. Лингвистическому изучению тюркизмов в словарном составе русского языка посвящено большое количество работ как казахстанских (Х.Х. Махмудов, Н.Ж. Шаймерденова, М.Ш. Мусатаева, Л.А. Шеляховская, З.К. Сабитова, Н.А. Сандыбаева, Ш.А. Сабитова, М.А. Бурибаева и др.), так и зарубежных ученых (В.И. Абаев, В.Д. Аракин, Г.Б. Асланов, Н.А. Баскаков, И.Н. Березин, В.А. Гордлевский, Н.К. Дмитриев, И.Г. Добродомов, А.Н. Кононов, М.М. Копыленко, Ф.Е. Корш, Х.Х. Махмудов, К.Г. Менгес, П.М. Мелиоранский, С.Е. Малов, А.Д. Эфендиева, Р.А. Юналеева и мн. др.). Тем не менее, исследование роли тюркизмов в словарном фонде русского языка до настоящего времени актуально, поскольку в лингвистике остается еще много нерешенных проблем, связанных с освещением вхождения тюркизмов в лексический состав русского языка.

По мнению К.М. Мусаева, исследование контактных явлений тюркских языков с языками мира на всех уровнях имеет много выходов и приобретает важное значение для истории тюркских и контактирующих языков, диалектов и говоров. Он отмечает, что контакты тюркских языков с языками мира требуют рассмотрения их во всей совокупности. Для этого, конечно же, лингвистической науке требуются тюркологи, хорошо владеющие всеми тюркскими языками, их говорами и диалектами, способные определить роль каждого тюркского языка в алтаистике³⁶⁹.

³⁶⁷ Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. — Л.: Наука, 1982.

³⁶⁸ Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». — М.: Наука, 1985. — С. 5.

³⁶⁹ Мусаев К.М. Алтайская гипотеза в свете контактов языков с языками мира // Советская тюркология. — 1987. — № 3. — С. 53.

В научной литературе не раз отмечалось, что интерес к тюркским языкам проявляется, начиная с древней Руси (в XIII в.), когда возрастает роль устных переводчиков — толмачей — в период монголо-татарского нашествия для поддержания связей древнерусских княжеств с ханами Золотой Орды. Однако Х.Х. Махмудов указывает на то, что «тюркизмы в русском языке — явление доисторическое, а не XIII в., куда, к сожалению, относят их обычно в учебных пособиях»³⁷⁰. Например, слово *сайгатъ*, этимологически восходящее к казахскому (*сауғат*) или турецкому (*saurat*) языкам, обозначающее «дар, военную добычу», употребляется уже с 1174 г.: (1174): *По вечернии приѣха, наутрѣя же поча даяти сангатъ княземъ и мѹжемъ* (Ипат. лет., 569); (1262): *Борисъ же приѣха и приведе сангатъ королевн: и конѣи во сѣдлѣхъ, щиты, сѹлицѣ, шелома* (Там же, 857).

В лингвистической и исторической литературе существуют различные точки зрения на периодизацию русско-тюркских языковых контактов, но, как отмечает Х.Х. Махмудов, славянские народы, прежде всего восточные славяне «с древнейших времен соседнили с некоторыми народностями тюркского происхождения, были связаны и экономически и политически, вели непрерывные войны друг против друга, поэтому и заимствования (взаимные) в этих языках начинаются еще в доисторический период. Отсутствие более древних памятников письма не дает нам возможности дать более или менее точную периодизацию (установить даты) проникновения тюркских элементов в славянские языки и славянских элементов в тюркские языки»³⁷¹. Опираясь на классификацию Н.А. Баскакова и В.И. Абаева³⁷², в работе мы выделяем следующие периоды развития русско-тюркских языковых контактов:

первый период — период до образования Киевской Руси (I—VIII вв.) — «характеризуется взаимодействием славянских диалектов с диалектами иранских и финских племен, и с диалектами тюркских племен». В это время в древнерусский язык проникают

³⁷⁰ Махмудов Х.Х. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи. — Алма-Ата: Наука, 1989. — С. 13.

³⁷¹ Там же. — С. 69.

³⁷² Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». — М.: Наука, 1985. — С. 5—6.

устные заимствования типа *алтын*, *товар*, *каган*, *ковер боярин* / *боярин*, *терем*, *капище*, *шатер*, *лиман*, *болван* 'идол', *батог*, *бисер*, *сан*, *чертог*, *шар* 'краска', *лошадь*, *жемчуг*, *салтан*, *клубук*, *чекан* и мн. др.;

второй период — период образования Киевской Руси (IX—XII вв.) — «характеризуется уже более тесными связями и взаимодействием древнерусского языка сначала с языками тюркских племенных союзов — печенегов и т.д., а затем с языком половцев». К этому периоду относятся тюркизмы *басурман*, *башимак*, *камыш*, *богатырь*, *япончица* и др.;

третий период — период после монгольского нашествия (XIII—XV вв.), «когда древнерусские княжества находились в вассальной зависимости от Золотой Орды, а древнерусский язык подвергался значительному воздействию тюркских, кипчакских диалектов, распространенных по всей обширной территории, подвластной Золотой Орде». В это время в древнерусский язык посредством кипчакского языка проникают слова *атаман*, *деньги*, *караул*, *хаджи*, *хан*, *баскак*, *бурый*, *дорога* 'чиновник', *коврига*, *ковчег*, *ковиш*, *кулак*, *курган*, *орда*, *хоругвь*; приблизительно в XIV в. вошли слова *алтаут* 'приближенный хана', *алый*, *казначей*, *капторга*, *алам*, *бугай*, *сарафан*, *калита*, *кирпич*, *колымага*, *лачуга*, *сабля*, *тамга*, *ямщик*; приблизительно в XV в. — *дефтер* 'ханская грамота о взимании дани, сборов' *терлик*, *тесма*, *кафтан*, *кушак*, *кайма*, *колпак*, *шлык*, *каптур*, *капа*, *фата* и т.д.;

четвертый период — период русской колонизации и присоединения к России бывших Казанского, Астраханского, Сибирского и Крымского ханств, а также народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана (XVI—XIX вв.). В это время проникают через тюркские языки и посредством тюркских языков слова *башибузук*, *бахрома*, *изюм*, *рундук*, *кинжал*, *чалма*, *эфенди*, *арбуз*, *байрак*, *барс*, *басма*, *бахмат*, *бугор*, *буланный*, *булат*, *бурав*, *вор*, *войлок*, *изумруд*, *каурый*, *крагуй*, *кушак*, *лал*, *мечеть*, *мухояр*, *сеит*, *судак*, *тафья*, *учуг*, *фerezь*, *чалма*, *чубарый*, *юрт*, *ясак*, *юшман*, *штаны*, *кутас*, *армяк*, *кнь*, *науруз* и др.; приблизительно к XVII в. относятся — *абаса*, *абдал*, *ага*, *алтабас*, *аманат*, *арчак*, *базлук*, *балахон*, *барыш*, *будира*, *буза*, *бузун*, *изъян*, *ишак*, *казан*, *кистень*, *корсак*, *кумач*, *бешмет*, *бурка*, *емурлук*, *шабур*, *бутурлук*, *калауз*, *аракчин*, *мисюрка*,

шишак и др.; в XVIII в. — *казакин, киса*; в XIX в. — *архалук, очкур, башлык, тюбетейка* и др.

пятый период — период активизации языковых контактов народов бывшего СССР — начало XX в. по настоящее время. В данный период проникают в современный русский язык слова, называемые казахизмами, узбекизмами, таджикизмами и т.д., как, например, *акын, айран, аким, басмач, душман, мажлис, маслихат, мушайра, чапан, куырдак, согым* и т.д.

Как отмечает В.П. Гущина, с конца XVII—XVIII вв. начинается качественно новый период для функционирования тюркизмов. При этом «происходит некоторый спад активности тюркизмов, что объясняется значительной конкуренцией лексических заимствований из западноевропейских языков: количество тюркизмов не выдерживает этой конкуренции и постепенно выходит из употребления или закрепляется за более узкой сферой функционирования». В результате столкновения тюркизмов и западноевропейизмов определяется стабильный пласт тюркских слов, который и сохранился в лексической системе русского языка до настоящего времени³⁷³.

Во второй половине XVII в. ввиду тесных контактов с Западом русский язык пополнился большим количеством заимствований. К ним относятся такие слова, как *вертикальный, циркуль, фигура, фабула, трагедия, канцлер, капитан, майор, рота, шпага* и др.³⁷⁴ «Но говорить об их “наплыве” и об их узаконении в русском языке этого времени еще нет достаточных оснований. Картина резко меняется с началом петровских реформ»³⁷⁵.

В XVIII в. в русском языке наблюдается усиленное употребление заимствованной лексики из европейских языков (латинские,

³⁷³ Гущина В.П. Функционирование и семантическая эволюция тюркизмов (на материале памятников письменности XVII—XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1984. — С. 3.

³⁷⁴ Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века: учеб. пособие. — М.: Академия, 2005. — С. 275.

³⁷⁵ Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90 годы XIX в. — М.; Л., 1965. — С. 43—44; Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века: учеб. пособие. — М.: Академия, 2005. — С. 275.

польские, немецкие, голландские, французские, английские и др. слова). В большом количестве заимствуются слова, относящиеся к военному делу (*армия, батальон, гарнизон, милиция* и т.д.), морскому делу (из голландского и английского языков: *бригантина, каравелла, катер, курс, флот, мачта, руль, трюм, лавировать, адмирал* и т.д.), наименованиям предприятий, изделий, инструментов, технических приспособлений, механизмов, разнообразных технических действий и т.п. (*мануфактура, фабрика, цех, кран, стамеска* и т.д.), государственной-административной сфере (*адмиралтейская коллегия, прокурор, амнистия, архив, конверт* и т.д.), слов-терминов торговых и финансовых отношений (*акция, капитал, коммерция* т.д.), дипломатической лексики (*референт, конкурент, нейтралитет* и т.д.), терминологической научной лексики (*академик, гимназия, диспут, диссертация, пансион, профессор* и т.д.), придворного и домашнего быта (*ассамблея, бал, концерт, потеря, маскарад, гувернер, паж, свита, камзол, сюртук, манжеты*).

Тем не менее, Ф.П. Филин указывает на то, что «тюркизмы и другие восточные элементы играли вторую, после западноевропейских, роль в обогащении словарного состава великорусского языка, причем разных его тематических разрядов. Как и западноевропейские, восточные элементы укрепляли позиции русской народной речи и письменности»³⁷⁶.

Р.А. Юналеева, рассматривая роль тюркизмов в системе других заимствований русского языка, отмечает, что прослеживается определенная специализация по языкам. Например, старославянизмы представлены названиями преимущественно отвлеченных понятий, греко-латинские заимствования обозначают абстрактные понятия, научно-философскую и политическую терминологию, галлицизмы сильно выражены в сфере политики, истории, торговли, права, дипломатических отношений, в литературе, немецкие слова — в военной, профессионально-технической, административной сфере, английские (и голландские) слова пополнили морскую лексику,

³⁷⁶ Филин Ф.П. О словарном составе языка великорусского народа // ВЯ. — 1982. — № 5. — С. 26.

спортивную терминологию, итальянские слова — сферу искусства и т.д.

Однако тюркизмы в отличие от западноевропеизмов в русском языке представлены преимущественно названиями, относящимися к быту. В большей части тюркизмы в русском языке — это «бытовизмы», по определению Р.А. Юнаниевой, и в этом состоит их особенность с точки зрения семантических примет. Они входили в русскую языковую сферу в подавляющем большинстве в качестве однозначных слов, обозначающих конкретные бытовые реалии широкого использования. Из обозначений других сфер жизни также встречаются слова коневодческой лексики, торгово-денежных отношений, номенклатуры растений и животных³⁷⁷.

Для современного Казахстана история этнических и языковых контактов с Россией начинается примерно с периода образования Казахского ханства. Анализ научной литературы позволяет установить периодизацию казахско-русских языковых контактов. Так, нами выделяется 4 периода истории языковых контактов:

- период с XVI в. — времени образования Казахского ханства — до эпохи присоединения Казахстана к России;

- период с XVIII в. по XIX в. — время, характеризующееся тесными дипломатическими и торговыми сношениями Казахстана и России;

- советский период — XX в.;

- современный период — конец XX в. (с приобретением суверенитета РК) по настоящее время.

Каждый из данных периодов различается интенсивностью языковых контактов и составом заимствованной лексики.

В настоящее время интерес к памятникам русской письменности в Казахстане не ослабевает по ряду причин. Во-первых, в Казахстане самая большая по численности русская диаспора, которая, начиная с древнего периода, проживает на его территории, сохраняя при этом язык, культуру, вероисповедание, традиции и обычаи; во-вторых, в архивах Казахстана имеются фонды по казахско-русским взаимоотношениям XVI—XIX вв., требующие

³⁷⁷ Юнаниева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). — Казань: Таглитат, 2000. — С. 8.

комплексного изучения. В полилингвальном обществе Казахстана наблюдаются тесные языковые контакты, которые становятся предметом изучения не только лингвистов, но и историков, философов, культурологов.

4.2. Иноязычные слова в русском языке как свидетельство языковых контактов

Вопросы контактирования русского литературного языка с другими языками привлекает внимание лингвистов с конца XIX в. Это исследования С.К. Булича, Н.А. Смирнова, В. Христиани, А.И. Чудинова, Л. Гальди, А.И. Соболевского и др. Значительные исследования осуществляются в области взаимодействия русского языка с языками народов Советского Союза. Например, труды А.А. Аврорина, Ю.Д. Дешериева, И.Ф. Протченко, М.И. Исаева, И.К. Белодеда и др. Кроме того, целый ряд монографий посвящен связям русского языка с западноевропейскими языками (труды В.М. Аристовой, А.М. Бабкина, Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.А. Кутиной и др.).

В истории русского языка тема иноязычных заимствований является дискуссионной. Как отмечает Л.Г. Чапаева, на протяжении всего XIX в. отношение к ним в среде образованного общества не было однозначным, а конкретные лексемы становились предметом языковой полемики. Принятие или непринятие иноязычного слова оказывалось связанным с общими концептуальными установками носителей языка, а вопрос о заимствованиях оказывается тесно связанным с определением сферы «чужого» и отношением к нему. Для языковой ситуации начала XIX в. характерно столкновение экстравертных и интровертных тенденций. Экстравертность карамзинистов привела к насыщению русского языка заимствованиями из престижного в то время французского языка. Вместо изгоняемых славянизмов карамзинисты приветствуют заимствования из европейских языков, поскольку они придают русскому литературному языку интернациональный характер, равенство с другими европейскими языками, русский язык становится способным адекватно передавать то содержание, которое может быть выражено на

европейских языках. Шишковисты выступают резко против подобного пути обогащения родного языка. Развивая вслед за немецкими романтиками и философами мысль о том, что каждый язык неповторим, и воспринимая язык как культурно-исторический организм, в истории которого отражаются особенности народного духа, А.С. Шишков полагал, что заимствования передают лишь поверхностный смысл чужого слова, оторванного от внутренних связей и искусственно привитого к русскому языку. Идеи А.С. Шишкова, можно сказать, были направлены против усвоения чужой культуры в ущерб своей³⁷⁸.

«Оппозиция *народность* ~ *европеизм* становится базовой в русской культурно-языковой ситуации. <...> В грамматических и стилистических сочинениях 1840-х годов нет единства в оценке роли и места заимствований (обычный термин для них — *варваризмы*) в русском литературном языке. С одной стороны, присутствует объективный взгляд на их правомерность в русском книжном языке, так как это процесс неизбежный, по мнению И.И. Срезневского, несмотря на то, что в истории русского языка ориентация на западные образцы сыграла отрицательную роль: разорвала связь народного и книжного языков. Но новые заимствования из *живых* чужих языков, придают “дух жизненности”, “силу современности” остановившемуся в своем изменении русскому книжному языку. С другой стороны, пуристический взгляд на заимствования в русской филологии преобладает, отличаясь субъективностью оценок тех или иных заимствованных лексем. Ф.И. Буслаев, признавая ненаучность пуристического подхода, тем не менее, отрицательно оценивает “чуждое” влияние в языке, считает его “ложным”, подчеркивает “невразумительность” для народа варваризмов, “отягощающих речь, как лишний нарост”»³⁷⁹.

Вопрос о заимствованиях в лингвистической теории 1840-х годов оказывается тесно связанным с неологией, под которой пони-

³⁷⁸ Чапаева Л.Г. Статус заимствований в русском языке первой половины XIX в.: основные тенденции в оценке чуждого языкового материала // Тр. и мат-лы III Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (20—23 марта). — М., 2007. — С. 94—95.

³⁷⁹ Там же.

мается не только образование новых слов, *неологизмов*, но и введение прямых заимствований или калек. <...> Но большинством грамматистов неологизмы иноязычного происхождения не рекомендуются к употреблению. В филологической традиции уже усвоенные заимствования воспринимались как *свое*, а вновь входящие в язык — как *чужое*.

Несмотря на то, что уровень развития русского литературного языка не создавал опасности «заражения» иноязычным влиянием, новые заимствования воспринимаются негативно еще и в связи с тем, что «окнижняют» литературный язык. Со всей остротой вопрос о заимствованиях встает в связи с формированием философских, идеологических концепций и их языкового аппарата. Полемика о заимствованиях в 1830—1840-х годах в значительной степени отражала конфликт не столько языковых, сколько философских концепций. <...> В спорах об отдельных лексемах с очевидностью обнаруживается идеологический уровень противопоставления *своего* и *чужого*, *родного* и *иноязычного*. Отторжение того или иного заимствования обуславливается не столько семантикой и стилистикой слова, сколько его принадлежностью к лексикону иного идеологического лагеря. А поскольку прямые иноязычные заимствования свойственны, скорее, западникам, то и их лингвистических противниках оказываются и славянофилы, и сторонники официальной народности, и люди, далекие от идеологических споров, но придерживающиеся пуристических взглядов³⁸⁰.

Разработка теории языковых контактов выдвинула целый ряд новых вопросов, которые привлекали внимание исследователей. Это вопросы, касающиеся обозначения терминов (понятий), принятых в лингвистике для обозначения той или иной лексики, попадающей в словарный фонд языка извне.

Лексика любого языка делится на исконную и заимствованную. Заимствованные слова появляются зачастую в результате языковых контактов. В настоящее время в лингвистике особое внимание уделяется *теории языковых контактов, контактологии*. Выдающийся казахстанский лингвист А.Е. Карлинский отмечает: «Посколь-

³⁸⁰ Там же.

ку при языковом контакте всегда один язык как бы передает свои элементы и/или отношения, а другой их воспринимает, то целесообразно различать всего два типа контактирующих языков: язык-донор, который является источником влияния, и язык-реципиент, в котором это влияние проявляется»³⁸¹.

Согласно энциклопедии «Русский язык», «языковые контакты» (от лат. *contactus* — прикосновение) представляют собой «взаимодействие двух и более языков, являющееся следствием и результатом связей и контактов двух или нескольких этносов. К.я. осуществляются посредством билингвов, т.е. людей, способных к речевому общению на родном и к.-л. другом языке. Длительность, интенсивность, характер и сферы социального взаимодействия разных языковых групп самым различным образом отражаются на функционировании и развитии контактирующих языков.

Длительные контакты соседствующих этнических и языковых групп, проживающих в схожих географических, климатических, социально-экономических и бытовых условиях, приводят к формированию историко-этнической области, характеризующейся сходством материально-бытовой культуры (жилище, домашняя утварь, орудия труда и средства передвижения, а также обряды, предания и устно-поэтическое творчество). Речевое взаимодействие осуществляется по устным каналам, в частности, диалогической речи в сфере хозяйственно-бытового общения от дома — к дому, от села — к селу, от этноса — к этносу»³⁸².

Языковые контакты и связанные с ними проблемы заимствования на современном этапе стали объектом внимания известных казахстанских лингвистов, как З.К. Ахметжанова, К.М. Абишева, Н.И. Гайнуллина, Л.П. Ефремов, А.Е. Карлинский, М.М. Копыленко, Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова и др., и зарубежных — Н.А. Баскаков, У. Вайнрайх, В.К. Журавлев, Л.П. Крысин, Г. Пауль, Э. Хауген, А.Г. Шереметьева и др. При этом новый под-

³⁸¹ Карлинский А.Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. — Алматы, 2011. — С. 109.

³⁸² Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — С. 196—197.

ход в лингвистике рубежа веков представляет антропоцентрически-ориентированную парадигму, которая включает в себя все этапы процесса социально-языкового контактирования: от дискурсивной деятельности индивидов до ее конечного продукта (языковых контактов)³⁸³.

История изучения отдельных языков показывает, что лексемы, их формы и синтаксические модели, остающиеся за пределами литературного употребления, не обязательно отмирают и исчезают полностью в том или ином языке. По мнению А.Г. Шереметьевой, «они могут остаться как характерные для обиходно-разговорного языка низших страт данного языкового сообщества или остаться в региональных диалектах, а также благодаря социальной стратификации национального языка использоваться в литературных произведениях в качестве характеристики индивидуального стиля речи»³⁸⁴.

Существует и другое понятие в науке — взаимодействие языков, под которым понимаются любые процессы взаимного влияния языков с учетом лингвистических (языковые контакты) и экстралингвистических факторов (билингвизм). А.Е. Карлинский утверждает: «Вполне естественно, что билингвизм и языковые контакты находятся в тесной диалектической связи и их разграничение возможно только в результате мысленного эксперимента с целью более глубокого проникновения в сущность процессов языкового взаимодействия. Иными словами, языковые контакты и билингвизм — это понятия, отражающие две стороны одного и того же объекта»³⁸⁵.

Применительно к настоящей работе представляется целесообразным использовать термин «языковые контакты» в чисто лингвистическом смысле, отличая его от термина «билингвизм», кото-

³⁸³ Абишева К.М. Социально-языковая контактная деятельность в свете социолингвистической контактологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 2003. — С. 3.

³⁸⁴ Шереметьева А.Г. Лексико-грамматическая вариантность в русском языке (синхронно-диахронический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ташкент, 2001. — С. 18.

³⁸⁵ Карлинский А.Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. — Алматы, 2011. — С. 51.

рый обозначает всю совокупность явлений взаимодействия языков в экстралингвистическом (функциональном) плане. И, вслед за А.Е. Карлинским, предлагаем распространять это понятие на диахронический аспект. «В связи с этим значение термина «языковые контакты» можно было бы определить следующим образом: два языка (А и Б) находятся в контакте, если речь (текст), порожаемая на языке А, содержит в себе элементы и/или отношения языка Б, или наоборот, речь на языке Б включает в себя элементы и/или отношения языка А, а также если элементы и/или отношения языка А проникают и обнаруживаются в системе языка Б, и наоборот. При таком понимании языковых контактов мы фактически имеем дело только с результатом взаимодействия двух языков на всех уровнях (фонологическом, морфемном, лексемном и грамматическом), причем не только в области речи (текста), но и в области системы»³⁸⁶.

Как известно, впервые о языках, находящихся в «непосредственном контакте», писал Л.В. Щерба. Он пытался разграничить понятия «смешение языков» и «взаимное влияние языков», имея в виду только диахронический аспект этой проблемы. Как известно в мировую лингвистическую науку термин «языковые контакты» в том значении, в котором он вошел в современную лингвистическую литературу, ввел У. Вайнрайх. «Два или более языков, — пишет он, — находятся в контакте, если они попеременно используются одним и тем же человеком»³⁸⁷.

У. Вайнрайх понимает языковые контакты очень широко, как в отношении участников контакта (например, взаимодействие языков, диалектов или языков и диалектов между собой), так и в отношении факторов, влияющих на это взаимодействие (например, психологические и социологические факторы). Так, он пишет: «Языковой контакт и двуязычие будут рассматриваться нами в самом широком смысле, независимо от того, насколько соответствующие языки отличаются друг от друга. Для целей

³⁸⁶ Карлинский А.Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. — Алматы, 2011. — С. 108.

³⁸⁷ Цит. по: Карлинский А.Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. — Алматы, 2011. — С. 46.

нашего исследования несущественно, являются ли две взаимодействующие системы “языками”, “диалектами одного языка” или “разновидностями одного диалекта”»³⁸⁸. Таким образом, в его фундаментальной и хрестоматийной монографии наряду с главой, посвященной лингвистическим проблемам языкового взаимодействия, имеются специальные главы, рассматривающие психолингвистические и социолингвистические аспекты двуязычия. Термин «языковые контакты» оказался более емким и абстрактным по сравнению со всеми другими однородными терминами, уже имевшимися в языкознании, отсюда и его быстрое распространение и популярность.

Некоторые исследователи (например, Е. Верещагин) видят в этом противоречие и считают, что понятие «языковые контакты» должно использоваться сугубо в лингвистическом смысле. Однако, как пишет А.Е. Карлинский, вряд ли есть серьезные основания для такой критики, так как любое значение термина является функциональным, т.е. определяется контекстом, в котором он употребляется. «Один и тот же термин может иметь несколько значений, и мы не можем толковать какое-либо из них как «единственно правильное»³⁸⁹.

В силу различных причин появляется новое слово для обозначения нового предмета. Зачастую переводить иноязычные слова становится невозможным, поскольку в заимствующем языке нет соответствующих этим понятиям русских эквивалентов. Появление новой терминологической лексики, обозначающей реалии, вхождение новых понятий в большинстве случаев обогащает язык.

Гаврилов А.В., изучая европейские заимствования XIX в. в русском языке, отмечает: «В момент вхождения иноязычное слово механически переносится в язык-рецептор и лишь в процессе освоения, подстраиваясь к фонетико-морфологическим и семантическим нормам последнего, иногда изменяет свою звуковую оболочку и смысловой объем. Это дает право считать

³⁸⁸ Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. — Киев: Вища школа, 1979. — С. 23.

³⁸⁹ Карлинский А.Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. — Алматы, 2011. — С. 47.

лексему заимствованной. Отсюда «заимствованное слово» (или «заимствование») — слово, которое ассимилировалось в языке-рецепторе графически, фонетически, семантически, словообразовательно, морфологически и синтаксически». Заимствованная лексика, по его определению, — это ассимилированная иноязычная лексика. И наоборот, иноязычная лексика — это новообразования, которые в сознании носителей осознаются как иностранные, не исконные. Заимствованное слово в ходе этого приспособления усваивается настолько, что его иноязычное происхождение может совершенно не ощущаться, оно вписывается в лексико-семантическую организованность языка, выступая готовой звуковой оболочкой определенного значения для образования новых значений. Впервые проблему разграничения таких понятий, как формальные показатели адаптации и осознание иноязычности, опираясь на классификацию А. Шлейхера и Я. Грота, поднял О.Б. Шахрай. Н.В. Габдреева исследовала процесс превращения в сознании носителя русского языка иноязычного слова в неосознаваемое как таковое и ввела новый критерий освоенности, функциональный³⁹⁰.

Согласно мнениям Е.М. Галкиной-Федорук, Л.П. Крысина, Н.М. Шанского и многих других специалистов в области исследования заимствований в русском языке, в современной лингвистике выделяются три типа иноязычных слов: *заимствованные слова, экзотическая лексика (или экзотизмы) и иноязычные вкрапления*. Но, тем не менее, современный исследователь иноязычных слов в русской речи конца XX — начала XXI в. Е.В. Маринова констатирует факт важности и нерешенности теоретических и терминологических вопросов, связанных с проблемой лексического заимствования. Так, одним из главных вопросов является вопрос о содержании и объеме понятия, обозначаемого термином *иноязычное слово*. Она отмечает, что в научной и учебной литературе недостаточно строго и последовательно разграничиваются и другие терминологические наименования (и соответственно понятия), относящиеся к сфере заимствования, такие, как *варвар*

³⁹⁰ Гаврилов А.В. Европейские заимствования XIX века в русском языке. — М.: Ленанд, 2011. — С. 11.

*ризм, экзотизм, иноязычное вкрапление, иноязычное заимствование и т.п.*³⁹¹.

Исходя из вышесказанного, обратимся к авторитетным источникам, чтобы полнее отобразить дефиниции данных терминов. По О.С. Ахмановой, *заимствование* — это «обращение к лексическому фонду другого языка для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и для обозначения неизвестных прежде предметов»³⁹², по Л. Блумфилду — это «результат попеременного обращения отдельного индивида или языкового коллектива к двум языковым системам»³⁹³.

Хрестоматийными и фундаментальными работами в советской лингвистике являются труды Л.П. Ефремова, значение которых до сих пор актуально в науке. По его определению, *заимствованная лексика* — это «лексика, включающая в свой состав слова, которые как единство определенного значения и определенного звучания восходят к соответствующим иноязычным прототипам, слова, появление которых в языке связано с иноязычным влиянием, а не с оригинальным словообразованием»³⁹⁴.

Согласно Л.П. Крысину, *экзотизмы* — это слова, называющие реалии «чужой» жизни. Он отмечает, что они составляют значительный пласт среди лексики, заимствуемой каждым языком в тот или иной период его развития из других языков. Экзотизмами могут быть названия объектов природы — деревьев, трав, пород диких и домашних животных, рыб, насекомых и т.п., национальных традиций, особенностей государственного устройства, семейного быта, национальных блюд и напитков, то есть всего того, в чем так или иначе проявляется своеобразие жизни народа и населяемой им

³⁹¹ Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008. — С. 4—5.

³⁹² Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энциклопедия, 1966. — С. 150.

³⁹³ Блумфилд Л. Язык. — М.: Прогресс, 1968. — С. 488.

³⁹⁴ Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования и основные принципы освоения заимствованных слов: дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 1958. — С. 32.

территории³⁹⁵. Мысли В.А. Масловой здесь позволяют подходить с пониманием к бинарности бытия вообще: «Суть человеческого мышления заключается в упорядочивании, категоризации мира при помощи бессознательных структур — бинарных оппозиций, которые задают универсальную логику мышления (Леви-Стросс, 83, с. 173). Свой-чужой — базовая архетипическая оппозиция для многих культур. Этот культурологический признак закреплён в семантике многих языковых единиц. Впрочем, и весь язык — это конгломерат “своего” и “чужого”»³⁹⁶.

Л.П. Крысин пишет о том, что границы между экзотической лексикой и «обычными» заимствованиями — то есть словами, семантика и употребление которых не специфичны для той или иной страны (территории), — не жестки. «При определенных обстоятельствах экзотизм может превратиться в слово, хотя и сохраняющее признаки иноязычности (что обычно более или менее ясно ощущается говорящими), но именующее реалию, которая прививается в жизни носителей языка-реципиента»³⁹⁷. Исследователь рассуждает, что для развития почти каждого языка процесс заимствования слов из других языков вполне естественен и обычен. «Тем не менее, и к самому этому процессу, и в особенности к его результатам — иноязычным словам — носители языка часто относятся с изрядной долей подозрительности: зачем что-то брать у других — разве нельзя обойтись средствами родного языка?»³⁹⁸.

Вопросы об иноязычных вкраплениях также оказались в поле зрения как лингвистов, изучающих языковые контакты, так и историков русского литературного языка, занимающихся стилистикой. К *иноязычным вкраплениям* или *варваризмам* часто относятся неосвоенные заимствования, они сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, графических, грамма-

³⁹⁵ Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — С. 37.

³⁹⁶ Маслова В.А. Русский язык как общеславянская святыня // Сб. статей 1 междунар. научно-метод. конф. «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы». — М.: РУДН, 2008. — С. 455.

³⁹⁷ Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — С. 37.

³⁹⁸ Там же. — С. 12.

тических и семантических особенностей, которые чужды исконным словам. Под *иноязычными вкраплениями*, по мнению ученых (А.А. Леонтьев, Л.П. Крысин, И.Г. Добродомов, Н.А. Шестакова), принято понимать слова иноязычного происхождения, употребляющиеся в литературных произведениях или в речи отдельных лиц, которые в отличие от заимствованной лексики не входят в лексическую систему использующего их языка.

В работе А.А. Бондаренко в научный оборот вводится термин «*контактема*», под которым понимаются «иноязычные элементы (слова, словосочетания, морфемы), появляющиеся в русском языке в результате контактов с другими языками, то есть конкретные речевые реализации лексико-семантического взаимодействия языков»³⁹⁹. По его мнению, конкретной речевой реализацией лексико-семантической интерференции является положительная контактема <...>, видами контактемы — заимствованная лексема, заимствованная семема, лексическая калька, калька-словосочетание.

Ю.Т. Правда, исследуя русско-немецкие иноязычные вкрапления в русской литературной речи XIX в., отмечает: «Обнаружилась, прежде всего, приблизительность самого определения иноязычных вкраплений (чаще всего имеются в виду нетранслитерированные вкрапления) и неясность положения этих явлений среди языковых средств, находящихся вне системы русского литературного языка и использующихся в стилистических целях»⁴⁰⁰.

Она констатирует, что в ряде публикаций иноязычные вкрапления-лексемы рассматриваются в одном ряду с лексическими заимствованиями, в других выделяются в отдельную категорию слов, получая самые различные названия: окказиональные заимствования, варваризмы, окказиональные слова иноязычного происхождения, неассимилированная иноязычная лексика, экзотизмы-вкрапления, нетранслитерированные слова и вы-

³⁹⁹ Бондаренко А.А. Иноязычные элементы в русском языке как результат межязыковых взаимодействий (на материале журналов, издающихся на русском языке в странах СЭВ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1989. — С. 1.

⁴⁰⁰ Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1983. — С. 3.

ражения, беспереводные иноязычные вкрапления, иноязычные включения, иноязычные вкрапления, иноязычные элементы, неосвоенная иноязычная лексика и т.д. Далее она замечает: «Разграничение иноязычных вкраплений и лексических заимствований особенно важно при переводе текстов, прежде всего художественных, на другие языки, так как стилистическая окраска вкраплений и заимствований, как и их стилистическая функция, часто не совпадает»⁴⁰¹.

Казахстанский исследователь регионального варианта современного русского языка Е.А. Журавлева для обозначения соответствующих языковых единиц в русском языке Казахстана употребляет термин «регионализм» в тех случаях, когда эти единицы находятся либо в оппозиции общеупотребительному литературному стандарту, либо расширяют его границы. По ее мнению, «словарный состав казахстанского варианта русского языка является репрезентативным для всех национальных разновидностей — состоит из трех основных слоев: лексики литературного уровня, обиходно-разговорных лексических единиц и, гораздо реже, диалектных слов»⁴⁰².

Вслед за дефиницией, помещенной в энциклопедии «Русский язык», в настоящем исследовании под *заимствованием* понимается, с одной стороны, «переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками», с другой, «слово или оборот, вошедшие в язык в результате такого перехода». Главным условием заимствования является билингвизм говорящих, их способность переключаться с одного языка на другой в процессе общения, однако заимствовать элементы языка у соседних народов возможно лишь до определенного времени: в некоторый момент количество переходит в качество⁴⁰³.

⁴⁰¹ Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1983. — С. 11.

⁴⁰² Журавлева Е.А. Русский язык в полиэтнической среде Казахстана: лингвистический аспект // Сб. мат-лов конф. «Русский язык в контексте этноязыковых процессов Республики Казахстан». — Астана, 2008. — С. 19.

⁴⁰³ Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. — С. 132.

4.3. Тюркизмы в русском языке: проблемы терминологического обозначения

Анализ специальной литературы свидетельствует о том, что до сих пор нет полного монографического исследования заимствованных лексем из тюркских языков, а историю проникновения многих слов исследователи трактуют по-разному.

В научной литературе для обозначения тюркской и восточной лексики наблюдаются различные наименования. Так, для обозначения слов тюркского происхождения (в том числе и арабского, персидского и др. языков) применяются такие термины и сочетания: *тюркские слова, восточная лексика, азиатская, татарская, среднеазиатская лексика, ориентализмы, экзотизмы, регионализмы, локализмы, тюркские лексические элементы, тюркская лексика, восточные заимствования* и т.д.

В работе известного тюрколога Н.К. Дмитриева «Строй тюркских языков» отмечается, что «во всех тюркских языках есть большой процент арабских, монгольских, персидских лексических элементов, которые относятся к области религиозной, научной, административной терминологии. Все эти элементы строго различаются в тюркологических работах»⁴⁰⁴. Под «тюркизмами» он понимает слова исконно тюркского, а также арабского, персидского, иранского происхождения, вошедшие в русский язык через посредство тюркских языков. О важности и необходимости изучения тюркского слова только в том или ином контексте Н.К. Дмитриев писал: «Для полного успеха этимологизации тюркизмов, усвоенных славянскими языками, необходимо иметь документацию каждого слова и, кроме того, знать эпоху заимствования и конкретные социально-экономические отношения, которые связывали оба народа в ту эпоху. Пока таких благоприятных возможностей в нашем распоряжении нет. Остается единственный твердый путь: подвергшиеся анализу тюркизмы должны быть изучаемы только в контексте»⁴⁰⁵.

⁴⁰⁴ Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. — М.: Изд. вост. лит-ры, 1962.

⁴⁰⁵ Там же. — С. 507—508.

В трудах П.М. Мелиоранского, Ф.Е. Корша, С.Е. Малова термин «тюркизм» не нашел своей дефиниции, так как ими, как пишет В.Д. Аракин, «принимается как самоочевидное, что тюркизм означает заимствованное из тюркских языков слово тюркского происхождения»⁴⁰⁶. Он также вслед за Н.К. Дмитриевым утверждает, что «целесообразно определить тюркизмы как слово, непосредственно заимствованное из любого из тюркских языков в русский, независимо от его происхождения в тюркских языках»⁴⁰⁷.

Изучению тюркизмов в различных аспектах (в современном русском языке, а также в его древне- и среднерусский периоды развития) посвящены многочисленные диссертационные исследования (И.Г. Добродомов, Х.Х. Махмудов, Р.Т. Мендекинова, Г.Ш. Оразгалиева, М.В. Орешкина, Ш.А. Сабитова, А.А. Умурзакова, Н.А. Юналеева и др.), в которых мнения большинства исследователей сходятся на следующем определении *тюркизмов* — это восточные слова, для которых тюркские языки являются языком-источником или языком-посредником.

В монографии И.У. Асфандиярова читаем: «До самого последнего времени заимствования русским языком из тюркских (тюркизмы) и заимствования через тюркские языки из восточных в специальной литературе обычно даются недифференцированно, как тюркизмы. Среди последних есть арабизмы, персидско-таджикские слова и др.»⁴⁰⁸. Думается, эта проблема может быть решена при опоре на этимологические и исторические словари, а также при обращении к конкретному историческому материалу.

В своей работе, посвященной исследованию тюркского (булгарского, азербайджанского, кумыкского) лексического вклада в дагестанские (лакский, аварский, даргинский, лезгинский и др.) языки, Н.С. Джигдалаев применяет термин «тюркизмы в дагестан

⁴⁰⁶ Аракин В.Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. М.: Наука, 1974. — С. 112—147.

⁴⁰⁷ Там же. — С. 113.

⁴⁰⁸ Асфандияров И.У. Восточная лексика в русском языке. — Ташкент: Фан, 1991. — С. 38.

ских языках», описывая тюркско-дагестанские языковые контакты⁴⁰⁹.

М.В. Орешкина осторожно подходит к употреблению термина *тюркизм*, в своих исследованиях она применяет сочетания «тюркские лексические заимствования в русском языке» либо «тюркская лексика / тюркские слова в современном русском языке»⁴¹⁰.

В настоящей работе под термином «тюркизм» понимаются слова, вошедшие в русский язык посредством или непосредственно из тюркских языков. При таком определении важно помнить и о проблеме древних заимствований в тюркские языки и о возможных языковых контактах ранних тюрков. По замечанию А.В. Дыбо, «эта проблема связана с огромным числом вопросов внутренней и внешней истории тюркских языков, а также внутренней и внешней истории языков, предположительно бывших в контакте с тюркскими в различные хронологические периоды»⁴¹¹. Еще ранее И.Г. Добродомов подтвердил данную мысль. Он утверждал, что слова из китайского, финно-угорского, иранского, кавказского, арабского, монгольского языков попали в русский язык через тюркские⁴¹².

Известный русист Л.В. Щерба отмечает, что с XVI в. начинается влияние на русский язык западных языков, таких как латинский, немецкий, французский и, меньше, английский, голландский, итальянский, которые дали русскому языку массу интернациональных слов и богатую научную и техническую терминологию. В XVIII в. сильное влияние на русский оказывает французский язык, который сформировал значения многих русских слов и оборотов. О влиянии на русский язык восточных языков Л.В. Щерба пишет: «Нельзя не упомянуть и восточных языковых влияний, идущих, по-видимому,

⁴⁰⁹ Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-лингвистического анализа. — М.: Наука, 1990.

⁴¹⁰ Орешкина М.В. Особенности освоения тюркских слов в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1992.

⁴¹¹ Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фронт пратюркский период. — М.: Вост. лит., 2007. — С. 3.

⁴¹² Добродомов И.Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1966. — С. 9.

особенно из Средней Азии, бывшей в свое время передовой культурной страной»⁴¹³.

Займствованиям из тюркских и других языков, с которыми сталкивается и до настоящего времени русский язык, посвящена обширная литература, и ведутся разыскания учеными, поскольку лексика — нестабильна, так как каждый говорящий стремится вставить в свою речь как можно больше иностранных слов⁴¹⁴. По мнению Х.Х. Махмудова, «...о древнейших связях между восточными славянами и тюркскими народами говорят языковые факты. Что касается заимствований в русском языке из тюркских языков, то они уводят нас в доисторическую пору, так как в первых русских памятниках находим давние заимствования»⁴¹⁵.

Исследователями разграничиваются прямые заимствования (слово непосредственно заимствуется из одного языка в другой) и опосредованные заимствования (слово одного языка попадает в заимствующий язык через язык-посредник). Б.А. Успенский справедливо отмечает, что кроме языка-источника, «заимствования из которого обусловлены специальным культурным престижем (ср. греческий и французский для русского литературного языка на разных этапах его истории), важная роль принадлежит языкам-посредникам, которые выступают как проводники культурных влияний. Иначе говоря, очень часто при экстравертной ориентации заимствования усваиваются не непосредственно из языка-источника, а через ту или иную книжную традицию, которая воспринимается как авторитетный посредник в осуществлении соответствующих культурных контактов»⁴¹⁶. Об отношении литературного языка к заимствованиям он пишет: «Можно полагать, что живые языки в одинаковых условиях одинаково реагируют на заимствования, т.е. легко усваивают их в условиях непосред-

⁴¹³ Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во мин-ва Просвещения РСФСР, 1957. — С. 125.

⁴¹⁴ Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 73.

⁴¹⁵ Махмудов Х.Х. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи. — Алма-Ата: Наука, 1989. — С. 70.

⁴¹⁶ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2002. — С. 21.

ственного контакта. Между тем литературные языки, в отличие от живых, могут реагировать на заимствования по-разному. Литературные языки могут быть ориентированы экстравертно или же интравертно». По его мнению, при экстравертной ориентации литературный язык ориентирован на усвоение, впитывание чужой культуры. «При этом своя культура в этом случае обычно рассматривается как продолжение чужой. Так, русская книжная культура до XVIII в. воспринималась как продолжение греческой, а в послепетровский период — как продолжение европейской культуры»⁴¹⁷.

В лингвистике заимствования делятся на освоенные и неосвоенные. При этом, освоенные заимствования приспособляются к системе нового для них языка в такой степени, что иноязычное происхождение их порой не ощущается в языке заимствующем, а иноязычность обнаруживается лишь при помощи этимологического анализа.

Необходимо заметить, что В.Г. Демьянов в своей монографической работе, посвященной исследованию морфонологических, морфологических и словообразовательных проблем адаптации иноязычной лексики в русском языке на рубеже XI—XVII вв., отдает предпочтение терминсочетанию «иноязычная лексика» перед сочетаниями «заимствованная лексика» по той причине, что «первый отражает лучше генетический статус лексического пласта и только на нем акцентирует наше внимание, в то время как над вторым ввиду его образования от претеритального причастия довлеет диахронический налет, в нашей ситуации ставящей ложную точку над самим изучением иноязычного слова: «раз заимствовано, значит, само собою разумеется, и адаптировано»⁴¹⁸.

А.С. Махмутова, изучая лексику тюркского происхождения в древнерусской письменности XIII—XV вв. в ханских ярлыках и современных им памятниках, дефинирует *лексическое заимствование* как «процесс освоения (ассимиляции) иноязычного слова, в

⁴¹⁷ Там же. — С. 20—21.

⁴¹⁸ Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. — М.: Наука, 2001. — С. 8.

результате которого последнее включается в систему языка — заимствования и становится собственно заимствованным словом. Заимствованная лексика — это слова иноязычного происхождения, освоенные (ассимилированные) языком-заимствователем в плане семантики и словообразования, в формальном и функциональном планах»⁴¹⁹.

Употребление иноязычных вкраплений, по мнению А.С. Махмутовой, обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи. При известных условиях иноязычное вкрапление может превратиться в заимствованное слово⁴²⁰.

Тюркизмы в зависимости от степени освоенности древнерусским языком подразделяются на две группы:

1) *заимствованная лексика тюркского происхождения*, к которой относятся слова-тюркизмы, которые, как единственные наименования соответствующих понятий и реалий, не встретили сопротивления со стороны древнерусской лексической системы, что послужило их быстрому освоению. К таким заимствованиям относятся тюркизмы *баскак*, *караван*, *орда*, *тамга*, *ям*, *ярлык* и т.д.;

2) *иноязычные вкрапления тюркского происхождения*, к которым относятся слова, не усвоенные русским языком в силу специфики самого какого-либо памятника, а также отсутствия необходимых экстралингвистических и собственно лингвистических причин. Например, *абаб*, *бурметь*, *емшанъ*, *есырь* и т.д.

Как утверждает И.Г. Добродомов: «Для установления времени заимствования того или иного тюркского слова славянами необходимо учесть географию распространения такого слова в славянских языках, а также его историю внутри каждого славянского языка. Таким образом, можно будет выделить среди тюркизмов общеславянского распространения: 1) слова, заимствованные еще в праславянский период (*кънига*, *тъмачь*, *тъякъ*, *печать*), 2) слова, которые проникли к славянам в период распада праславянского

⁴¹⁹ Махмутова А.С. Лексика тюркского происхождения в древнерусской письменности XIII—XV вв. (на материале ханских ярлыков и современных им памятников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ленинград, 1983. — С. 5.

⁴²⁰ Там же. — С. 6.

шинства (название дрофы и т.д.) и 3) слова, получившие позднее распространение чисто литературным путем особенно как экзотизмы (*богатырь*)»⁴²¹.

В.П. Синячкин отмечает: «Представим себе носителей тюркских языков, выехавших в Россию ознакомиться с русской культурой. Едва ли они увидят “родимые пятна” в русском языке, тем более — в разговорной, устной речи. О.О. Сулейменов в «Тюрках и доистории» приводит более двух сотен тюркизмов и добавляет к ним *курган* с *ватагой*, воздерживаясь от *кумыса*, не вошедшего в общенациональный русский язык. Мы бы добавили к этому списку еще: *сарафан*, *Карабас*, *тюрбан*, *манкурт*, *тьма*, *казан*, *дул*»⁴²².

Как доказывает Л.П. Крысин, «экзотические слова не только называют реалии, не известные носителям заимствующего языка, — они могут нести в своих значениях указание на определенную специфику культуры данного народа, особенности его обычаев, его менталитета. Употребляясь в другом языке, такое слово, обозначая соответствующее понятие, как бы транслирует кусочек иной культуры, адресуя трансляцию людям, не являющимся носителями этой культуры. Такое указание на культурную специфичность понятия и соответствующего ему слова занимает определенное место в толковании слова — наряду с чисто номинативным (ассертивным) смысловым компонентом, называющим данный объект. От исконных или ранее заимствованных слов языка-реципиента такие экзотизмы отличаются именно этим культурным компонентом, совпадаая в компоненте номинативном (ассертивном)»⁴²³.

Тюркизмы в памятниках письменности могут выступать и в качестве дублета. Однако подобные слова не получают широкого распространения и часто наблюдается их единичное употребление, что

⁴²¹ Добродомов И.Г. Пути проникновения болгарских элементов в славянские языки // Тюркизмы в восточно-славянских языках: сб. — М.: Наука, 1974. — С. 26.

⁴²² Синячкин В.П. Историко-культурный слой тюркизмов в русском быденном сознании // Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия: сб. науч. тр. по материалам Круглого стола. — Астана, 2008. — С. 132—147.

⁴²³ Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — С. 37.

в свою очередь дает повод говорить о так называемых тюркизмах-гапаксах, как, например, в следующей иллюстрации: (1475): И татарове къ намъ кликали: качма, но бѣгайте, — а мы того не слышали ничего, а бежали есмя парусомъ по нашимъ грехомъ (Львов. лет. I, 303).

В данном примере тюркизм качма, что переводится не бѣгайте, остается словом-гапаксом, так как встречается только в различных списках «Хожения за три моря Афанасия Никитина». Таким образом, дублиеты в памятниках русской письменности являются разновидностью гапаксов и лексических вариантов.

По мнению Р.В. Болдырева, «глубина проникновения тюркских лексических элементов в отдельные славянские языки неравномерна и обуславливается различными специфическими факторами, в том числе и экстралингвистическими. Выяснение их — одна из труднейших задач и со славистических, и с тюркологических позиций. Методология этимологических исследований тюркских заимствований в отдельных славянских языках в своей теоретической части все еще очень далека от практики. Примеров тому много»⁴²⁴.

Панорама различных мнений казахстанских исследователей о тюркизмах русского языка представлена в фундаментальном труде «Turco-Slavica: язык, этнос, культура в едином пространстве»⁴²⁵ в параграфе 2 «Тюркизмы в исследованиях казахстанских лингвистов».

Ссылаясь на данную работу, обозначим следующие направления в Казахстане в изучении тюркизмов в лексической системе русского языка и такие векторы лингвистического анализа, как

— лингвостилистика (Х.Х. Махмудов, Д.С. Сагдуллаев, Р.Т. Мендекинова, Г.К. Абдрахман);

⁴²⁴ Болдырев Р.В. Некоторые вопросы историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов украинского языка // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974. — С. 44.

⁴²⁵ Turco-Slavica: язык, этнос, культура в едином пространстве: коллективная монография / отв. ред. проф. Н.Ж. Шаймерденова. — Петропавловск: Полиграфия, 2011.

— современная и историческая лексикография (Е.Н. Шипова, М.Ш. Мусатаева, Л.А. Шеляховская, З.К. Сабитова, Г.Т. Жанкиди-рова, К.С. Скляренко, Д.С. Шантаева, А.Т. Шетиева);

— ономастика (Д.С. Сетаров, Г.Ш. Оразгалиева);

— историческая лексикология и лингвистическое исследование (Х.Х. Махмудов, Н.Ж. Шаймерденова, Н.А. Сандыбаева, Ш.А. Сабитова, М.А. Бурибаева);

— лексикология и словообразование (А.А. Умурзакова, М.Ш. Мусатаева, Л.А. Шеляховская, М.Н. Джумартова, Б.Б. Абилхасимова);

— межкультурная коммуникация и двуязычие (З.К. Сабитова, А.О. Жолдасбек, Б.А. Газдиева, Л.С. Байманова, А.Б. Ибраева).

4.4. Тюркизмы в лексикографических источниках: экспликация и маркированность

Объектом лексикографии, как известно, является лексика, которая требует строгой упорядоченности, потому выражается во вхождении любого слова в некий понятийный ряд, лексико-семантическую или тематическую группу. Л.А. Введенская отмечает многозначность термина лексикография и классифицирует ее на: 1) науку о составлении словарей; 2) процесс составления словарей как описания лексики данного языка; 3) совокупность словарей⁴²⁶.

В силу того, что одной из ключевых проблем лексикографии по-прежнему остается проблема раскрытия семантики лексем, любой дополнительный материал, позволяющий уточнить семантику, представляет собой важный источник для теории и практики составления лексикографических трудов. Во многих работах отечественных и зарубежных лингвистов, например, в работах П.Н. Денисова, Д.И. Арбатского, Г.А. Богатовой и других рассматриваются основные подходы к анализу и описанию лексикографических дефиниций, излагаются общетеоретические основы лексикографии.

⁴²⁶ Введенская Л.А. Русская лексикография: учеб. пособие. — М.; Ростов н/Д.: МарТ, 2007. — С. 8.

Самые первые попытки упорядочить лексику и наглядно представить результат в некоем подобии словаря приводили к построению рядов слов, объединенных единой идеей или темой. Одним из первых составителей идеографических словарей был греческий грамматик Аристофан Византийский (ум. 180 г. до н.э.), а уже во II в. н.э. Юлием Поллуксом (Полидевк) на материале греческого языка создается «Ономастикон», состоящий из 10 книг и представляющий собой тематические мини-трактаты, построенные на основе оригинальной классификации, принципы которой заслуживают осмысления⁴²⁷.

В истории лексикографии выделяются следующие наиболее ранние направления древней лексикографии: 1) словари-ономастиконы, 2) словари символики (приточники), 3) словари славяно-русские, 4) словари-разговорники, которые складываются в период XIII—XIV вв.⁴²⁸.

«Прежде чем прийти к отправной точке современной идеографической лексикографии — словарям П.М. Роже и П. Буассьера, — как отмечает М.И. Чернышева, — человечество проделало долгий путь, который продолжается и поныне. Одним из его этапных моментов следует считать итоговую работу Р. Халлига и В. фон Варбурга «Система понятий как основа лексикографии»⁴²⁹. В древнерусской лексикографии первые опыты подобного рода проведены в виде словарей-разговорников, в частности, известный словарь «Речь тонкословия греческого», составленный примерно в середине XV в.⁴³⁰

М.И. Чернышева указывает на то, что в России особенно значит своими оригинальными лексикографическими опусами XVIII в. Варианты тематических классификаций разнообразны: это

⁴²⁷ Чернышева М.И. Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Сб. науч. тр. «И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование». — Рязань, 2002. — С. 135.

⁴²⁸ Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л.: Наука, 1975. — С. 7.

⁴²⁹ Чернышева М.И. Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Сб. науч. тр. «И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование». — Рязань, 2002. — С. 135.

⁴³⁰ Там же.

и «тематические лексиконы» к грамматике какого-либо европейского языка, это и тематические «реестры», это и терминологические подборки⁴³¹.

Принципы составления идеографических словарей, их типы, перспективы развития идеографии подробно изложены в книге В.В. Морковкина «Идеографические словари» (1970 г.), поэтому здесь приведем только лексикографическую дефиницию термина «Идеографические словари» — это «лингвистические словари, в которых лексический состав языка представлен в виде систематизированных групп слов, в той или иной степени близких в смысловом отношении». В зависимости от общих методологических принципов систематизации материала и решаемых задач различают следующие типы идеографических словарей: *идеологические, аналогические (ассоциативные), тематические и картинные*⁴³².

Важно отметить, что анализ по тематическим группам оказался наиболее эффективным способом исследования тюркизмов в лексическом фонде русского языка. Он позволяет выявить связи между словами и обозначаемыми ими реалиями, выяснить роль и место определенного круга лексики в лексико-семантической системе языка. В связи с этим необходимо назвать труды Р.Г. Гатаулиной, А.С. Махмутовой, А.Г. Сагитовой, Р.А. Юналеевой и др.

В казахстанской лексикографии в качестве удачного опыта составления идеографических словарей можно отметить труды М.Ш. Мусатаевой и Л.А. Шеляховской. В частности, созданные ими словари — «Словообразовательный словарь тематических групп тюркизмов в русском языке», «Идеографический словарь тюркизмов в русском языке»⁴³³ — являются ценными источниками при изучении тюркизмов. Последний же словарь ориентирует на переход от смысла к выражающим его словам, данный словарь построен на принципах выделения системных единиц на материале

⁴³¹ Там же. — С. 136.

⁴³² Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. — С. 144.

⁴³³ Мусатаева М.Ш., Шеляховская Л.А. Идеографический словарь тюркизмов в русском языке. — Алматы, 2006.

23 тематических групп, в пределах которых обозначены микросемантические группы и даны толкования тюркизмов».

Вопросы, касающиеся лексикографического оформления слов в памятниках русской письменности, «возможности воссоздания истории слова в словарях исторического цикла и конкретные формы решений в Словаре русского языка XI—XVII вв.»⁴³⁴ отражены в многочисленных научных трудах. Вариативность тюркских лексем в памятниках письменности вызывает постановку закономерного вопроса, касающегося лексикографической маркированности вариантов слов и способа их подачи в словарном контексте.

Невозможно искусственно избавиться от вариативности и отразить в словарях лишь один из способов выражения определенного понятия (содержания), обходя другой. «Работа переводчиков, справщиков, копиистов, отраженная и закреплённая в азбучниках, предназначалась уже не только для читателей рукописных книг, а приобретала профессиональный смысл, как подчеркивает Л.С. Ковтун: «Варианты приводились для того, чтобы показать, ... из каких материалов был сделан выбор. Тем самым давалось обоснование этого выбора, но вместе с тем предоставлялась возможность пересмотреть его, уточнить при переписке или новом переводе достигнутый результат»⁴³⁵.

Словарь русского языка XI—XVII вв., — как определяет Л.А. Введенская, — по способу раскрытия семантики относится к толково-переводным, так как значение древнерусских слов объясняется или переводится средствами современного русского языка⁴³⁶. Перед лексикографами, работающими над данным историческим словарем, возникают вопросы, связанные со способами подачи слов в словаре и выборе заголовочной формы

⁴³⁴ Богатова Н.Г. История слова как объект русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 2.

⁴³⁵ Ковтун Л.С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. — Л., 1977. — С. 8; Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии / отв. ред. Д.Н. Шмелев. — 2-е изд., доп. — М.: ЛКИ, 2008. — С. 36.

⁴³⁶ Введенская Л.А. Русская лексикография: учеб. пособие. — М.; Ростов н/Д.: МарТ, 2007. — С. 41.

слова словарной статьи при множестве вариантов написаний заимствованных слов в текстах XI—XVII вв. Считая, что в настоящее время вполне возможно на основе материала Словаря русского языка XI—XVII вв. создание исторического тематического словаря, М.И. Чернышева отмечает проблемы, возникающие в связи с широкой вариативностью лексических единиц. Так, по ее мнению, в процессе исследования обнаруживаются специфические проблемы, которые должны решаться по мере разработки тематического исторического словаря. Это графическая, фонетическая и морфологическая вариантность лексики, например, слова *саадакъ*: *саайдакъ*, *саандакъ*, *савдакъ*, *сагадакъ*, *сагайдакъ*, *садакъ*, *сайдакъ*, *сандакъ* со своими группами производных слов⁴³⁷.

Как поясняет Г.Я. Романова, при решении проблемы включения тюркизмов в Словарь русского языка XI—XVII вв. лексикографы опираются на три фактора: «источник и время заимствования, а также особенности функционирования заимствованного слова в языке»⁴³⁸.

Иллюстративный материал, представленный в словарных статьях заглавными словами, которыми являются тюркизмы в Словаре русского языка XI—XVII вв., можно разделить на два типа: к первому относятся контексты, в которых содержатся пояснения анализируемого слова и подобраны русские соответствия, ко второму — контексты, в которых представлен сам факт наличия анализируемого слова в каком-либо памятнике. Например:

Изюмъ. 1. Виноград. *Лозия же виноградъ есть, изъ него же ягоды виноточны, глаголемы по татарски изюмы, а по писанию гроздье* (М. Гр. неизд. III, 96. XVI в.) 2. Изюм. *Куплено ...пуд изюму* (Кн. Ивер. м. I, 50 об. 1666 г.).

По свидетельству Г.А. Богатовой, близковариантные написания объединяются в случаях, когда два слова имеют контекстно близ-

⁴³⁷ Чернышева М.И. Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Сб. науч. тр. «И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование». — Рязань, 2002. — С. 137.

⁴³⁸ Романова Г.Я. Иноязычная лексика в историческом словаре (на материале тюркских заимствований) // Теория и практика русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 132.

кие иллюстрации⁴³⁹. Следует отметить, что здесь не учтена многозначность одного из слов. Например, можно отметить следующую подачу слова *күлдакъ* с пометами в историческом словаре:

Күлдакъ. Залив. И толмачи, и кречатники подводы наймовали отъ Тарковъ до Аксальскаго күлдака на семьдесятъ верстъ (Перс. д., 570. 1621 г.) — Ср. *күлтүкъ*.

Култукъ. 1. *Залив, рукав* (ср. тюрк. *qoltuk*). Отъ Тарковъ де Оксайской күлтүкъ селдесятъ верстъ. Посольство Барятинскаго, 488. 1619 г. Күлтүкъ называютъ самый край узкой Байкалскаго моря. Спафарий. Сибирь, 120. 1675 г. 2. *Мыс.* Первое де [место для города] противъ Роздорнаго острова, на другой сторонѣ рѣки Дону... на матеромъ берегу... А вошло де то мѣсто күлтүкомъ, а мѣсто де высоко... и городу де въ томъ мѣстѣ быть мочно. Дон. д. III, 796. 1648 г. — Ср. *күлдакъ*.

Как видно из приведенных примеров, в словарных статьях имеются отсылочные пометы как «ср.». В Словаре подобные пометы к тюркизмам встречаются в большом количестве. Приведем другие примеры с пометой «Ср.»:

а) *Бекъ (бегъ).* Титул высших чиновников, а также дворян — помещиков у тюркских народов. И Бүлатъбѣгъ послалъ... къ ширваннѣбѣгъ: что сѣдно русское разбило подъ Тархи (Х. Афан. Никит., 12. XV—XVI вв. ~ 1472 г.); А были де они съ вратомъ вмѣстѣ въ Книну въ полону года съ три, по руски у боярина, а по түрски бекъ (ДАИ X, 142. 1682 г.) — Ср. *бекечь*.

б) *Визирь (везирь, вязирь).* Визирь. Арсений ходилъ къ Шавкалу, и вшедъ въ палату... хотѣлъ сѣсти пониже иныхъ, и онъ велѣлъ выше всѣхъ подъ визиремъ (Аре. Сух. Проскинитарий. 117. 1653 г.). Вѣдомо великому государю ихъ Ибрагимъ Сүлтанову величеству и ему вольшому везиру Азземъ Мүстафѣ пашѣ и всѣмъ пашамъ самимъ подлинно, что донские казаки издавна воры, зѣѣжали отъ смертныя казни (Нак. Милосл.,

⁴³⁹ Богатова Н.Г. История слова как объект русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 123.

38. 1643 г.). Убито тѣрковъ 10.000 или 12.000, межъ которыми великой вязирь и янычарской ага (Петр, I, 197. 1697 г.). — Ср. возырь.

В Словаре русского языка XI—XVII вв., кроме указанной выше пометы, встречаются также иллюстративные материалы, включающие слова с пометами [вар.] или [по вар.], например, тюркизм **киндякъ**, который имеет варианты **кондикъ**, **кандакъ** (**канъдакъ**), **киндядь**, **киндяки** в следующем фрагменте из «Хождения за три моря Афанасия Никитина» отражается с пометой: **Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а товаръ в нем все дѣлают алачи, да пестреды, да киндяки** [по вар.] **да чинят краску нил** (Х. Афан. Никит., 42. XVI в. ~ 1472 г.). Такая помета в Словаре возникла из-за существования слова **киндякъ** в различных списках «Хождения...» в нескольких вариантах: **А брати ему дворовая пошлина... съ бархатѹ со всякого, доброго и съ хѹдного по полѹденгѣ, а съ зѹфи съ мѹхоярѹ по полѹденгѣ, а съ косяка полденги жѣ, а съ двѹ кондиковѹ полденги жѣ** (СГГД П, 89. 1586 г.). **А с ним [татаринѹ] принесли... женскую татарскую кѹлтю, что жонки татарки носят на головѣ, покрыта чорным киндяком** (Астрах. а., № 2869, сст. 37. 1654).

Приведем другие примеры с пометой [вар.] в Словаре русского языка XI—XVII вв.: **Князи и ѹланы, и мирзы** [вар.: **мырзы, мѹрзы**] и **ички** (Кн. Степ., 641. XVI—XVII в. ~ 1560 гг.). **А на подолѣ идѹчи во градѣ Иерѹсалимѣ была церковь греческаа, а нынѣ Брацинский мизгитѣ** [вар. **мизгитѣ**] (Ник. Лет. XI, 107).

Таким образом, пометы [вар.], [по вар.] свидетельствуют о наличии у лексемы вариантов в других списках данного памятника или же вообще в памятниках различных жанров указанного периода.

В словарных статьях Словаря русского языка XI—XVII вв. предпринята попытка отразить все орфографические колебания в написании тюркизмов. Так, в заглавии словарной статьи может быть представлено несколько вариантов написания. Например, тюркизм **атаман** зафиксирован в памятниках XIII в. в оппозиции

ВАТАМАНЪ, который постепенно вытеснен словом **АТАМАНЪ** и вариантами в виде **АТОМАНЪ**, **ОТОМАНЪ**. С XVI в. форма **АТАМАНЪ** становится господствующей в русских памятниках⁴⁴⁰. Однако в историческом словаре имеются две разные статьи на слова **ВАТАМАНЪ** с его производными и **АТАМАНЪ**. В заголовочное слово словарной статьи в СлРЯ XI—XVII вв. попадает форма **АТАМАН**, а ее варианты представлены в скобках.

Такую закономерность можно показать также на примере следующего слова: *аталыкъ (атолыкъ). Сановник, визирь. Янгүрчѣй мұрза отъ себя послааъ съ ними ко отцѣ своему атолыка своего Ёлтонайка Бекүнбетева* (Дон. д. II, 17. 1640 г.); *А бояр де называют они аталыками, служилых людей ұзбеками* (Гр. Хив. Бух., 266. 1695 г.).

При выборе лексических вариантов из СлРЯ XI—XVII вв. важно не только само слово и его определение, а все содержание контекста. И.И. Макеева в своих исследованиях в качестве замечания к создателям Словаря русского языка XI—XVII вв. отмечает, что в данном источнике было бы лучше дать в алфавитном порядке слово, а в скобках все имеющиеся его варианты, так как в этих многотомных лексикографических изданиях слова и их варианты по алфавиту удалены друг от друга, варианты же имеют отсылочное определение типа «То же, что...». Проведенное исследование подтверждает наблюдения И.И. Макеевой, так как при работе со Словарем были выявлены случаи подачи вариантов тюркизмов, которые оказались в разных томах.

Г.А. Богатова указывает на то, что «формирование заголовочной строки, в частности выбор заголовочной формы слова, при такой вариативности представляет собой актуальную и острейшую проблему для исторической лексикографии», в чем «нетрудно убедиться, ознакомившись с теми аргументами и обоснованиями, которые лежат в основе лексикографических решений, предлагаемых словарями, проектами, инструкциями последнего времени»⁴⁴¹.

⁴⁴⁰ Романова Г.Я. Иноязычная лексика в историческом словаре (на материале тюркских заимствований) // Теория и практика русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 126.

⁴⁴¹ Богатова Н.Г. История слова как объект русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 128.

Фактический материал показывает, что тюркизмы как объект описания русской исторической лексикографии вызывают «немалые проблемы» в создании словарных статей и каждого выпуска словаря. Однако не менее проблематичным оказывается решение вопроса об этимологии тюркизмов, функционирующих в русском языке как древнего периода, так и современного, поэтому представляется правомерным затронуть вопрос о лексикографических источниках, посвященных этимологии тюркизмов.

Создание словарей этимологического типа вызывает большие трудности, о которых пишет А.Е. Аникин, один из членов Группы этимологического словаря Института русского языка им. В.В. Виноградова. Он отмечает, что «...весьма остро ощущается отсутствие этимологического словаря, в котором русская лексика была бы с достаточной полнотой проанализирована на основе новейших достижений этимологии и всей исторической лингвистики во второй половине XX в.»⁴⁴². По мнению ученых, из-за отсутствия нового этимологического словаря русистика и славистика заметно отстали от ряда других направлений, например, от диалектологии. По поводу отсутствия словаря тюркизмов в русском языке А.Е. Аникин утверждает, что насущной задачей русской этимологии является создание нового словаря, близкого по теме к явно недостаточному «Словарю тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой. «В новый словарь этого рода могли бы войти не только тюркизмы, но и другие пласты лексики ориентального происхождения»⁴⁴³.

В настоящее время ценными источниками для выявления этимологии тюркизмов являются «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера и «Словарь тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой. Анализ таких словарей, как «Этимологический словарь русского языка» А.Г. Преображенского, «Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского (и других соавторов), «Этимологический словарь русского языка» Г.П. Цыганенко, «Историко-этимологический словарь русского языка» П.Я. Черных показывает, что из большого количества существующих в русском языке тюркизмов в них отражено лишь ограниченное число. Од-

⁴⁴² Новое в русской этимологии. — М., 2003. — Ч. 1. — С. 3.

⁴⁴³ Там же. — С. 4.

нако их ценность и важная роль в исследовании русского языка бесспорны. По этому поводу Л.А. Введенская утверждает: «Этимологические словари — особые и отличаются не только целями, задачами, не только словником. Ни об одном из лингвистических словарей нельзя сказать, что в него вложен труд нескольких десятков, сотен ученых. В этимологических словарях почти каждая статья — результат мучительных поисков, догадок, озарений, итог нередко многолетней, кропотливой исследовательской работы многих этимологов»⁴⁴⁴.

Необходимость анализа и переработка существующих словарей назрела давно, а если бы лексикографы включили туда иллюстративные материалы с тюркизмами в памятниках русской письменности, то «намного» повысили бы значимость лексикографических источников, несмотря на то, что «предпринятые в “послефасмеровское” время усилия принесли ощутимые результаты (словарь МГУ под ред. Н.М. Шанского; словарь П.Я. Черных; многочисленные дополнения О.Н. Трубачева к двум изданиям перевода словаря Фасмера и др.), которые, однако, отнюдь не исчерпывают потребности в новом русском этимологическом словаре»⁴⁴⁵.

Г.Х. Гилязетдинова о необходимости создания новых этимологических словарей тюркизмов в русском языке пишет: «Нередко материалы памятников позволяют уточнить лексикографические данные относительно первой фиксации слова. Необходимо отметить, что документированная хронология, хронология по фиксации — важный показатель при характеристике заимствования, так как установление фактов употребления слова в ранних памятниках письменности предоставляет новые материалы изучения его функционирования в языке-реципиенте (см.: [К.Р. Галиуллин 1991]). Так, в Словаре русского языка XI—XVII вв. не зафиксированы некоторые восточные заимствования и производные от них, выявленные нами в исследуемых источниках XV—XVII вв. Это такие лексемы, как *арбузец* (Переп. Безобразова, 94. XVII в.); *азифь* ‘знаток, чтец Корана’ (Каз. ист., 149. XVI в.); *воруха* ‘раз-

⁴⁴⁴ Введенская Л.А. Русская лексикография: учеб. пособие. — М.: Рос-
тов н/Д.: МарТ, 2007. — С. 113.

⁴⁴⁵ Новое в русской этимологии. — М., 2003. Ч. 1. — С. 3.

вратная женщина' (Ав. Кн. толк., 461. 1677 г.); *инчи* 'скатный жемчуг' (Х. Афан. Никит., 22. 1466—1472 гг.); *дугень* 'лавка, торговые ряды' (Аз. пов., 55. 1673 г.); *киса* 'сумка, мешок, котомка' (Росп. прид., 125. XVII в.); *курбан* 'жертва' (Х. Тр. Короб., 99. 1593—1594 гг.); *лальный* 'украшенный лалами (драгоценными камнями)' (Пов. ц. Динары, 91. XV—XVI вв.); *мечетный* (Каз. ист., 157. XVI в.); *натесемничек*, уменьш. к *натесемник* 'деталь пояса' (Оп. им. Ив. Гр., 37. 1582—1583 гг.) и др.»⁴⁴⁶.

По мнению И.Г. Добродомова, первый из известных опытов сопоставления русских слов со словами восточных языков относится к 1769 г. Он отмечает: «Вопрос о тюркско-русских языковых связях интересовал многих исследователей в течение всего XIX в. В 1812 г. Общество любителей российской словесности при Московском университете выдвинуло конкурсную тему исследования о влиянии других языков на русский, где должен был исследоваться и вопрос о вкладе “татарского языка” (то есть тюркских языках вообще) в русский словарь. Но такое исследование осталось невыполненным. Вопрос о словах, заимствованных русским языком из различных тюркских языков, ставился лишь на ограниченном материале»⁴⁴⁷.

Слабые стороны русского словаря, как отмечает И.Г. Добродомов, объясняются недостаточной исследованностью тюркских языков в XIX в.: «Это произошло потому, что полемисты почти не обращались к памятникам древнерусской письменности»⁴⁴⁸. По нашим наблюдениям, значительное число слов преимущественно восточного происхождения, включенных в Словарь русского языка XI—XVII вв., не нашли отражения в этимологических словарях.

Например, это такие слова, как *алатырь* (с вариантами *латырь*, *латарь*, *алатырь-камень*, *отлатеръ*), *канычей* (с вариантом *капычи-баша*), *заргүчей* (с вариантом *джаргүчи*), *сафрачей*,

⁴⁴⁶ Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011. — С. 16—17.

⁴⁴⁷ Добродомов И.Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. — М., 1967. — С. 364—374.

⁴⁴⁸ Там же.

сѣвтенъга (с вариантом сѣфтенъга), семендя (с вариантами семендѣй, семендѣ) и мн. др.

Необходимость включения подобных слов в лексикографические издания этимологического типа обусловлено тем, что в Словаре русского языка XI—XVII вв. дается их толкование, свидетельствующее о периоде вхождения того или иного слова в русский язык. Например, так обстоит дело со словом *заргучей*:

Заргучей. *Чиновник, исполняющий обязанности письмоводителя, секретаря (в Китае). И ꙗ того Тархана-лавы лежалъ товарищъ Асканьяминъ, приѣдучи изъ царства недоѣзжая до Науну заболѣлъ, а товарищъ ево заргучей, по нашему дьякъ (Спафарий. Китай, 206. 1678 г.);*

А налогъ от заргучеевъ въ пути до царства и назадъ изъ царства не было (ДАИ X, 294. 1698 г.).

В монографии Н.Ж. Шаймерденовой⁴⁴⁹ приводится маргинальная глосса, которая дана к слову *заргучей* в Дополнениях к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией: *Джаргучи, — и есть слово мунгальское, которое значитъ судню, но которыя такого жъ достоинства, какъ ꙗ насъ секретари (ДАИ X, 278. 1700).* Как видим, здесь слово *заргучей* объясняется как слово из монгольского языка, возможно оказавшееся в русском языке посредством тюркских языков.

Другой пример: слово *капычѣй*, представленное в СлРЯ XI—XVII вв. в виде *копычѣи* и *капычи-баша*, означает «должностное лицо в охране шаха» и фиксируется в следующих иллюстрациях:

Въ воротехъ царевы капычѣи ... и копычѣи тотчасъ ворота отворили и велѣли ити на дворъ (Посольство Васильчикова, 47. 1584 г.);

А съ нимъ русским послом приставъ шаховъ копычѣй, что стоитъ ꙗ крюка (Посольство Васильчикова, 47. 1584 г.);

⁴⁴⁹ Шаймерденова Н.Ж. Глоссы как феномен текста. — Алматы: Борки, 1997. — С. 65.

Когда ѣздили капычи баша и кадин и взяли то все у грековъ (Петр, I, 428. 1701 г.).

Невыявлена и история возникновения слова «сафрачей», которое в Словаре русского языка XI—XVII вв. толкуется, как ‘придворный чин в средневековой Грузии (ср. тур. софраджды «слуга, накрывающий стол»): Присылал царь Александр дүховника своего митрополита Захарья да дүмнова своего дьяка Пешенгү, а с ними Теймураза царя сафрачей (Посольство Толочанова, 54. 1651 г.).

В числе иллюстративных материалов Картотеки древнерусского словаря и Словаря русского языка XI—XVII вв. обнаружено более 100 слов с невыявленной этимологией, отсутствующих в авторитетных лексикографических изданиях. Между тем ближайшее рассмотрение и историко-этимологическое разыскание этих слов позволяет выявить их тюркское происхождение. Например, в энциклопедическом словаре «Славянский мир: I—XVI века» встречается слово *алатырь* с вариантами *латырь*, *алатырь-камень*, который в русских средневековых легендах обозначает ‘камень с чудесными и целебными свойствами’. «Всем камням отец», лежащий в море, — отмечается в данном словаре⁴⁵⁰. Слово *алатырь* встречается в «Сборнике заговоров», списке 2-й четверти XVII в. в виде вариантов *отлатеръ* и *латарь*.

В Словаре русского языка XI—XVII вв. слово *отлатеръ* толкуется как «*алатырь, загадочный камень, лежащий на дне моря, обладающий чудодейственными свойствами (упоминается в сказках, заговорах); янтарь (?)*: *В томъ море окяне лежыт каменъ<ь> отлатер* (Заговоры Олон., 482. XVII в.).

В то время как слово *латарь* в указанном словаре представлено в следующей трактовке и контексте: «*Латарь*. Камень латарь — (?). *Есть средъ моря окяна бѣлъ каменъ<ь> латаръ<ь>* (Заговоры Олон., 503. XVII в.).

В указанном словаре отмечается, что название «алатырь» вероятно «восходит к древнему наименованию Балтийского

⁴⁵⁰ Гладкий В.Д. Славянский мир: I—XVI века: энциклопедический словарь. — М.: Центрполиграф, 2001.

моря — Алатырское море». Сравнивая данное слово по аналогии с тюркскими словами, как *алафа*, *алачуга*, *алмаз*, *алтабас* и т.д. можно допустить происхождение слова *алатырь* из тюркских языков.

Интересен по своему толкованию следующий пример: слово *севтенъга* с фонематическим вариантом *сефтенъга*, обозначающее, согласно Словарю русского языка XI—XVII вв., ‘название восточной ткани’:

Генваря в 4 д. явил нижегородец Иван Костянтинов сын Бвешников по нижегородцкой выписи пол пята юфти покрышек бумажных, 11 кисей средних, 42 камханы, 12 севтенгей, 2 выбойки тевриских (Там. Кн. Моск. I, 64. 1694 г.);

Пять сефтенегъ плохихъ (АИ V, 421. 1694 г.).

Данная лексема также не нашла отражения в этимологических словарях, между тем оно широко употребляется в памятниках XVII в.

Не установлена этимология слова *семендя*, варьирующееся как *семендай* и *семендь*, и употребляющееся в памятниках письменности с тюркизмом *зендень*. Авторы Словаря сравнивают это слово с персидским *sebendi*, *semendi* — ‘тройной’ и толкуют его, как ‘зендень семендь — название грубой хлопчатобумажной (или шелковой) ткани’. Например:

Имали, государь, у меня [посла] зендени чары и семенди всяким цветом и черленые зендени (Гр. Хив. Бух., 104. 1589 г.);

На кафтанъ зендень лазоревка семендя (Кн. прих.-расх. Каз. пр., 288. 1614 г.); Явил товару: шелку 52 ансыря да 107 зенденен семендяи, 2 сафьяна (Там. кн. I, 171. 1636 г.).

Невыявлена этимология слова *сармыкакүлъ*, обозначающего ‘драгоценный камень — красный гранат; карбункул’, хотя по внешнему облику оно похоже на тюркское. Слово встречается в «Сказании об Индейском царстве», памятнике XIII—XIV вв., дошедшем в списках XV в.:

**А всѣмъ есть каменѣмъ драгимъ каменемъ сармыкакѹлъ,
в нощи же светить аки огнь горить** (Сказ. Инд. Царстве, 72.
XV в. ~ XIII—XIV вв.).

Большинство тюркизмов вошло в русский язык в XV и XVI в. Также немаловажную роль в истории русского языка сыграли XVI и XVII в., поскольку именно в этот период происходят значительные изменения в словарном составе языка: наблюдается пополнение лексики большим количеством иноязычных слов, сдвиг в значениях слов и т.д. До настоящего времени нет точных данных о количестве тюркизмов в русском языке, вошедших в период с XI по XVII в., поэтому, как справедливо пишет А. Жаримбетов: «Слова, сопровождаемые в этимологических словарях русского языка пометой “неясно”, при ближайшем рассмотрении нередко оказываются заимствованными из тюркских или из восточных языков через тюркские»⁴⁵¹.

По утверждению И.Г. Добродомова, «как некритичное отношение к материалу, так и вольное с ним обращение являются негативными факторами в лексикографии. Если и дальше «испорченный телефон» лексикографической преемственности будет работать с такой же интенсивностью, то в скором времени читатель из словарей редких слов не сможет узнать ничего заслуживающего доверия»⁴⁵².

Как известно, на рубеже XX—XXI вв. ведущим принципом лингвистических исследований стал антропоцентризм, центр внимания которого переместился с языка на человека — его создателя и носителя. В связи с этим в современной лингвистике наметился новый — антропоцентрический подход к изучению языковых явлений: исследователи изучают феномен языковой личности и языковой картины мира как суммы знаний о мире, содержащейся в естественном человеческом языке. «Результаты этих исследова-

⁴⁵¹ Жаримбетов А. Тюркизмы в русских названиях растений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1976. — С. 23.

⁴⁵² Добродомов И.Г. Историко-этимологические каламбуры и филологическая достоверность лексико-фразеологического материала // ВЯ. — 2009. — № 4. — С. 104.

ний должны найти отражение в словарях, поскольку отражение лексики любого национального языка нельзя считать полным без освещения когнитивной базы этого народа и средств ее выражения в языке. Для реализации данной задачи необходимо выйти за пределы формально-логического описания, ибо понимание лексики как материализации национального видения мира предполагает нечто большее, чем то, что поддается логическому исчислению и кодификации»⁴⁵³.

Антропоцентризм является главным исследовательским вектором в лингвокультурологии, лингвофилософии, когнитивной лингвистике и др. науках.

В русле антропоцентрической парадигмы современными казахстанскими учеными (М.Ш. Мусатаева, З.К. Сабитова, Г.Т. Жанкидирова, К.С. Складенко, Д.С. Шантаева, А.Т. Шетиева) предпринята попытка создания комплексного «Синергетического словаря тюркизмов в русском языке» и «Словаря евразийской лингвокультуры». Так, исследователи отмечают: «Комплексное исследование судьбы тюркизмов в русском языке включает историко-этимологический, историко-лексикологический и лингвокультурологический анализ. Обращение к прошлому с проекцией на настоящее позволит выявить семантическое движение тюркизмов как конкретно-исторических феноменов, как членов исторически обусловленных лексических систем, как слов-вещей, как лингвокультурологических феноменов»⁴⁵⁴.

Если синергетический словарь направлен на описание тюркизмов с привлечением этимологического материала, «позволяющего судить об энергетическом наполнении слова “по пути следования” из Я-1 в Я-2 или из Я-1 через Я-посредник в Я-2»⁴⁵⁵, то следующий словарь посвящен лингвокультурологическому аспекту описания тюркизмов. Авторы уточняют: «Мы предприняли попытку создания “Словаря евразийской лингвокультуры”, в который включены

⁴⁵³ Мусатаева М.Ш., Сабитова З.К. Теоретические основы составления синергетического словаря тюркизмов в русском языке // Мат-лы междунар. конф. «Ахановские чтения»: Язык—Общество—Время. — Алматы: Казак университеті, 2010. — С. 60.

⁴⁵⁴ Там же. — С. 63—64.

⁴⁵⁵ Там же.

концепты, вербализованные в русском языке Казахстана. Словарь имеет целью описать концепты, выражающие доминанты казахстанской национальной идеи, а также выявить формы и способы взаимодействия языка, культуры, ментальности как составляющих евразийской концептосферы»⁴⁵⁶.

Данный словарь, как отмечают составители, отличается от уже существующих классических словарей тюркизмов в русском языке следующей структурой словарной статьи: 1) Заглавное слово; 2) Лексическое значение слов, вербализующих концепт (по словарям С.И. Ожегова, В.И. Даля, казахским толковым словарям и словарям других тюркских языков, «Словарю тюркизмов русского языка» Е.Н. Шиповой и др.); 3) Энциклопедическая, историко-этимологическая справка; 4) Фразеологизмы, пословицы, загадки, анекдоты; 5. Художественные тексты (на русском языке и переводные); 6) Тексты СМИ (Интернет, газеты, журналы); 7) Функции в дискурсе (операции с концептами (метаконцепт)); 8) Данные ассоциативного эксперимента⁴⁵⁷.

В конце XX в. в России наблюдается активное развитие практической русской лексикографии. За довольно короткое время было создано огромное количество словарей русского языка различных типов, научное и культурное значение которых очень велико.

«Тюркизмы, несмотря на преграды, являются древнейшими заимствованиями в русском языке, они древнее болгаризмов», — так писал Х.Х. Махмудов⁴⁵⁸. Следовательно, лексикографическая работа над тюркскими словами и выявление их вариантов в памятниках русской письменности является важным аспектом в теории языковых контактов, поскольку выявление и изучение тюркизмов в памятниках письменности позволяет дополнить сведения об истории и взаимосвязи тюркских и славянских народов.

⁴⁵⁶ Сабитова З.К., Жанкидирова Г.Т., Скляренко К.С., Шантаева Д.С., Шетинова А.Т. Словарь евразийской лингвокультуры // Мат-лы междунар. конф. «Ахатовские чтения»: Язык—Общество—Время. — Алматы: Казак университеті, 2010. — Т. 2. — С. 82.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Махмудов Х.Х. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи. — Алма-Ата: Наука, 1989.

Следующие мысли и пожелания Л.П. Крысина можно по праву отнести и к тюркизмам в русском языке: «Возможно, и кое-какие из слов-иностранцев, появившихся в последние десятилетия, канут в безвестность, уйдут из нашего языка. Но коль скоро они употребляются сейчас, и порой весьма часто и в разных сферах общения, мы должны знать, что они значат, как соотносятся с близкими по смыслу русскими словами, как надо правильно писать их и произносить, имеют ли они какую-либо стилистическую окраску, образуют ли производные и т.д. Ответы на эти вопросы носитель языка вправе ожидать от составителей современных словарей»⁴⁵⁹.

Таким образом, вариативность тюркизмов широко представлена в Словаре русского языка XI—XVII вв., в котором составители применяют различные способы лексикографической маркированности лексических вариантов: а) в качестве заголовочного слова словарной статьи помещается наиболее закрепившийся (употребительный) в языке вариант, тогда как в скобках может быть приведено несколько вариантов написания; б) в словарную статью помещается один из «нормализованных» вариантов слова, а остальные варианты имеют отсылочные пометы как «то же, что ...»; «см. ...»; «ср. ...»; в) в самом контексте словарной статьи употребляются пометы [вар.] или [по вар.], которые означают, что слово варьируется в различных списках памятника.

⁴⁵⁹ Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — С. 35.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение, считаем, что проведенное исследование, связанное с обобщением научно-исследовательских работ и фактического материала, систематизацией и концептуализацией данных, свидетельствует об основных тенденциях языкового развития, а также об отличии современных исследований по теории языковых контактов, теории вариативности и истории русского языка.

Важная для теории языка проблема тюркско-славянской контактологии, в частности, касающаяся диалога двух параллельных, в то же время исторически перекрещивающихся языков и культур тюрков и славян, представлена в ретроспективе и с учетом данных современной науки.

В результате контактов тюркского и славянского мира их языки обогатились за счет заимствованных слов (шире — иноязычных слов по своему генезису, то есть и полностью адаптированные, что, собственно, следует принимать за заимствованные, и не всегда освоенные русским языком), которые свидетельствуют не только о времени вхождения и ареале распространения того или иного слова в языке, но и об истории развития этносов.

В настоящей монографии впервые на большом диахроническом периоде (рубежа XI — начала XXI вв.) тюркизмы описаны с точки зрения их деривационного потенциала, прагматической направленности, особенностей формирования семантической структуры, интра- и экстралингвистических факторов варьирования, а также лексикографической маркированности.

Подход к решению поставленной проблемы, который можно определить как комплексный, или многоаспектный, на наш взгляд, можно определить в качестве научной новизны настоящей работы. Она также определяется избранным материалом, представляющим собой разнообразные в жанровом отношении памятники письменности XI—XVIII вв., содержащие значительное количество тюркизмов, а также данные всех подкорпусов Национального корпуса русского языка.

Таким образом, анализ исторического пути «тюркского слова» в русском языке в диахронии — от «начала» (условно) письмен-

ной фиксации до современного состояния — позволяет впервые рассмотреть этапы формирования и стабилизации фонетического, морфологического, семантического статуса тюркизмов, определить словообразовательный потенциал заимствований, проследить особенности их освоения на фоне общих закономерностей развития русского языка.

В качестве конкретно наблюдаемого материала в исследовании использована Картотека древнерусского словаря, хранящаяся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Словарь русского языка XI—XVII вв., материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан, в частности Казахско-русские отношения XVI—XIX вв. Для лексикографических источников, в частности, опубликованных выпусков «Словаря русского языка XVI—XVII вв.», использовался прием сплошной выборки в результате чего отобраны тюркизмы и их варианты.

Осмысление важнейшей для теории языка категории нормы и вариативности представлено в *первой главе* монографии, что позволило определить следующее:

- понятие о норме в истории русского языка наполнялось по мере развития лингвистической науки и включает вариативность и деривативную активность лексических единиц. Дефиниция нормы языка применительно к древнему периоду развития русского литературного языка получила в языкознании спорную трактовку: от полного признания до категорического отрицания. Вполне закономерно, что в процессе становления нормы языка языковые единицы сопровождаются варьированием. Описанная вариативность тюркизмов — свидетельство периода становления нормы, поскольку в современном русском языке варианты (в основной массе) утрачены;

- в развитии русского языка понятия «языковая норма» и «варьирование языковых средств» по-разному осмысливались учеными и с этим связано наличие различных трактовок. Теоретическое осмысление важнейших для языкознания категорий, построенных на обобщении данных российской, казахстанской и мировой науки позволило нам представить общую научную картину и сфокусировать все в едином представлении. На протяжении развития русского языкознания проблемы варьирования лексических единиц всегда

оказывались в поле зрения ученых и вызвали огромный интерес. Установлено, что, несмотря на разнообразие мнений относительно языкового варьирования, где представлено множество разнообразных, стихийно сложившихся направлений, отсутствует единство в подходах как к конкретному материалу, так и к его обобщению. В результате критического обзора научной литературы и лингвистических словарей нами уточнены дефиниции термина *вариант*, под которым в исследовании понимается единица языка, существующая в виде множества вариантов, а под *вариативностью* — способность данной единицы к различным видоизменениям;

- наличие вариантов и изучение их конкуренции в языке древне- и среднерусского периода — яркое свидетельство становления нормы русского литературного языка в диахронии. Литературная норма базируется на узусе, но, кроме этого, кодифицируется лексикографическими источниками, справочниками, сводами правил и учебниками. В отношении языка памятников русской письменности норма должна быть обозначена *условно*, поскольку в плане синхронии вариативность может быть нормой существования языка, при которой для говорящих и пишущих создается возможность выбора языковых единиц, а в плане диахронии вариативность — показатель становления литературной нормы, в результате формирования которой мы можем наблюдать элементы отмирающие и элементы зарождающиеся. Наблюдения над «поведением» тюркизмов в русском языке, точнее, их вариантов, получающих различные формы на лексическом, фонематическом, словообразовательном уровнях, позволяют признать то, что вариативность тюркских слов, как и любая вариативность в языке вообще, является в широком смысле слова показателем определенной «модели» на пути становления нормы — нормы «условной» (термин, предложенный нам Ю.Н. Карауловым);

- исходя из вышесказанного, позволим себе заключить, что тюркизмы прежде, чем прочно войти в лексический состав современного русского языка, на протяжении нескольких веков пережили длинный путь в истории языка — *от лексической вариативности к норме*. Точнее, *от глоссирования, вариативности, наконец, к норме*. Таков путь многих тюркских слов в истории русского языка. Исчезновение вариантов слова явилось результатом вытеснения их

более устойчивым вариантом, целесообразным и признанным в качестве нормированного.

Вариативность как закономерный процесс адаптации слова в заимствующем языке рассмотрена во *второй главе*, где мы отметили следующие факторы:

- освоение тюркизмов в памятниках русской письменности характеризуется различной степенью адаптации языковых единиц, которые в результате варьирования все же «выбирают» ту языковую единицу, которая в процессе языкового развития стала наиболее устойчивой, удачно вошла в систему языка и характеризовалась частотностью в текстовом использовании. При этом нами выделены разные уровни формирования семантической структуры тюркизмов в современном русском языке на основе формальной (графемно-фонетической, орфографической, морфологической, словообразовательной) и семантической адаптации. Поливариативность тюркизмов (формальная и семантическая вариативность) обуславливает изучение «поведения» различных вариантов, а также их оформление относительно нормы того времени, которая диктует необходимость выбора оптимальных вариантов;

- значительный корпус тюркских заимствований в исследуемых текстах и лексикографических источниках свидетельствует об активном вхождении тюркизмов в систему русского языка. Зафиксированное в памятниках письменности варьирование тюркизмов свидетельствует о том, что варианты занимают промежуточное положение в языке — «преходящее» и «уходящее». Начальный этап вхождения тюркизмов в русский язык, зафиксированный в письменных источниках XI—XVIII вв., характеризуется активным варьированием языковых единиц (почти) на всех уровнях, которые в результате «стихийного» отбора устанавливают выбор языковой единицы и ее фиксации в источниках. Так, например, к концу XVII и XVIII вв. употребление одного из вариантов тюркизмов становится устойчивым во многих сферах функционирования языка: варианты исчезают, остается одна лексическая единица, которая фиксируется в этимологических и исторических словарях;

- одним из устойчивых адаптирующих факторов является деривативная активность слова в языке-рецепторе, поэтому в рамках исследования оказались вопросы словообразования тюркизмов.

Как правило, производные от тюркских основ обнаруживаются у лексем, имеющих регулярную коммуникативную воспроизводимость (за исключением единичных случаев словообразовательной активности тюркских неологических основ до определенного периода). Уже на ранней стадии функционирования тюркизмов отмечается стремление их к формированию определенных структурно-семантических типов в области производных. Словообразование от заимствованных тюркских основ определило круг наиболее необходимых языку лексических единиц тюркской этимологии, жизнеспособность которых подтвердило время, так как они являются неотъемлемой частью современного русского языка. При этом основными средствами деривации в процессе адаптации тюркизмов в новой языковой среде, как правило, выступают аффиксы русского языка.

Диахронический взгляд на семантическое освоение тюркизмов в русском языке рассмотрен в *третьей главе*, где мы отметили следующее:

- процесс адаптации тюркских слов на современном этапе характеризуется особенностями, которые выявляются при сопоставлении различных текстов. Об этом свидетельствует вводимый в научный оборот наш фактический материал, который подтверждается данными российских исследователей (Г.А. Богатова, Л.С. Ковтун, И.Г. Добродомов, Е.М. Верещагин, М.И. Чернышева, Л.Ю. Астахина, Г.Я. Романова, Р.А. Юналеева) и казахстанских ученых (М.М. Копыленко, Н.И. Гайнуллина, Н.Ж. Шаймерденова и др.). Так, если в предшествующие столетия — с XI по XVIII вв. — тюркизмы в древние тексты вводятся приемом глоссирования и в русском языке проходят стадию вариативности как показатель их успешной адаптации, то в XIX—XXI вв. дальнейшая транскрипция глосс приводит к появлению примечаний и лингвистических комментариев в виде подстрочных ссылок. Подстрочные ссылки довольно часто встречаются в различных художественных произведениях, особенно много их в переводной литературе и в произведениях билингвальных (русско-тюркских) авторов;

- тюркизмы, широко функционирующие в памятниках русской письменности, подвергаются формальной и семантической адаптации. Формальная адаптация способствует созданию поли-

вариативности лексем, семантическая адаптация приводит к сужению vs. расширению исходного значения или его переосмыслению. Формальная вариативность тюркских лексем предполагает тождественность их значений, семантическая (интерпретационная) — тождественность формы. Процесс семантической адаптации тюркизмов в памятниках русской письменности нашел выражение в виде глоссирования исконно русскими средствами. При этом тюркизмы поясняются либо старославянизмами, либо исконно русскими словами (русскими соответствиями, если они есть), иногда гречизмами. Таким образом, на первых порах значение таким лексем семантизируется (это наблюдается на протяжении XI—XVIII вв.), а по мере их адаптации в принимающем языке необходимость в комментариях отпадает (что наблюдается с XVIII в. до XXI в.);

- прагматическая направленность тюркизмов обеспечивается за счет существовавших лакун в лексиконе русского языка, тенденции к вытеснению исконного средства номинации, либо за счет активного стремления вступить в синонимические отношения идеографического или стилистического характера с уже существующими лексическими средствами русского языка. Наблюдения над семантической адаптацией тюркизмов в русском языке древнего периода с учетом динамики их функционирования в современном русском языке позволяют говорить о лексико-семантическом смещении значения тюркизмов, что приводит к формированию у них в современном русском языке нового лексического значения;

- основная масса тюркских слов, встретившихся в памятниках русской письменности, уже к XVII в. обнаружила тенденцию к прочному вхождению в русский язык, что в дальнейшем подтвердилось диахронически, в том числе и на материале Национального корпуса русского языка;

- в начале XX в. процесс заимствования в русский язык из тюркских заметно утихает, а на первый план выступают такие факторы, как языковая политика развития русского языка и национальных языков СССР, изменение геополитической ситуации после его распада и с созданием Содружества независимых государств. В национальных языках стал целенаправленно формироваться общий словарный фонд, основу которого составляла интернациональная лексика греко-латинского, арабского, итальянского и другого про-

исхождения (так называемые *советизмы*), а также слова языков народов СССР, обозначающие главным образом культурно-бытовые реалии (например, тюркизмы и казахизмы разного времени);

- с бурным заимствованием англицизмов в русском языке конца XX в. наблюдается проникновение тюркизмов в русский язык через посредство английского языка;

- можно отметить, что до XIX в. наблюдается вхождение тюркизмов в русский язык, при этом под тюркизмами подразумевается вся лексика, которая заимствуется из восточных языков (здесь имеются в виду слова из языков Центральной, Средней, Восточной Азии, Ирана, Персии, арабских языков и др.), то в XX в. приходят слова, заимствуемые из языков бывшего Советского Союза, а после этого — из языков титульных наций СНГ. Это лексика, терминологически заканчивающаяся на *-изм* и пришедшая на смену тюркизмам.

В *четвертой главе* описаны интралингвистические и экстралингвистические факторы заимствования тюркизмов, свидетельствующих об активных культурных, политических, языковых взаимоотношениях тюрков и славян. Они проявляются в результате анализа типологических особенностей контактирующих языков, в частности тюркских и славянских. Также в данной главе обозначены следующие моменты:

- лексикографирование тюркизмов в русском языке с его древнейшего периода до современного состояния свидетельствует об активном функционировании их в русском языке и потенциальных возможностях данных языковых единиц в прочном усвоении и вхождении в систему другого языка. Анализ исторических словарей русского языка показал, что фиксация тюркизмов в них находит неоднозначное отражение. Наличие варьирующегося ряда тюркизмов приводит к проблеме выбора заголовочного слова словарной статьи. Процесс развития языка непрерывен и при исследовании вариантов в диахронии возникает закономерный вопрос: почему из нескольких вариантов в языке остается именно *тот или иной* вариант, и почему именно данное слово попадает в исторические словари. Наиболее общей чертой «выживающего» в языке того или иного варианта является «живучесть» данного варианта, наибольшая частота его употребления, период фиксации и время происхождения памятника;

- в работе отмечены способы оформления вариантов в Словаре русского языка XI—XVII вв. Данная часть исследования содержит один из важных вопросов лексикографии, касающихся способов маркировки тюркизмов и их различных вариантов в историческом словаре. Можно отметить, что вариативность тюркизмов в памятниках русской письменности представлена в лексикографических источниках достаточно широко. Различные пометы свидетельствуют о наличии у лексемы вариантов в других списках данного памятника или же вообще в памятниках различных жанров указанного периода.

Вариативность слова не должна рассматриваться как несовершенство языковой системы, а скорее, наоборот, как реакция на все новое, необычное и как проявление вечного стремления к обновлению языка. Изучение тюркизмов в памятниках русской письменности XI—XVIII вв. и в современном русском языке занимает важное место в разрешении проблемы формирования русского литературного языка и его словаря, а предложенное исследование лексических вариантов тюркизмов может быть использовано при изучении заимствований из других языков и составлении словаря тюркизмов в русском языке.

За пределами настоящей книги остались вопросы вариативности *тюркского онима* в памятниках русской письменности и дальнейшее функционирование имен собственных (всех типов) в современном русском языке. Данный аспект представляется нам весьма актуальным и сложным в лингвистической науке, поэтому вопросы фонетического, морфологического и словообразовательного анализа тюркского онима, сведений культурно-исторического плана, а также способов фиксации онимов в письменных источниках мы наметили в качестве перспектив дальнейших исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Turco-Slavica: язык, этнос, культура в едином пространстве: колл. монография / отв. ред. проф. Н.Ж. Шаймерденова. — Петропавл.: Полиграфия, 2011.
2. Абдрахман Г.К. Стилистические функции тюркизмов в творческом контексте Л. Соловьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 1998.
3. Абилхасимова Б.Б. Казахизмы в русскоязычных газетах Казахстана (II половина XIX и конец XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 2002.
4. Абишева К.М. Социально-языковая контактная деятельность в свете социолингвистической контактологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 2003.
5. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. — Алма-Ата: Наука, 1971.
6. Алексеев А.А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI—XVI вв. // ВЯ. — 1987. — № 2.
7. Аракин В.Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974.
8. Асфандияров И.У. Восточная лексика в русском языке. — Ташкент: Фан, 1991.
9. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957.
10. Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В. К вопросу о «правильности» речи // ВЯ. — 1960. — № 2.
11. Бабаева Е.Э. История русской лингвистической мысли в начале XVIII века и языковая практика петровской эпохи (лингвистическая и редакторская деятельность Ф.П. Поликарпова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1989.

12. Бабенко Н.С., Володарская Э.Ф., Кириленко Е.И. и др. К теории вариантности: современное состояние и некоторые перспективы изучения // Вопросы филологии. — 2000. — № 2(5).
13. Байгунисова Г.И. Основы образной парадигмы в системе языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кокшетау, 2010.
14. Байманова Л.С. Языковая адаптация тюркизмов в немецком языке (на материале художественных текстов и лексикографических источников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кокшетау, 2009.
15. Байманова Л.С. Тюркизмы в лексической системе немецкого языка. — Кокшетау: Изд-во КГУ, 2010.
16. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». — М.: Наука, 1985.
17. Бахтикиреева У.М. Системная типология языков Г.П. Мельникова (в извлечениях) // Мат-лы междунар. конф. «Ахановские чтения»: Язык—Общество—Время. — Алматы: Казак университеті, 2010.
18. Бизаков С. Тілдік норма және варианттылық. — Алматы, 1997.
19. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984.
20. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии / отв. ред. Д.Н. Шмелев. — 2-е изд., доп. — М.: ЛКИ, 2008.
21. Богословская З.М. Явление варьирования слова в системе говора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1984.
22. Болдырев Р.В. Некоторые вопросы историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов украинского языка // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974.
23. Бондаренко А.А. Иноязычные элементы в русском языке как результат межъязыковых взаимодействий (на материале журналов, издающихся на русском языке в странах СЭВ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1989.
24. Брагина М.А., Дронов В.В., Красс Н.А., Синячкин В.П., Тарасов Е.Ф. Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка: учеб. пособие / под науч. ред. В.М. Филиппова. — М.: РУДН, 2008.

25. Букчина Б.З. Орфографические варианты // Литературная норма и варианты. — М.: Наука, 1981.
26. Бурганова Л.С. Тюркизмы в памятниках русской деловой письменности XVII века (грамматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1988.
27. Бурибаева М.А. Лексическая вариативность тюркизмов в памятниках русской письменности XI—XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 2005.
28. Бурибаева М.А. Тюркизмы на страницах древних книг (лексическая вариативность): Монография. — Астана: Сары-арка, 2009.
29. Бурибаева М.А., Шаймерденова Н.Ж. Общение детей дома и в школе в эпоху IT-технологий // Полилингвальное общество в эпоху глобализации: дети, подростки, взрослые: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Ж. Шаймерденова. — Астана, 2011.
30. Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
31. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. — Киев: Вища школа, 1979.
32. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003.
33. Введенская Л.А. Русская лексикография: учеб. пособие. — М.; Ростов н/Д: МарТ, 2007.
34. Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. — М., 1971.
35. Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. — М.: Индрик, 2001.
36. Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005.
37. Веселитский В.В. Из истории отвлеченной лексики XVIII в. (лексическая вариантность и некоторые пути ее сокращения в связи с нормализацией русского национального литературного языка) // Русская историческая лексикология. — М.: Наука, 1968.
38. Виноградов В.В. Великий русский язык. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1945.
39. Виноградов В.В. Вопросы образования русского национального литературного языка // ВЯ. — 1956. — № 1.

40. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Толк, 1994.
41. Виноградов В.В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // ВЯ. — 1968. — № 1. — С. 19.
42. Винокур Г.О. Культура языка (Задачи современного языкознания) // Печать и революция. — М., 1923. — Кн. 5.
43. Владимирова Т.Е. Лингвистика в контексте диалога культур // Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. «Языки в образовательном и культурном пространстве Евразии». — Алматы: Парасат, 2009.
44. Гаврилов А.В. Европейские заимствования XIX века в русском языке. — М.: Ленанд, 2011 г.
45. Газдиева Б.А. Функционирование родного языка ингушской диаспоры в условиях русско-казахского билингвизма: дис. ... канд. филол. наук. — Кокшетау, 2009.
46. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху): дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1973.
47. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: процессы адаптации. — Алматы: Казак университеті, 2008.
48. Гайнуллина Н.И. История русской грамматической мысли (донациональный период). Мат-лы к спецкурсу для магистратуры: учеб. пособие. — Алматы: Казак университеті, 2004.
49. Гайнуллина Н.И. Лексикология русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак-тов ун-тов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Алматы: Казак университеті, 2003.
50. Гайнуллина Н.И. Синхронно-диахроническая природа языковой ситуации // Мат-лы междунар. конгресса «Русский язык и литература в XXI веке: теоретические проблемы и прикладные аспекты» / отв. ред. Н.Ж. Шаймерденова. — Астана, 2007.
51. Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII в. (историко-лингвистический аспект). — Алматы, 1995.

52. Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 1996.
53. Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (опыт диахронического описания). — Алматы, 2003.
54. Гатаулина Р.Г. Тюркизмы в русских названиях построек и строительного дела: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1987.
55. Геккер С.Ф., Мордовина С.П., Романова Г.Я. Указатель источников Словаря русского языка XI—XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений. — М., 1984.
56. Гилазетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011.
57. Гилазетдинова Г.Х. Функциональные особенности тюркизмов в публицистических произведениях XVII века (на материале сочинений Протопопа Аввакума) // Мат-лы междунар. конф. «Ахановские чтения»: Язык—Общество—Время. — Алматы: Қазақ университеті, 2010. — Т. 2.
58. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1975.
59. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). — М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
60. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. — М.: Просвещение, 1989.
61. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка: учеб. пособие. — М., 1984.
62. Грузберг А.А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI — начала XVIII вв. — Пермь, 1974.
63. Гущина В.П. Функционирование и семантическая эволюция тюркизмов (на материале памятников письменности XVII—XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1984.
64. Дарбаева Ж.К. Тюркизмы в языке периодической печати Северо-Казахстанской области: дис. ... канд. филол. наук. — Петропавловск, 2003.

65. Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI—XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. — М.: Наука, 2001.
66. Дерягин В.Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важные денежные отписи XVI—XVII вв. // Источники по истории русского языка. — М.: Наука, 1976.
67. Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа. — М.: Наука, 1990.
68. Джумартова М.Н. Казахская лексика в современном русском языке. — Л., 1989.
69. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. — М., 1962.
70. Добродомов И.Г. Историко-этимологические каламбуры и филологическая достоверность лексико-фразеологического материала // ВЯ. — 2009. — № 4.
71. Добродомов И.Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1966.
72. Добродомов И.Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. — М., 1967.
73. Добродомов И.Г. Пути проникновения болгарских элементов в славянские языки // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974.
74. Дорофеев Ю.В. Вариантные формы русского языка в современном мире // Язык и общество в современной России и других странах: мат-лы Междунар. конф. (Москва, 21—24 июня 2010 г.) / отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко. — М., 2010.
75. Дуличенко А.Д. Русский язык: покидая XX век... (некоторые размышления) // Мат-лы II междунар. конгресса «Русский язык как язык межкультурного Евразии». — Астана, 2010.
76. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. — М.: Вост. лит., 2007.
77. Емельянов С.А. Витальность русской лексики (по материалам исторических и толковых словарей XVIII—XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 2009.

78. Ерофеева И.В. Именное словообразование в языке русских летописей: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2010.
79. Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: дис. ... канд. филол. наук. — Алма-ты, 1958.
80. Жаримбетов А. Тюркизмы в русских названиях растений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1976.
81. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
82. Жуковская Л.П. Лексические варианты в древних славянских рукописях // Исследования по истории лексикологии древнерусского языка. — М.: Наука, 1964.
83. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. — М.: Наука, 1976.
84. Журавлева Е.А. Концептосфера русского языка в полиэтничном обществе Казахстана. — Кокшетау, 2009.
85. Журавлева Е.А. Русский язык в полиэтнической среде Казахстана: лингвистический аспект // Мат-лы конф. «Русский язык в контексте этноязыковых процессов Республики Казахстан». — Астана, 2008.
86. Зуга О.В. Типы языкового варьирования в повторяющихся фрагментах Пантелеймонова Евангелия XII—XIII вв. (РНБ, Соф. 1) // Тр. и мат-лы III междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (20—23 марта). — М., 2007.
87. Ибраева А.Б. Лингвокультурологические особенности функционирования тюркской лексики в трудах польских писателей: дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 2009.
88. Иванов В.В. Вопросы исследования истории русского языка и лингвистического источниковедения в трудах С.И. Коткова // История русского языка и лингвистическое источниковедение. — М.: Наука, 1987.
89. Исакова Л.Д. Вариативность грамматических единиц // Германистика: состояние и перспективы развития: мат-лы междунар. конф. — М.: МГЛУ, 2004.

90. История русского языка и лингвистическое источниковедение. — М.: Наука, 1987.
91. Истрина Е.С. Нормы русского литературного языка и культура речи. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
92. Каирбеков Б.Г. Два могучих крыла Пегаса // I междунар. науч.-метод. конф. «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы»: сб. ст. — М.: РУДН, 2008.
93. Каирбеков Б.Г. Мифо-ритуальный сценарий миропонимания кочевника // Каирбеков Б.Г. Путь воды. Избранное. — М.: Тезаурус, 2010.
94. Калакуцкая Л.П. Русский литературный язык в конце второго тысячелетия // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). — М.: Наука, 1995.
95. Камчатнов А.М. Воплощенный логос. Ч. 2. Ноэматическо-эйдетическая интерпретация слова. — URL: <http://www.textology.ru>
96. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века: учеб. пособие. — М.: Академия, 2005.
97. Камчатнов А.М. Лексическая вариативность и лексические значения // ВЯ. — 1983. — № 4.
98. Карлинский А.Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. — Алматы, 2011.
99. Килева Л.Т. Становление категории наклонения славянского глагола: дис. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 2003.
100. Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Кемерово, 2010.
101. Ковтун Л.С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. — Л.: Наука, 1977.
102. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII вв. — Л.: Наука, 1975.
103. Козырев И.С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. — М.: Наука, 1974.
104. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. — Л.: Наука, 1982.

105. Копыленко М.М., Ахметжанова З.К., Жолтаева Т.У. Казахское слово в русском художественном тексте // Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Қазак университеті, 2011.
106. Кортава Т.В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. — М.: Изд-во МГУ, 1998.
107. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — М.: Наука, 1980.
108. Котков С.И. Памятники русской письменности и историческая диалектология // ВЯ. — 1975. — № 2.
109. Крутова М.С. Лексическая вариантность в русских списках «Златой цепи» XIV—XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1989.
110. Крысин Л.П. Жизнь слова. — М.: Русское слово, 2008.
111. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008.
112. Крысин Л.П. Социолингвистический аспект изучения языковых не-правильностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
113. Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века «Тюркско-арабского словаря». — Алма-Ата, 1970.
114. Курышжанов А.К. Язык старокыпчакских письменных памятников XII—XIV века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1973.
115. Кызласов И.Л. Два этапа пратюркского культурогенеза // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: мат-лы конф. — М.: Тезаурус, 2009.
116. Ларин Б.А. Западноевропейские элементы русского воровского аргю // Язык и литература. — Т. VII. — Л., 1931.
117. Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII — нач. XIX в. // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — нач. XIX в.). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
118. Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. — М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010.

119. Макеева И.И. К вопросу о слове и варианте в древнерусском языке // Русская историческая лексикография и лексикология: межвуз. темат. сб. науч. тр. — Красноярск, 1989.
120. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике: учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1989.
121. Маликова Ж.Д. Лингвокультурологическая парадигма русских прецедентных текстов (на материале казахстанских газет): дис. ... канд. филол. наук. — Кокшетау, 2010.
122. Малышева И.А. Материалы таможенного делопроизводства XVIII века как объект лингвистического источниковедения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1997.
123. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008.
124. Маслова В.А. Русский язык как общеславянская святыня // Сб. статей 1 междунар. науч.-метод. конф. «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы». — М.: РУДН, 2008.
125. Махмудов Х.Х. Русско-казахские лингвистические взаимосвязи. — Алма-Ата: Наука, 1989.
126. Махмудов Х.Х. Тюркизмы в языке русских памятников XI—XIV вв.: дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1943.
127. Махмутова А.С. Лексика тюркского происхождения в древнерусской письменности XIII—XV вв. (на материале ханских ярлыков и современных им памятников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ленинград, 1983.
128. Мейчак Д.М. Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива министерства юстиции... «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве юстиции» // Козырев И.С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке. Тюркизмы в восточнославянских языках. — М.: Наука, 1974.
129. Мендекинова Р.Т. Тюркизмы в языке русских писателей Казахстана (лексико-стилистический аспект). — Алматы, 1996.
130. Мещерский Н.А. О лингвистическом разграничении памятников древнеславянского языка русского извода и древнерусского литературно-

- го языка XI—XIV вв. К постановке проблемы // Мещерский Н.А. Избранные статьи. — СПб., 1995.
131. Михайловская Н.Г. Лексическая вариантность в списках древнерусских памятников // Литературная норма и вариантность. — М.: Наука, 1981.
 132. Молдован А.М. Лексические замены как отражение эволюции в церковнославянском языке // Мат-лы междунар. науч. конф. «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы». — М.: ИРЯ РАН, 2003.
 133. Мусабекова У.Е. Теория и практика ортологи́и: грамматические основы отонимических наименований: дис. ...д-ра филол. наук. — Кокшетау, 2010.
 134. Мусаев К.М. Алтайская гипотеза в свете контактов языков с языками мира // Советская тюркология. — 1987.
 135. Мусатаева М.Ш., Сабитова З.К. Теоретические основы составления синергетического словаря тюркизмов в русском языке // Мат-лы междунар. конф. «Ахановские чтения»: Язык—Общество—Время. — Алматы: Қазақ университеті, 2010.
 136. Мусатаева М.Ш., Шеляховская Л.А. Идеографический словарь тюркизмов в русском языке. — Алматы, 2006.
 137. Мусатаева М.Ш., Шеляховская Л.А. Словообразовательный словарь тематических групп тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата, 1991.
 138. Новое в русской этимологии. — М., 2003. — Ч. 1.
 139. Оразгалиева Г.Ш. Тюркоязычные топонимы в прозе А.С. Пушкина. — Алма-Ата, 1990.
 140. Орешкина М.В. Особенности освоения тюркских слов в современном русском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. — М., 1992.
 141. Өмірәлиев Қ. Конне түркі әдеби ескерткіштері туралы зерттеулер. — Алматы: Арыс, 2010.
 142. Пауль Г. Принципы истории языка // Звегинцев В.А. История языкознания 19—20 веков в очерках и извлечениях. — М.: Просвещение, 1964.
 143. Петрова З.М. Развитие лексического состава русского языка XVIII в. (имена прилагательные): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1983.

144. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. — М.: Учпедгиз, 1959.
145. Плунгян В.А. Зачем нужен национальный корпус русского языка? Неформальное введение. — URL: Сайт Национального корпуса русского языка: www.ruscorgora.ru
146. Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М. 1983.
147. Проблемы языковой вариативности: сб. обзоров. — М.: 1990.
148. Рахимжанова Г.К. Тюркизмы в русском газетном тексте (на материале СМИ южного региона Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Астана, 2005.
149. Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI—XVII вв.: учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка». — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
150. Романова Г.Я. Иноязычная лексика в историческом словаре (на материале тюркских заимствований) // Теория и практика русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984.
151. Сабитова З.К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. — Алматы: Қазақ университеті, 2007.
152. Сабитова Ш.А. Номинативный ряд со значением лица по роду деятельности и профессии (на материале тюркских заимствований): дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 1999.
153. Сагдуллаев Д.С. Тюркизмы в творческом контексте С.П. Бородина (на материале трилогии «Звезды над Самаркандом»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1975.
154. Сагитова А.Г. Тюркизмы в названиях предметов домашнего обихода: автореф. ... канд. филол. наук. — Казань, 1992.
155. Сандыбаева Н.А. Лексика восточного происхождения в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1981.
156. Сапаров К. Экзотическая лексика тюркского происхождения в современном русском литературном языке (на материале заимствований из узбекского, казахского, туркменского, киргизского и каракалпакского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1991.

157. Сауранбаев Н.Т. Семантика и функция деепричастия в казахском языке. — Алма-Ата, 1944.
158. Сауранбаев Н.Т. Система сложного предложения в казахском языке. — Алма-Ата, 1948.
159. Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности // ВЯ. — 1965. — № 1.
160. Синячкин В.П. Историко-культурный слой тюркизмов в русском быденном сознании // Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия: сб. науч. тр. по материалам Круглого стола. — Астана, 2008. — С. 132—147.
161. Скребнев Ю.М. К вопросу об «ортологии» // ВЯ. — 1961. — № 1.
162. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // ВЯ. — 1984. — № 2.
163. Сорокин Ю.С. Значение Пушкина в развитии русского литературного языка // История русской литературы: в 10 т. — М.; Л., 1953. — Т. 6.
164. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. — М.; Л., 1965. — С. 43—44.
165. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. — М.: Наука, 2006.
166. Сулейменов О.О. Аз и я. — Алма-Ата: Жазушы, 1975.
167. Сулейменов О.О. Пересекающиеся параллели (введение в тюркославику). — Алматы, 2001.
168. Сулейменов О.О. Тюрки в доистории (о происхождении древнетюркских языков и письменностей). — Алматы: Атамұра, 2002.
169. Сулейменов О.О. Язык письма. — Алматы; Рим, 1998.
170. Сулейменова Э.Д. Новые научные парадигмы в казахстанской науке о русском языке // Сб. мат-лов II междунар. конгресса «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии». — Астана: Сары-Арка, 2009.
171. Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. — Алматы: Қазақ университеті, 2011.
172. Сыздыкова Р.Г. История казахского литературного языка (XV—XIX вв.). — Алма-Ата, 1984, 1993.

173. Сыздыкова Р.Г. Произносительные нормы казахского языка. — Алма-Ата, 1983.
174. Тарабасова Н.И. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. — М.: Наука, 1986.
175. Тарланов З.К. Язык и культура. — Петрозаводск, 1984.
176. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — М.: Наука, 2003.
177. Тулеубаева С.А. Стратификация языковой личности аль-Фараби в сравнительно-исторической парадигме: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Астана, 2010.
178. Тюкачева Е.В. Русское просторечие первой четверти XVIII века (функционально-стилистический аспект): дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 2001.
179. Уали Н. Қазақ орфография сындағы қиындықтар. Алматы, 1988.
180. Уали Н. Фразеология және тілдік норма. Алматы, 1997.
181. Указатель источников рукописной древнерусской картотеки и Словаря русского языка XI—XVII вв. // Справочный выпуск Словаря русского языка XI—XVII вв. — М.: Наука, 2001.
182. Умурзакова А.А. Тюркизмы в словообразовательной системе русского языка. — Алма-Ата, 1992.
183. Умурзакова Н.Ж., Шеляховская Л.А. К проблеме мотивационно-идеографического словаря тюркизмов в русском языке // Доклады междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения Х.Х. Махмудова «Русистика в Казахстане: проблемы, традиции, перспективы». — Алматы, 1999.
184. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2002.
185. Филин Ф.П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Филин Ф.П. Очерки теории языкознания. — М., 1982.
186. Филин Ф.П. О словарном составе языка великорусского народа // ВЯ. — 1982. — № 5.
187. Филин Ф.П. Что такое литературный язык // ВЯ. — 1979. — № 3.
188. Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. — М.: Изд-во РУДН, 2000.

189. Чапаева Л.Г. Статус заимствований в русском языке первой половины XIX в.: основные тенденции в оценке чужого языкового материала // Тр. и мат-лы III междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». — М., 2007.
190. Чернышева М.И. Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Сб. науч. тр. «И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование». — Рязань, 2002.
191. Чернышева М.И. Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка // ВЯ. — 1984. — № 2.
192. Шаймерденова Н.Ж. Вклад Е.Н. Шиповой в развитие русского и казахского языкознания // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер. филологическая. — Алматы, 1999. — Вып. 30.
193. Шаймерденова Н.Ж. Глоссы как феномен текста. — Алматы: Борки, 1997.
194. Шаймерденова Н.Ж. Русистика в Казахстане: тенденции и перспективы // Мат-лы I междунар. конгресса «Русский язык и литература в XXI веке: теоретические проблемы и прикладные аспекты» / отв. ред. Н.Ж. Шаймерденова. — Астана, 2007.
195. Шаймерденова Н.Ж. Экспликация семантики лексических единиц. — Алматы: Қазак университеті, 2003.
196. Шаймерденова Н.Ж., Бурибаева М.А., Ахметжанова А.И. Язык и культура в ретроспективе памятников письменности: монография. — Астана, 2011.
197. Шаймерденова Н.Ж., Сагитжанова З.Т. Лингвистическое источниковедение. — Алматы, 1997.
198. Шведова Н.Ю. К понятию вариативности в языке (на материале лексического множества) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. — М., 1983. — Т. 42. — № 3.
199. Шереметьева А.Г. Лексико-грамматическая вариантность в русском языке (синхронно-диахронический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ташкент, 2001.
200. Шмельков В.В. Сущность процесса лексической деархаизации в современном русском литературном языке: автореф. ... д-ра филол. наук. — М., 2010.

201. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — С. 43.
202. Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). — Казань: Таглитат, 2000.
203. Языки мира: Проблемы языковой вариативности. — М.: Наука, 1990.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энциклопедия, 1966.
2. Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. — Томск: UFO-Plus, 2007.
3. Гладкий В.Д. Славянский мир: I—XVI века: энциклопедический словарь. — М.: Центрполиграф, 2001.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006.
5. Әлеуметтік лингвистика терминдерінің сөздігі: словарь социолингвистических терминов / Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шәймерденова, Ж.С. Смағұлова, Д.Х. Аканова. — Астана: Арман-ПВ, 2008.
6. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. — М.: Эксмо-Пресс, 2000.
7. Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2005.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990.
9. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986.
11. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1985.
12. Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом. — Ч. 1. — СПб., 1780; Ч. 2. — СПб., 1782.
13. Российский целлариус или этимологический российский лексикон, изданный Ф. Гелтергофом. — М., 1771.

14. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998.
15. Русско-казахский словарь. — Алматы: Арыс, 2007. — Т. 1.
16. Сауранбаев Н.Т. Русско-казахский словарь. — М., 1954.
17. Словарь иностранных слов в русском языке. — М.: ЮНБЕС, 1996.
18. Словарь по языкознанию. Тіл білімі создiгі. — Алматы: Ғылым, 1998.
19. Словарь русского языка XI—XVII вв. — М.: Наука, 1975—2003. — Вып. 1—26.
20. Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1948—1965. — Т. I.
21. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный II отд. АН. — СПб., 1847. — Т. I—IV.
22. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. — М.: Книга, 1989. — Т. 1. Ч. 1. А—Д.
23. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Словарь социолингвистических терминов. — Алматы: Қазақ университеті, 2002.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1986—1987. — Т. I—IV.
25. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — 7-е изд., стеретип. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006.
26. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата: Наука, 1976.
27. Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников: в 2 т. — М.: Флинта: Наука, 2010.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТЮРКИЗМОВ

Аба (оба)
 Абдал
 Аблауть (аблавуть, алпауть)
 Абыз (абаз, абыс, афызь, афазь, обузь, обызь)
 Ага (ога)
 Агун
 Азиф
 Азямь (озямь)
 Аламь (оламь)
 Алатырь (латарь, отлатерь)
 Алафа (олафа)
 Алмазь (олмазь)
 Алтабась (алтобась, олтабась)
 Алтынъ (алтинъ, олтинъ)
 Аманать (оманать, омонать)
 Амбарь (анбарь, онбарь)
 Аминь
 Арак (арака)
 Арба
 Арбуз
 Аргамакъ (оргамакъ, аргумакъ)
 Армяк (ормакъ, ермяк, ирмяк, ормякъ, оромяк, ярмяк)
 Архарь (аркаръ)
 Арчакъ (орчакъ)
 Асламчей (осламчей)
 Аталыкъ (атолыкъ)
 Атаман (ватаманъ, атоманъ, отоманъ)
 Атласъ (отласъ)
 Базарь (бозаръ)
 Байракъ (бойракъ, буеракъ, буяракъ)
 Байрамъ (баграмъ, багримъ, бограмъ)
 Байрамъ курбанъ (курбантъ багрямъ)
 Баканъ (боканъ)

Балабанъ (болобанъ)
Барабанъ (борабанъ)
Баранта (боранта)
Барсукъ (борсукъ)
Бархат
Барышъ
Басма (базма, баиса)
Бахрома (бахрама)
Бахча (бакча, бакша, бохча, бокча)
Башка (бошка)
Башмакъ (бошмакъ)
Бей (бай, бий)
Бекъ (бегъ, бекечъ, бекешъ)
Бирюза (берюза)
Бичечи
Богатырь (богатуръ, баатырь, баатаръ, батырь, батуръ)
Бояринъ (боляринъ)
Боярыня (бояроня, болярыня, боляроня, бояриня)
Буеракъ (бояракъ, баяракъ, боаракъ, боеракъ)
Буза
Буздуганъ (бузлуганъ)
Буравъ (буровъ, буравень, буравль, буровль)
Бурметь (барметь)
Бусурманъ (бусульманъ, бусорманъ, басурманъ)
Визиръ (везиръ, везиръ, возыръ, възыръ)
Войлокъ (войлукъ)
Гайтанъ (гойтанъ, гонтай)
Деньга
Дервишъ (дербышъ)
Дорога (дарага, дорага)
Евшанъ (емшанъ)
Елань (алань, ялань)
Епанча (епонча, япанча)
Ерикъ (ерекъ)
Ертоуль (артоуль, ертовуль, яртоуль)
Есауль (ясауль)
Жемчугъ (женчуг, женчюгъ, жумчуг, жемчюг, ямчуг)

Жесть
Заргучей (джаргучи)
Зендень (зендянь, зендель, зендь, зендянца)
Зуфь (зуфня, зуфрь, суфрь, изуфрь)
Изарбафь (изарбавь, изарбать, зарбафь)
Изюм (узум, изум)
Илемь (ильмь, лемь, ильма)
Имилдеш (эмильдеш)
Ичетыги (ичеготы, ичедоги, ичетоги, ичитыги)
Ишакь (ишекь)
Кабала (кобала)
Кадый
Казакь (козакь)
Казна
Казначей
Калачь (колачь)
Калмыки (колмаки)
Калча
Калымь (калынъ)
Камка
Камчугь (камчюг, камчуга)
Кандалы (кондалы, кайдалы, койдалы)
Каптурь (капътурь, каптурь)
Капычей (капычи-баша, копычей, копычи, копычаи)
Каравань (коравань, коровань)
Каравань-сарай (карва-сарай, карасамрай, крмюсарһй, каравань серай, корвань сарай, кермасарай, крамсарай, кермесарай, кермосарай, кирмо-сарай)
Карауль (кораул, короуль)
Карачей (карачь, корач)
Карлукь (курлукь, карлусь)
Кармазинь (кармазимь)
Катун
Каурый (кавурый, ковурий, коурий)
Кафтань (кавтань, кофтань, ковтань, ковахтан, каптан, каптана)
Каюкь (коякь)
Киндякь (каньдакь, кандакь, киндядь, кондикь)

Кинжал (ханжал, ханжарь, хонжарь, чингал, канжарь, гончарь, кончерь,
 кончерь)
 Кирпичь (кирпить)
 Колпак (клобук)
 Кольчуга (колчага, колчюга, кольчюга)
 Конак (канакъ)
 Коранъ (куранъ, алкоранъ)
 Крагуй (крагуиль, крагуе)
 Кулдакъ (култукъ)
 Кумачъ (кумакъ)
 Кумган (кулган, комган, кунганъ, кунгалъ, куббанъ, купбан, куганъ, кур-
 ганъ, кубганъ)
 Кумысь (кумузь, кумызь, комузь)
 Кунган
 Кушак
 Лагун
 Лал
 Лачюга (алачуга, олачюга)
 Лебеда
 Майданъ (мойданъ)
 Мальханъ (мальханъ, мельхан, мальхаб, малханъ)
 Мамай (момай)
 Махтум
 Мечеть
 Мизгить (мизгить)
 Миндеръ (миндеръ)
 Мирза (мырза, мурза)
 Мишень
 Муксунъ (мускунъ)
 Мулла (молла)
 Мусать (мусакъ)
 Набат
 Нашатырь
 Нефть (невть)
 Ногата (нагата, нагота)
 Ногуть (нохоть, нофуть)
 Нурадынъ (нарадынъ, нурадинъ, нурадымъ)

Объярь (объерь, обярь, объерь, обирь)
Орда
Орлакь (ордокь, арлакь, ордакь)
Очагь (ачагь, очегь)
Палачь (полачь)
Палашь (полашь)
Парча (порча)
Паша
Пенька
Пуль (пула, пуло)
Пьяля
Рамазань (ромазань)
Ревень
Рундук (орондук, урундук)
Саврасый (соврасый)
Садакь (саадак, сагайдакь, сайдакь, саайдакь, саандакь, савдакь, сага-
дакь, сандакь, сагоидак, согоидак, согаидак, сагодак, сайдак, саодак)
Сазан
Сакма (сокма)
Саксаул (соксоуль, соксоун, соксоус)
Салтань (солтань, султань)
Сандаль (саигдал, сандалия)
Сандаль (сандань, салдань)
Санчакбей (санчакь-бий, сензякь-бей, сензякбһй)
Сарафан
Сафрачей
Сафьян (сафиян, софьян)
Севрюга (севрига, шеврюга)
Севтеньга (сефтеньга)
Сеить (сайть)
Сеунчь (сююнчюй)
Сундук
Сурна
Сурьма
Табун
Тайша
Тамга (тамьга)

Тасма (тясьма, тесма, тесьма)
Тафья
Тебенки
Тесьма
Тикень
Толмач
Тулумбазь (тулумбась, тулунбась, доулбазь)
Тумень
Уздень
Улусь (влусь)
Халат (хилат, холат)
Халиф (калифъ, калифа)
Хан (кан)
Чалма (челма, чолма)
Чекмень
Чемодан (чамадан, чумадан)
Чердакъ (чардакъ)
Чинарь
Чуга
Чулки
Шалашъ (шелашъ)
Шах
Шахматы
Штаны
Юрта
Ям
Ясак (есакъ)

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКОВ

Азбуковн. или **Азб.** (или **Аф.**) — Ковтун Л.С. Азбуковники XVI—XVII вв. (старшая разновидность). Тексты. Л., 1989. С. 136—292. XVI в., сп. XVII в.

Арх.Он. (+ назв.док.) **Архив Онежского Крестного монастыря.** — Хранится в ЦГАДА, ф.1195, оп. 1. XVII в.

Аз. пов. (сказ.) — Орлов А. История об Азовском взятии и осадном сидении от турецкого царя Брагима донских казаков... лета 7135 года // РФВ, 1906. Т. LVI, № 3, 4. С. 137—174, сп. н. XVII в.

АИ IV — Акты исторические, собр. и изд. Археограф. комис. Т. IV. СПб., 1842. 1645—1676 гг.

А.И. 12 — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. XII. СПб., 1872. 1684—1699 гг.

Акт. X. У. — Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. 2 // РИБ. Т. 14. СПб., 1894. 1500—1706 гг.

Алф. — Книга глаголемая гречески алфавит. — Рукоп. БАН, Арх. д., № 446. XVII в.

Архангл. обл. слов. Подв. xx или **Арх. обл. слов. 59. Подв.** — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Изд. 2 отд. АН СПб., 1885.

Арс. Сух. или **Арс. Сух. Проскинитарий** — Проскинитарий Арсения Суханова (1649—1653 гг.). Под. ред. Н.И. Ивановского // Православный палестинский сборник. Т. VII, вып. 3(21). Спб., 1889. — С. 3—300.

Арх. бум. Петра, I — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. I. М., 1872. 1672—1701 гг. [с. 1—176: XVII в.; с. 177—196: 1700—1701 гг.; с. 199—419: XVII в.].

Арх. Стр. I — Архив П.М. Строева. Т. I // РИБ. Т. 32. Пг., 1915. 1400—1597 гг. [документы до 1505 г. переизд.: АСВР I-III; Гр. Новг. и Псков.].

Берест. гр. III — Арциховский А.В. и Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.) [№ 84—136]. М., 1958. XI—XV вв.

Библ. Генн. 1499 г. — Книги ветхого и нового завета, писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия. Рукоп. ГИМ, Син., № 915.

Был. — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / изд. подгот. А.М. Астахова, В.В. Митрофанова, М.О. Скрипиль. М.; Л., 1960.

Был. М. — Русские былины старой и новой записи / под ред. акад. Н.С. Тихонравова и проф. В.Ф. Миллера. М., 1894. Отд.2. Былины новой записи. С. 1—304.

В. чел. Ник. Пустосв. — Великая челобитная Никиты Добрынина (Пустосвята). 1658—1665 гг. // Румянцев И. Никита Константинов Добрынин (Пустосвят). Сергиев Посад, 1916. Прил. С. 153—248, 326—382.

Ворон. а. — Материалы для истории Воронежа и соседних губерний. Т. I. Воронежские акты. Воронеж, 1887. 1599—1705 гг.

ВМЧ — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археограф. ком. М. — СПб., 1868—1917. XVI в.

ВК или **ВК II** — Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 гг. (Чт. ОИДР, 1880, кн. 2, с. 37—46). Сп. н. XIX в.

ВНП хх или **Великорусские народные песни** — Великорусские народные песни / собр. А.И. Соболевским. Т. I—VII. СПб., 1895—1902.

Г. сигналы фл. 1710. 82 — Генеральные сигналы надзираемые во флоте его царского величества. М., 1710.

Гр. Сиб. Милл. II — Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М.; Л., 1941. 1596—1661 г.

Гр. Дв. I — Грамоты Двинского уезда // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Пг., 1922. XV в. — 1649 г.

Гр. Хив. Бух. — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. М., 1932. (Тр. Ист.-археогр. ин-та). 1585—1705 гг.

ДАИ III — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. III. СПб., 1848. 1645—1654 гг.

ДАИ IV — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. I—XII. СПб., 1846—1872. Т. IV. 1655—1664. (1851).

ДАИ V — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. V. СПб., 1853. 1665—1674 гг.

ДАИ VI — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. VI. СПб., 1857. 1670—1676, 1650—1674 гг. (в прибавл.).

ДАИ X — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. X. СПб., 1867. 1682—1683 гг.

Д. Шакловит. III — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Изд. Археогр. комис. Т. III. СПб., 1988. 1689—1691 гг.

Дон. д. II — Донские дела. Кн. 2 // РИБ. Т. 24. СПб., 1906. 1640—1646 гг.

Дон. д. III — Донские дела. Кн. 3 // РИБ. Т. 26. СПб., 1909. 1645—1649 гг.

Дн. Толст. — Путешествие стольника П.А. Толстого. 1697—1699 // Русский архив, 1888: Т. I, вып. 2, с. 167—204: 1697 г.; вып. 3, с. 321—368: 1697 г.; вып. 4, с. 505—552: 1697 г., 1698 г.

ДТП III — Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. Т. 23. СПб., 1904. 1663—1676 гг.

Ег. — Путевая заметка о Египте Михаила Гиреева // Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, прил. С. 70. XVI в., сп. XVI в., вар. По сп. XVII в.

Евфр. Отразит. пис. — Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий грактат против самосожжения 1691 года / Сообщение Х. Лопарева. СПб., 1895 (ПДП, № 108).

Ерм. лет. — Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. XV в., сп. XV—XVI вв. [с. 1—162: XV в.; прил., с. 163—205: XVI в.].

Ефр. корм. II — Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 2 / подгот. к изданию и снабжен дополнениями Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым и Я.Н. Щаповым; под общ. рук. Я.Н. Щапова. София, 1987. XV в., вар. XIII—XVI вв. [греч. в изд.].

Ж. Евфр. С. — Житие пр. Евфросинии Суздальской по списку XVII в. Сост. монах Григорий / предисл. и примеч. В.Т. Георгиевского // Тр. Владимирск. учен. архивн. комис. Владимир, 1899. Кн. 1. С. 81—142, между 1549—1558 гг., сп. XVII в.

Ж. Иос. Вол. — Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. По двум рукописям собрания П.А. Овчинникова / предисл. С.А. Белокурова // Чт. ОИДР, 1903. Кн. 3. Отд. II. С. 13—47; между 1540 и 1566 гг., сп. XVI в., вар. XVII в.

Заб. Мат. I — Материалы для истории, археологии и статистики города Моква, собранные и изданные руководством и трудами И. Забелина. Ч. 1. М., 1884. XVII—XVIII вв.

Заб. Рзр. — Дополнения к Дворцовым разрядам, собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты И. Забелиным. Ч. I // Чт. ОИДР, 1882. Кн. 3. Отд. I, стлб. 289—640.

Забчиц I — Забчиц Ян. Выдание о добронравии. Пер. с польск. изд. 1630 г. — Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. Вып. 1. С. 22—47 // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7 [переизд.: Тр. ОДРЛ. Л., XXXVI. Л., 1981. С. 182—190], сп. вт. пол. XVII в., польск. ориг. 1630 г.

Задон. (Адр.) — Адрианова-Перетц В.П. Задонщина. Текст и примечания // Тр. ОДРЛ. V. М.; Л., 1947. С. 194—224. XVI в., сп. XVII в.

Заговоры Олон. — Сборник заговоров // Срезневский В.И. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 481—512, сп. 2-й четв. XVII в.

Ист. Тат. — История Татарии в документах и материалах. — М., 1937.

Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. 2-е изд. // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908, сп. перв. четв. XV в. [воспроизв. текста издания 1908 г. — М., 1962].

Кабард.-рус. д. — Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. М., 1957. Т. 1. 1552—1689 гг.

Каз. лет. — История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903, сп. XVI—XVII вв. [стлб. 1—188: XVI в., сп. XVII в.; стлб. 189—496: XVI в., XVI—XVII вв.].

Калуж. а. — Маркевич А.И. Калужские купцы Дехтеревы. Одесса, 1892. 1636—1792 гг.

Кириш Д. — Сборник Кириш Данилова. Изд. Публ. б-ки под ред. П.Н. Шеффера. СПб., 1901, сп. XVIII в.

Книж. о покор. Кит. — Книжца историею особною преведенная како богдоиские татары под владение свое покорили все царство китайское. — рукоп. б-ки Смоленского пед. ин-та, № Унб. 124 (З/Б). 1731 г. [утрачена].

Кн. Ивер. м. I — Приходо-расходная книга Иверского Валдайского монастыря 1665—1666 гг. — Рукоп. ЛОИИ, ф. 181, оп. 2, № 20.

Кн. расх. Болд. м. — Болдин Дорогобужский монастырь. Книги расходные. (РИБ, т. 37. Л., 1924, стлб. 20—167). [стлб. 20—90: 1585—1589 гг., 91—118: 1591 г., 118—187: 1598—1600 гг.].

Кн. пер. Оруж. пал. — Переписные книги Оружейной палаты думного дворянина А.Ф. Полибина и дьяка В. Мануйлова 1687 г. — Рукоп. РГАДА, ф. 396 (Оружейная палата), оп. 2, № 936, л. 1—707.

Кн. степ. — Книга степенная царского родословия. Ч. 1—2 // ПСРЛ. Т. XXI, 1—2 пол. СПб., 1908—1913 [ч. 1: с. 1—342; ч. 2: с. 343—675]. 1560-е гг., сп. XVI—XVII вв.

Кн. прих.-расх. Моск. — Приходо-расходные книги Московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. М., 1912. 1614—1619 гг.

Кн. прих. Болд. м. № 141 — Книга приходная Болдин-Троицкого Дорогобужского монастыря 1592 г. — Рукоп. СПб. ФИРИ РАН, к. 124, № 141. 1592 г.

Кн. расх. Болд. м., 63. 1587 г. — Болдин Дорогобужский монастырь. Книги расходные. (РИБ, т. 37. Л., 1924, стлб. 20—167). [стлб. 20—90: 1585—1589 гг., 91—118: 1591 г., 118—187: 1598—1600 гг.].

Конск. приб. Бор. Год. — Конский прибор царя Бориса Феодоровича Годунова 1589 г. // Савваитов П. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора... СПб., 1865. С. 38—47.

Косм. или Козм. — Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878—1881. (Изд. ОЛДП, № 21, 57, 68), между 1655—1667 гг., сп. 1670 г.

Кот. 82 — Хожение купца Федора Котова в Персию. Публикация Н.А. Кузнецовой. — М., 1958.

Крым. д. I — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41.

Крым. д. II — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т.2. 1508—1521 гг. // Сб. РИО. СПб., 1985. Т. 95.

Куранты, 1665 — Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов. (Чт. ОИДР, 1880, кн. 2, с. 37—46). Сп. н. XIX в. [с. 37—41: 1655 г.; с. 41—46: 1665 г.].

Курб. Ист. — История о великом князе Московском — Сочинения князя Курбского. Т. 1 // РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стлб. 161—354. XVI в., сп. XVII в.

Лекс. в. н. — Лексикон вокабулам новым по алфавиту (Н.А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. — Сб. ОРЯС, СПб., 1910, т. 88, № 2, с. 363—382). [н. XVIII в.].

Львов. лет. I — Львовская летопись. Ч. 1 // ПСРЛ. Т. XX, 1 полов. СПб., 1910, с. 1—418, сп. XVI в., вар. XVIII в.

М. Гр. III — Сочинения преподобного Максима Грека. Изд. при Казанск. дух. акад. Ч. III. Изд. 2-е. Казань, 1897. XVI в., сп. XVI—XVII вв.

М. Гр. Неизд. III — Неизданные сочинения Максима Грека по рукоп. РНБ. Q. I. № 219 (=Толстого, отд. П, № 241). XVI в.

Нак. Милосл. — Наказ, данный стольнику Илье Даниловичу Милославскому и дьяку Леонтию Лазоревскому при отправлении послами в Царьград // Врем. ОИДР, 1851. Кн. 9. С. 1—102. 1643 г.

Нещ. прикл. Бараниц. — Нещастные приключения Василья Баранщикова мещанина Нижнего Новгорода во трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год. 2-е изд. СПб., 1787.

Новг. IV лет. — Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1—3. Пг.; Л., 1915—1929 [Вып. 1. С. 1—320. Пг., 1915. 913—1380 гг.; Вып. 2. С. 321—536. Л., 1925. 1380—1507 г.; Вып. 3. С. 537—632. Л., 1925. 1509—1556 гг.], сп. XV—XVI вв.

Ник. лет. IX — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862, ок. 1526—1530 гг., сп. вт. пол. XVI в., вар. XVI—XVII вв.

Ник. лет. XI — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897, ок. 1526—1530 гг., сп. вт. пол. XVI в., вар. XVI—XVII вв.

Ник. лет. XIII — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 13 1-ая и 2-ая полов. СПб., 1906, ок. 1526—1530 гг., сп. вт. пол. XVI в., вар. XVI—XVII вв.

Он. им. Там. или Он. Там. — Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 году // Врем. ОИДР, 1850. Кн. 8, смесь. С. 1—40. 1608 г.

Он. блн. Глф. — Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.

Опис. гос. Кит. — Описание книги сея государства китайского или хинского, 1731 г. — Рукоп. б-ки Смоленск. пед. ин-та, № 124 (З/Б) [утрачена].

Петлин — Покровский Ф.И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году // Изв. ОРЯС, 1913. Т. XVIII. Кн. 4. С. 257—304, сп. XVII в.

Перс. д. — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1898. Т. III (Тр. Вост. Отд. Русск. археол. об-ва, Т. 22). С. 1—138, 562—659. 1614—1621 гг.

Петр, I — Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. 1688—1701.

Пов. Мерк. Смол. (Б.) — Белецкий Л.Т. Литературная история повести о Меркурии Смоленском. Пг., 1922. С. 55—74, 83—95 (Сб. ОРЯС. Т. 99, № 8). XV в., сп. XVI—XVIII вв. [с. 55—57: сп. 1665 г.; с. 58—74: XVI в.; с. 83—94: XVII в.; с. 94—95: XVIII в.].

Польск. д. II — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. СПб., 1887 // Сб. РИО. Т. 59. 1533—1560 гг.

Польск. д. III — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. III. СПб., 1892 // Сб. РИО. Т. 71. 1560—1571 гг.

Пон. I — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. Изд. журн. «Странник», под ред. А.И. Пономарева. СПб., 1894. XI—XVII вв.

Посольство Барятинского — Посольство князя Михаила Петровича Барятинского // Памятники дипл. и торг. сношений Моск. Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1898. Т. 3. (Тр. Вост. отд-ния Русск. Археол. об-ва, Т. 22). С. 299—562. 1618—1624 гг.

Посольство Васильчикова — Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова // Памятники дипл. и торг. снош. Моск. Руси с Персией. СПб., Т. 1 (Тр. Вост. отд-ния Русск. Археол. об-ва, Т. 20). С. 1—221. 1588—1594 гг.

Посольство Звенигородского или **Посольство Звенигородска** — Посольство в Персию князя Андрея Дмитриевича Звенигородского // Памятники дипл. и торг. сношений Моск. Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1 (Тр. Вост. отд-я Русск. археол. об-ва, Т. 20). С. 221—334. 1594—1596 гг.

Посольство Тихан. — Посольство Михаила Никитича Тиханова // Памятники дипл. и торг. сношений Моск. Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2 (Тр. Вост. отд-ния Русск. археол. об-ва, Т. 21). С. 151—312. 1613—1615 гг.

Посольство Толочанова — Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650—1652) / документы издал и введением снабдил М. Полиевктов (Международ. Сношения Грузии с иноземн. странами, I). Тифлис, 1926.

Посольство Тюфякина или **Ст. Тюф.** — Посольство князя Василия Васильевича Тюфякина // Памятники дипл. и торг. сношений Моск. Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1 (Тр. Вост. отд-я Русск. археол. об-ва, Т. 20). — С. 334—453. 1595—1599 гг.

Пролог (Срз.) — Пролог сентябрьской половины года. — Рукоп. БАН, 24.4. 33 (Срезн.), н. XV в.

Пр.-расх. кн. Сузд. Покр. мои. — Приходо-расходная книга Суздальского Покровского монастыря // Памятники деловой письменности XVII вв. Владимирский край. — М.: Наука, 1984. — С. 125.

ПСЗ II — Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1830. 1676—1688 гг.

Пут. в Кит. Байкова, 127. 1654 — Путешествие боярского сына Федора Исакиевича Байкова в Китай в 1654 г.

Разин. восст. — Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина. М.; Л., 1931. 1666—1671 гг.

Рим. имп. д. I — Памятники дипломатических сношений с Римской империей, Т. I (с 1488 по 1594 г.). СПб., 1851.

Рим. имп. д. II — Памятники дипломатических сношений с Римской империей, Т. II (с 1594 по 1621 г.). СПб., 1852.

Росп. им. Н. Ром. — Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова... // Чт. ОИДР, 1887. Кн. 3. Отд. I. С. 1—128. 1655—1659 гг.

Сим. Перепл. худ. — Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI-го по XVIII-е столетие включительно. Тексты. Материалы. Снимки / собрал и примеч. снабдил П. Симони. СПб., 1903 (Изд. ОЛДП, № 22). XV—XIX вв. [с. 1—17 — XVI—XVII вв., с. 19—23 — XVII—XIX вв., с. 25—29 — XVII—XVIII вв., с. 77—81 — XVI—XVII вв., с. 86—1635 г., с. 91—99 — 1665 г., с. 101—155 — XV—XVIII вв., с. 157—163 — 1620—1658 г.].

Ск. о Мам. поб. или **Пов. Мам. побоище** — Поведание и сказание о побоище в Кн. Димитрия Донского / изд. И. Снегирева // Русский исторический сборник. 1838. Т. III. Кн. 1. С. 1—80 (так наз. Печатный вариант Сказания) сп. XVII в.

Спафарий. Сибирь — Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примеч. Ю.В. Арсеньева // Зап. РГО по Отд. Этнографии. СПб., 1882. Т. X. Вып. 1. С. 30—177.

Спф. К. или **Спафарий. Китай**, или **Спф. К.** — Спафарий. Китай. Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678 гг.). Изд. Ю. Арсеньева. (Вест. археол. и ист. СПб., 1906. Вып. 17, отд. 2, С. 162—339. [1678 г.].

Ст. — Стоглав. Изд. 2-е. Казань, 1887. — 1551 г., сп. XVII в.

Ст. Млсл. — Статейный список о посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазаревского в Царьград в 7150 г. // Врем. ОИДР. 1850. Кн. 8. С. 1—136. 1642 г.

Ст. сп. рос. послов — Статейный список российских послов князь Антона Ромодановского, Ивана Висковатого и Петра Совина с товарищи, бытности их в Дании... в 7072 г. // Маяк, 1841. Ч. 20. С. 49—66. 1564 г.

Ст. сп. Новосильцева или **Посольство Новосильцева** — Статейный список И.П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1954. С. 63—99. 1570 г.

Там. кн. III — Таможенные книги Московского государства XVII века. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма / под ред. А.И. Яковлева. Т. III. М.; Л., 1951. 1675—1680 г.

Травник Любч. — Травник (Лечебник), перевод Немчина Николая Любчанина [Булева], 1534 г. — Рукоп. ГИМ, Увар., № 387 (1), Царск. № 615). XVII в. [Hortus Sanitatis. Strasburg, 1490].

Требник — Требник — Рукоп. БАН, Арх. д., № 72, вт. пол. XVI в.

Унков. — Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг. / документы изд. с предисл. и примеч. Н. Веселовского // Зап. РГО по Отд. этнографии. СПб., 1887. Т. 10. Вып. 2. С. 1—138.

Хан. ярл. — Приселков М.Л. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 91—114, сп. XVI в.

Х. Афан. Никит. или **Аф. Ник. Хожд. за три моря** — Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. / под ред. Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1948, сп. XVI—XVII вв.

Х. Варс. — Хождение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461—1462 г. / под ред. С.О. Долгова // Правосл. пале-

стин. Сб. М., 1896. Т. XV. Вып. 3. С. 1—25. 1456, 1461—1462 г., сп. перв. четв. XVII в. [с. 1—14: 1456 г., сп. XVII в.; с. 15—25: XVII в. ~ 1462 г.].

Х. Вас. Газ. или **Вас. Газ.** — Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634—1637 г. / под ред. С.О. Долгова // Правосл. палест. сб. СПб., 1897. Т. XI. Вып. 3. С. 1—45. 1634—1637 г., сп. XVII—XVIII вв.

Х. Дан. иг. — Житие и хождение Данила Русьския земли игумена 1106—1107 г. / под ред. М.А. Веневитинова // Правосл. палестин. сб. СПб., 1883. Т. I. Вып. 3 и СПб., 1885. Т. III. Вып. 9. 1113 г., сп. 1496 г.

Х. Котова или **Хожд. Ф. Кот.** — П[етровск]ий М. Хождение на Восток Ф.А. Котова в первой четверти XVII века // Изв. ОРЯС, 1907. Т. XII. Кн. 1. С. 67—125. 1624 г. сп. XVII в. [то же изд.: Хождение купца Федота Котова в Персию (Публикация Н.А. Кузнецовой. М., 1958)].

Х. Тр. Короб. или **Х. дьяка Тр. Кор.** — Хождение Трифона Коробейникова. 1593—1594 г. / под ред. Х.М. Лопарева // Правосл. палестин. сб. СПб., 1889. Т. IX. Вып. 3, сп. XVII в.

Хроногр. (Изб. Поп.) или **Хроногр. Изб. А. Попова** — Изборник славянских и русских сочинений и 5 статей, внесенных в хронографы русской редакции / собр. и изд. А. Попов. М., 1869. XV—XVII вв.

Хоз. Мор. I — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. [Хозяйство боярина Б.И. Морозова, ч. I] // Материалы по ист. феод.-крепостн. хозяйства. Вып. 1. М.; Л., 1933. 1646—1674 гг.

Хождение гостя Василия — Хождение гостя Василия. 1465—1466 гг. Православный палестинский сборник. СПб., 1884.

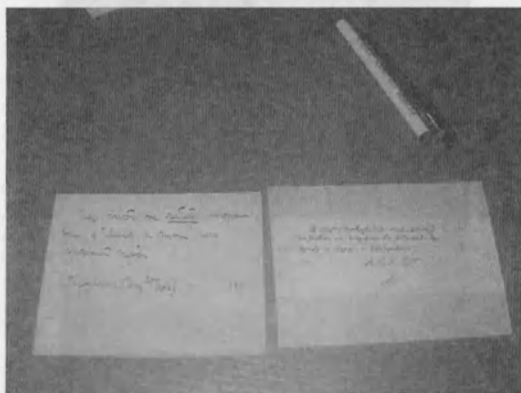
Хрон. Г. Амарт. — Истрин В.М. Хроника Георгия Амарттола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Текст. изд. ОРЯС Рос. АН. Пг., 1920. XI в., сп. XIII—XIV и XV в., вар. XV—XVII вв.

Сокращения автора:

Кн. зап. куп. и иных креп. влад. пр. из. — Книги записи купчих и иных крепостей владимирской приказной избы, стр. 89, 133 об. // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. — М.: Наука, 1984. — С. 133.

1. С ведущим научным сотрудником ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, кандидатом филологических наук Л.Ю. Астахиной (2013 г.)

2. Образец карточки с КДРС

3. Картотека древнерусского словаря Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

4. Картотека

Научное издание

Бурибаева Майнура Абильтаевна

ТЮРКИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ОТ ВАРИАНТОВ К НОРМЕ

Монография

Подписано в печать 28.11.2014. Формат 60×88/16.

Усл.-печ. л. 19,6. Уч.-изд. л. 13,1.

Тираж 200 экз. Изд. № 3101. Заказ № 8278.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва, В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90

М.А. Бурибаева

Тюркизмы в русском языке

От вариантов к норме

Бурибаева Майнура Абильтаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и теории перевода Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева; эксперт Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан.

Область научных интересов: тюркско-славянские языковые контакты, языки диаспор Казахстана и лингвистическая ситуация в республике, воспитание детей и их обучение в эпоху IT-технологий, русский язык и лингвистическое источниковедение, методика преподавания языков в школе.

ФЛИНТА • НАУКА

ISBN 978-5-9765-1788-2

9 785976 517882